

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

Исторический факультет

Зиборов Денис Михайлович

Политика Российской империи в Илийском вопросе в 1871–1881 годах

5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
Ф.А. Гайда

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Первая глава. Генезис Илийского вопроса.....	37
§1. Россия и Китай в Средней Азии: территориальное сближение империй.....	37
§2. Кульджинский договор 1851 г.....	40
§3. Усиление позиций России в Средней Азии в 50 – 60-е гг. XIX в	44
§4. Установление русско-китайской границы в Средней Азии: Пекинский трактат 1860 г. и Чугучакский протокол 1864 г.....	47
§5. Падение маньчжурской власти в Восточном Туркестане и позиция России.....	53
§6. От политики невмешательства к активным действиям.....	59
Вторая глава. Оккупация Илийского края в 1871–1878 гг.....	74
§1. Занятие Илийского края войсками Г.А. Колпаковского в 1871 г.....	74
§2. Вопрос о статусе Кульджи в 1871 г.....	84
§3. Управление Илийским краем.....	89
§4. Вопрос о статусе Кульджи в первой половине 70-х гг. XIX в.....	104
§ 5. Восстановление китайского господства в Восточном Туркестане и обострение русско-китайских отношений в Средней Азии в 1876–1878 гг.....	119
§6. Дискуссии по поводу передачи Кульджи.....	126
Третья глава. Заключение Ливадийского договора 1879 г. и Санкт-Петербургского договора 1881 г.: разрешение Илийского кризиса.....	133
§1. Ливадийский договор 1879 г.....	133
§2. Отказ Цинской империи от ратификации Ливадийского договора и обострение русско-китайских отношений.....	139
§3. Позиция Великобритании: миссия полковника Ч.Д. Гордона.....	164
§4. Санкт-Петербургский договор 1881 г.....	170
§5. Условия Санкт-Петербургского договора 1881 г. и его оценка современниками.....	182

Заключение.....	197
Список источников и литературы.....	202
Приложения.....	219
Приложение 1. Карта Восточного Туркестана.....	219
Приложение 2. Карта Восточного Туркестана и северной окраины Тибетского нагорья.....	220
Приложение 3. Восстания в Империи Цин в середине XIX в.....	221
Приложение 4. Подавление восстания Якуб-бека.....	222

Введение.

Научная значимость и актуальность темы исследования. Занятие в июне 1871 г. русскими войсками Илийского края, находившегося под юрисдикцией Китая, привело к появлению Илийского (Кульджинского) вопроса, под которым подразумевался ряд территориальных, правовых и экономических разногласий между двумя империями в Средней Азии в 1870-х – начале 1880-х гг.

Политика Российской империи в Илийском вопросе представляет собой комплексное явление. С одной стороны, она является неотъемлемой частью процесса присоединения Средней Азии к Российской империи во второй половине XIX в., установления новых границ государства, проведения административной политики в этом регионе. С другой стороны, Илийский вопрос занимает центральное место и в истории русско-китайских отношений, являясь одной из наиболее напряженных проблем, существовавших между двумя государствами.

История изучения русско-китайских отношений в Средней Азии в XIX в. в настоящий момент включает в себя ряд недостаточно исследованных вопросов, одним из которых является специфика политики России в Илийском кризисе, ставшем, пожалуй, наиболее острым эпизодом двустороннего взаимодействия в регионе. Актуальность исследования обусловлена также тем, что в нем рассмотрение данного вопроса увязано с анализом актуальной на тот момент международной обстановки, что вносило определенные коррективы в действия сторон. Таким образом, тема диссертации представляет важность как для исследования внешней политики на азиатском направлении, так и для понимания подхода российских властей к международным отношениям.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является политика России в Восточном Туркестане во второй половине XIX в. Предмет исследования – деятельность Российской империи, связанная с комплексом

международных противоречий 1870-х – начала 1880-х гг., получивших в исторической науке наименование «Илийский вопрос».

Хронологические рамки исследования в основном ограничиваются 1871–1881 гг., то есть охватывают период от занятия русскими войсками Кульджи до заключения между Россией и Китаем Санкт-Петербургского договора 12 февраля 1881 г. При этом всестороннее изучение вопроса в ряде случаев требует анализа как предшествующих событий середины XIX столетия, так и последствий разрешения Илийского кризиса, проявлявшихся на протяжении последующих двух десятилетий.

Территориальные рамки исследования обусловлены его объектом и предметом и охватывают прежде всего территорию Восточного Туркестана в целом и Илийского края в частности. В то же время в ряде случаев необходимо иметь в виду и события, происходившие на всем протяжении русско-китайской границы.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – анализ мотивов и действий российских властей в Илийском крае в контексте среднеазиатской политики Российской империи, русско-китайских и международных отношений второй половины XIX в. Для реализации данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- рассмотреть процесс формирования Илийского вопроса, изучить комплекс причин, обусловивших его специфику и приведших в конечном счете к проведению военной кампании и оккупации Кульджи;

- проанализировать десятилетний период нахождения Илийского края под контролем Российской империи, изучить социальную, экономическую, административную, культурную и религиозную политику российской администрации, рассмотреть принципы и мотивы действий российских властей в контексте политики в Средней Азии и специфики русско-китайских отношений;

– изучить совокупность причин, приведших к решению о возврате Илийского края под юрисдикцию Цинской империи, рассмотреть существовавшие в российском руководстве позиции по данному вопросу, оценить место и значение Илийского кризиса в истории российской внешней политики и ту роль, которую сыграли события 1870-х – начала 1880-х гг. в отношении среднеазиатской и дальневосточной политики России в конце XIX в.

Методологической основой исследования стали принципы историзма, научной объективности и системности. Использование принципа историзма состоит в том, что политика Российской империи в Илийском вопросе рассматривается в тесной взаимосвязи с актуальной общественно-политической обстановкой и в рамках конкретной международной ситуации, которая сложилась на тот момент и существенным образом влияла на постановку целей и задач российской дипломатии. Суть принципа научной объективности заключается в использовании репрезентативного комплекса разнообразных источников, которые подвергаются критической оценке. Принцип системности направлен на рассмотрение политики российских центральных и местных властей комплексно – как компонентов единого механизма принятия и осуществления внешнеполитических решений. Использовались также подходы микроистории и истории повседневности, что объясняется активным обращением в работе к материалам периодической печати (в том числе местного уровня) и источникам личного происхождения.

Степень изученности темы. Освещение темы исследования и отдельных ее аспектов в историографии на первый взгляд представляется обстоятельным, что нашло отражение в значительном количестве разнообразных монографий и статей.

Тем не менее всестороннего изучения собственно политика России в Илийском вопросе до настоящего момента не удостоилась. Наиболее полно она отражена в монографии под общей редакцией Д.В. Васильева «Предел

империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России: вторая половина XIX в.»¹, увидевшей свет в 2021 году. Ряд вопросов, таких как рассмотрение историко-культурной специфики Илийского края и, в особенности, административная политика российских властей в Кульдже детально отражены в данной работе, что является ее безусловным достоинством. С другой стороны, важнейшие вопросы дипломатического и военного характера лишь косвенно рассматриваются авторами.

В зарубежной историографии Илийскому вопросу посвящена монография И. Сюя «Илийский кризис: изучение китае-российской дипломатии в 1871–1881 гг.»². Она рассматривает сущность Илийского кризиса как самостоятельного эпизода международных отношений, однако мотивам поведения российских властей отведено второстепенное место. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что сама работа основана на использовании британских и китайских источников и практически не задействованным остаётся весь пласт российских материалов, без привлечения которых не представляется возможным объективно реконструировать политику России в ходе Илийского кризиса.

Другие работы рассматривают политику России в Илийском вопросе либо как часть российско-китайских отношений в Средней Азии в XIX в., либо посвящены отдельным аспектам вопроса.

Историография Илийского вопроса может быть поделена на отечественную и иностранную, вышедшую на английском языке. Отечественная историография при этом может быть разделена на дореволюционную, советскую и постсоветскую. Для дореволюционной историографии характерно поверхностное изучение Илийского вопроса прежде всего как одной из составляющих завоевания Российской империи Средней

¹ Васильев Д.В., Почекаев Р.Ю., Асанова С.А.; общ. ред.: Васильев Д.В. Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России: вторая половина XIX в.: к 300-летию Российской империи, 1721–2021. СПб. 2021.

² Hsu Immanuel (Hsu I.C.Y.). The Ili crisis. A study of Sino-Russian Diplomacy 1871–1881. Oxford. 1965.

Азии. Для советского периода характерно, с одной стороны, слабое внимание к проблематике, а с другой – заметная активизация изучения Илийского кризиса в связи с обострением советско-китайских отношений и политизации вопроса. Кроме того, именно в это время выходят первые работы, подробно рассматривающие отдельные аспекты темы. Этот процесс получил дальнейшее развитие после 1991 года, что вылилось в появлении большого числа статей и монографий, посвященных тем или иным вопросам, имеющим отношение к Илийскому кризису, российско-китайским отношениям в Средней Азии или англо-российскому противостоянию.

Для конца XIX в. характерен незначительный интерес к событиям, приведшим к заключению Санкт-Петербургского договора в 1881 г. Тем не менее, в дореволюционной России появляется ряд работ, освящавших эту тему. Еще до окончательного разрешения Илийского вопроса в 1880 г. сотрудник Азиатского департамента Министерства иностранных дел И.А. Пашков опубликовал статью «Россия и Китай и Кульджинский вопрос»³. В этой статье автор разбирался в истоках обострения межгосударственных отношений и описывал кризис, современником которого он сам являлся, как недоразумение в отношениях двух стран. Спустя десять лет вышел «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских»⁴ А.И. Макшеева, в котором автор весьма поверхностно говорил об Илийском вопросе, упоминая его лишь как один из эпизодов экспансии в Средней Азии, не выделявшийся на фоне остальных.

Среди дореволюционных публикаций стоит отметить вышедшую спустя 30 лет после разрешения Илийского кризиса в 1911 г. в «Историческом вестнике» работу В.С. Кадникова «Из истории Кульджинского вопроса»⁵. Эта работа, пожалуй, первая посвящена целиком Илийскому вопросу от его

³ *Пашков И.П.* Россия и Китай и Кульджинский вопрос // Русская мысль. 1880. № 9.

⁴ *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. 1890.

⁵ *Кадников В.С.* Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. Т. 124. № 6.

зарождения до разрешения в начале 1880-х гг. Цель статьи сформулирована автором следующим образом – «познакомить читателей с одним историческим эпизодом давно забытым, да вряд ли даже и в свое время достаточно замеченным русским обществом, мало интересовавшимся нашей азиатской политикой»⁶. Кадникова можно отнести к числу апологетов туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Он одобрял проводимую им политику и назвал его «самым компетентным лицом в этом деле». В то же время автор скептически оценивал результаты Санкт-Петербургского договора 1881 г., считая, что Россия пошла на неоправданные уступки.

Илийский вопрос как одна из составляющих политики России в Средней Азии затрагивалась в работах М.А. Терентьева. Еще в 1875 г. была опубликована книга «Россия и Англия в Средней Азии»⁷, посвященная политике двух империй в регионе, их противостоянию. В монографии достаточно подробно рассмотрена история появления в Центральной Азии России и Англии, их основные цели и задачи. Предпринят анализ основных событий середины XIX в., вызвавших столкновение интересов двух империй. Естественно, что в работе затрагивается, прежде всего, англо-русское противостояние, и упоминается лишь о занятии Кульджи и причинах этого шага. Позднее Терентьев написал трехтомную «Историю завоевания Средней Азии»⁸, где уже более подробно рассматривал политику Российской империи в регионе, начиная с первых лет XVIII в., вплоть до присоединения этого региона и установления контроля над среднеазиатскими ханствами. Отдельные работы были посвящены Кульджинской кампании генерала Г.А. Колпаковского как одной из славных страниц российской армии⁹.

Затем на несколько десятилетий интерес к данной теме пропадает, и не выходит ни одной значимой работы, посвященной Илийскому кризису. В

⁶ Там же. С. 894.

⁷ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. 1875.

⁸ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т. 2. М. 2018.

⁹ П.К. Действия против Кульджинского султана // Исторический вестник. СПб. 1899. Т. 8; Тагеев Б.Л. Кульджинский поход // Альманах армии и флота. СПб. 1902.

советские годы выходят лишь монографии, посвященные завоеванию Средней Азии, в которых Илийскому вопросу уделяется незначительное внимание. Впрочем, отдельные работы советских авторов необходимы для анализа ситуации, сложившейся во второй половине XIX в. в центральноазиатском регионе. Советские исследователи внесли весомый вклад в изучение этой проблематики. Так, она подробно освещена в ряде работ Н.А. Халфина¹⁰.

Ситуация меняется в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. в связи с событиями в Китае. В ходе «Культурной революции» в КНР выходит серия работ, посвященных истории Китая предшествующего периода, в которой крайне негативно оценивается внешняя политика европейских держав, а в особенности России, по отношению к Цинской империи. Ответом на подобные публикации становится выход сборника «Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений»¹¹, в котором выходит целая серия статей, посвященных политике России по отношению к Китаю.

Среди них стоит отметить работу Б.П. Гуревича «История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы»¹², в которой автор подвергает критике позицию, широко встречавшуюся к тому времени в Китае о стремлении Российской империи захватить западную часть страны. Основываясь на архивных документах, автор доказывает отсутствие в правительственных кругах таких планов. В этом же издании опубликована и статья Н. Антонова «К истории заключения Русско-китайского договора 1851 г. в Кульдже»¹³, в которой проанализирован первый договор, заключенный между Россией и Китаем в Средней Азии. По мнению автора, Кульджинский договор

¹⁰ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. (60–90-е годы XIX в.). М. 1965; Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент. 1957.

¹¹ Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М. 1982.

¹² Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М. 1982.

¹³ Антонов Н. К истории заключения Русско-китайского договора 1851 г. в Кульдже // Документы опровергают: против фальсификации русско-китайских отношений. М. 1982.

касался исключительно торговых вопросов и не представлял привилегий ни одной из сторон.

Изучение Илийского кризиса в 1990-е гг. связано в первую очередь с именем А.Д. Воскресенского, который в ряде статей и монографий затрагивает различные аспекты вопроса. В статье «Илийский кризис в русско-китайских отношениях второй половины XIX в.»¹⁴, вышедшей в 1990 г., автор анализирует генезис Кульджинского вопроса, причины его возникновения и пути разрешения. Воскресенский считает, что для России с самого начала сохранение присутствия Китая в Восточном Туркестане было более выгодным, чем существование независимых мусульманских государств, рискующих попасть под влияние Англии. Таким образом, и военная кампания 1871 г. является мерой, способствовавшей в итоге восстановлению власти Китая в Синьцзяне. Политика России в Илийском вопросе рассмотрена Воскресенским как составная часть российско-китайских отношений в монографии «Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний»¹⁵. Одним из безусловным достоинств данной работы является детальная работа с китайскими источниками, что позволяет понять логику действий оппонентов в ходе переговоров в 1879–1881 гг., которые рассмотрены и в отдельных монографиях.

Истории заключения Ливадийского договора, так и не ратифицированного китайской стороной и не вступившего в силу, посвящена работа А.Д. Воскресенского «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г»¹⁶. В этой работе выдвигается идея влияния на разрешение противоречий между двумя империями внутривосточной

¹⁴ *Воскресенский А.Д.* Илийский кризис в русско-китайских отношениях второй половины XIX в. // Новое в изучении Китая. Часть 5. М. 1990.

¹⁵ *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М. 2004.

¹⁶ *Воскресенский А.Д.* «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М. 1993.

борьбы в Китае различных группировок, близких к трону, придерживавшихся различных взглядов на внешнюю политику Цинской империи.

И, конечно же, огромный вклад в изучение Илийского вопроса внесла его монография «Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г.». В этой работе автор детально рассматривает обстоятельства, предшествующие заключению договора, ход переговоров, позиции сторон и противоречия между ними. В целом, Воскресенский позитивно оценивает значения договора для межгосударственных отношений, считая, что стороны были вынуждены пойти на взаимные уступки и прийти к общему знаменателю для предотвращения дальнейшей эскалации.

В 2000-е гг. русско-китайские отношения в Средней Азии затрагивались В.А. Моисеевым в нескольких его работах. Прежде всего, стоит отметить монографию «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)»¹⁷, посвященную русско-китайским отношениям в регионе на протяжении нескольких десятилетий. Значительное внимание здесь уделено и Илийскому вопросу.

Также стоит отметить статью «К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг.»¹⁸, посвященную, в первую очередь, обстоятельствам, приведшим к оккупации Илийской долины, а также работу «О некоторых причинах и последствиях политики невмешательства России в ход восстаний в Синьцзяне в 1864–1866 гг.»¹⁹, в которой автор подвергает критике политику нейтралитета, проводимую российским руководством во второй половине 1860-х гг. по отношению к событиям в Западном Китае. Моисеев считает, что переоценка силы восстания

¹⁷ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.–1917 г.). Барнаул. 2003.

¹⁸ Моисеев В.А. К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 2. Сборник научных статей под ред. В.А. Моисеева. Барнаул. 2000.

¹⁹ Моисеев В.А. О некоторых причинах и последствиях политики невмешательства России в ход восстаний в Синьцзяне в 1864–1866 гг. // Третьи востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы III региональной конференции. Барнаул. 2000.

и игнорирование призывов местных китайских властей не соответствовали интересам России в регионе и привели к усугублению ситуации.

Отдельные аспекты Илийского вопроса рассматривались С.В. Моисеевым. Его работы «Миссия А.В. Каульбарса в Йэйтишире и подписание русско-кашгарского торгового договора в 1872 г.»²⁰, «Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэтишар (1864–1877 гг.)»²¹ посвящены взаимодействию Туркестанских властей с кашгарским правителем Якуб-беком, чья политика вызывала серьезную настороженность К.П. фон Кауфмана.

Из вышедших в первое десятилетие XXI в. работ стоит упомянуть и опубликованное лишь в 2008 г. исследование П.А. Зайончковского «К вопросу завоевания Средней Азии»²², посвященное продвижению России в Средней Азии в целом, и Илийскому вопросу в частности. Важнейшей идеей Петра Андреевича, с которой сложно не согласиться, является мысль о существенных противоречиях в подходе к политике по отношению к Средней Азии, существовавших между Министерством иностранных дел и военным министерством, нередко между А.М. Горчаковым и Д.А. Милютиным. В дальнейшем межведомственные противоречия стали центральным объектом исследования С.В. Горшениной²³. При этом она является сторонницей нехарактерной для отечественной историографии позиции, согласно которой заявляемая поддержка Китая была лишь предлогом для осуществления экспансии, к которой стремились российские власти, не учитывавшие позицию Цинской империи.

²⁰ Моисеев С.В. Миссия А.В. Каульбарса в Йэтишире и подписание русско-кашгарского торгового договора в 1872 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул. 2001.

²¹ Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэтишар (1864–1877 гг.). Барнаул. 2006.

²² Зайончковский П.А. К вопросу завоевания Средней Азии // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс. М. 2008.

²³ Горшенина С. Теория естественных границ и завоевание Кульджи: автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // Ab Imperio. 2014. №2.

В последние годы вышел целый ряд работ, посвященных так называемой «Большой игре» – противостоянию России и Англии на Среднем Востоке. В этой связи следует упомянуть монографии В.Г. Обухова²⁴, Е.Ю. Сергеева²⁵, М. Ниязматова²⁶. В этих работах Илийский кризис рассматривается, прежде всего, как составная часть соперничества Российской и Британской империй, при этом роль и значения Китая, на наш взгляд, несколько умаляется. Тем не менее, рассмотрение Кульджинского вопроса в столь широком контексте позволяет лучше оценить причины, приведшие к обострению международной обстановки, и усилия, позволившие разрешить кризис в межгосударственных отношениях. Кроме того, нельзя забывать и о роли «третьей силы», в качестве которой нередко присутствовала Великобритания. Так, политика третьих стран в отношении Западного Китая в рассматриваемый период проанализирована в работах М.К. Басханова²⁷.

В 2000-е гг. отчетливо обозначился интерес исследователей к отдельным аспектам Илийского кризиса. Так, едва ли не впервые была затронута тема военных приготовлений России и Китая в период обострения двусторонних противоречий в работе «Деревянные пушки Китая. Россия и Китай – между союзом и конфликтом»²⁸. Ее автор – А.Н. Волынец демонстрирует военный аспект русско-китайских отношений в XIX веке, однако работа носит научно-популярный характер и, в частности, не имеет оформленного справочного аппарата. Военно-морской аспект (в том числе деятельность эскадры под командованием С.С. Лесовского) рассматривался в монографии Р.В.

²⁴ Обухов В.Г. Битва за Беловодье: Большая игра начинается. М. 2016.

²⁵ Сергеев Е.Ю. Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. 2016.

²⁶ Ниязматов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб. 2014.

²⁷ Басханов М.К. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-ата. 1990; Басханов М.К. Османская Турция и государство Якуб-бека. // Двадцать третья научная конференция «Общество и государство в Китае». М. 1991.

²⁸ Волынец А.Н. Деревянные пушки Китая. Россия и Китай – между союзом и конфликтом. М. 2017.

Кондратенко «Морская политика России 80-х годов XIX века»²⁹. Ситуация на Дальнем Востоке, связанная с положением дел во Владивостоке и в целом с позициями Тихоокеанского флота подробно отражена в статье О.Р. Айрапетова «Русский флот на Тихом океане с XVIII века до 1904 года»³⁰ и в исследовании под редакцией Р.С. Авилова³¹, посвящённому фортификации российского порта. Финансовое состояние Российской империи после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., являвшееся серьезным ограничителем для российской внешней политики в Азии, проанализировал В.Л. Степанов³².

Разведывательной работе (ее организации и в особенности миссии Н.Я. Шнеура и В.А. Бодиско в 1880–1881 гг.) посвящены работы О.А. Гокова³³, С.А. Фалько³⁴, М.Н. Алексеева³⁵ и др.³⁶ Ряд аспектов, касавшихся Илийского вопроса, (административная, правовая и миграционная политика российских властей в Средней Азии, дипломатические и военные шаги туркестанского генерал-губернатора, предпринятые в конце 1870-х гг.) исследован в работах³⁷

²⁹ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб. 2006.

³⁰ Айрапетов О.Р. Русский флот на Тихом океане с XVIII века до 1904 года // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018, №5.

³¹ Авилов Р.С. Владивостокская крепость. Ч. 1: назло надменному соседу: 1860–1905 гг. Владивосток. 2013.

³² Степанов В.Л. Цена победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015, №6.

³³ Гоков О.А., Фалько С.А. Жизненный путь офицера Генерального штаба: Николай Яковлевич Шнеур на службе России (1848–1894) // Русский Сборник: Исследования по истории России // Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XIX. М. 2016; Гоков О.А. Особенности военной разведки России на мусульманском Востоке (1856–1890-е гг.) // Canadian-American Slavic Studies. – 2011. – Volume 45. Number1.

³⁴ Фалько С.А. Деятельность российской разведки в Китае в 70-80-х гг. XIX в.: проблема оценки вооруженных сил Цинской империи // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2010. – № 908: Сер. Історія. – Вип. 42.

³⁵ Алексеев М.Н. Военная разведка в Российской империи. М. 2010.

³⁶ История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. М. 2018.

³⁷ Васильев Д.В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт первый: «Индийский поход» К. П. Кауфмана // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2 (42). С. 140–154; Васильев Д.В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт второй: посольство Н. Г. Столетова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3 (43); Васильев Д.В. Бремя империи: административная политика

Д.В. Васильева. Государственность и право в Восточном Туркестане, взаимоотношения К.П. фон Кауфмана со среднеазиатскими правителями, правовая политика Российской империи в подвластных ей регионах Центральной Азии рассмотрены в работах Р.Ю. Почекаева³⁸.

Кроме того, всестороннее рассмотрение Кульджинского кризиса требовало анализа ряда работ, не касающихся Илийского вопроса, а затрагивающих определенные аспекты русско-китайских отношений в Средней Азии. Экономическим связям двух империй в Центральной Азии посвящены работы Н.А. Алдабековой³⁹, Е.В. Бунакова⁴⁰, Н.Е. Единарховой⁴¹, Э.М. Мамедовой⁴². Безусловно, развитие торговли и создание максимально выгодных условий в Западном Китае было приоритетным направлением России в Восточном Туркестане, что нашло отражение во всех договорах с Китаем в Средней Азии во второй половине XIX в.

России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. 2018; *Васильев Д.В.* Поступь империи. Политика России в Центральной Азии: XIX – начало XX в. М., СПб. 2022; *Васильев Д.В.* Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. 2015; *Васильев Д.В., Асанова С.А.* Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1.

³⁸ *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М. 2017; *Почекаев Р.Ю.* Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М. 2020; *Почекаев Р.Ю.* Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. М. 2019; *Почекаев Р.Ю.* Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. Т. XLVI, ч. 2. М. 2016; *Почекаев Р.Ю.* Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Серия 2: Гуманитарные науки 2018. Т. 20. №4 (181).

³⁹ *Алдабекова Н.А.* Зарождение русско-китайских торговых связей в Центральноазиатском регионе в конце XVIII – середине XIX вв. // И не распалась связь времен... М. 1993.

⁴⁰ *Бунаков Е.В.* Из истории русско-китайских отношений в первой половине XIX в. // Советское востоковедение. 1956. №2.

⁴¹ *Единархова Н.Е.* Торгово-экономические связи России с Китаем (70-е годы XIX в.) // Экономические и политические связи народов России и стран Востока во второй половине XIX–начале XX вв. Иркутск. 1981.

⁴² *Мамедова Э.М.* Из истории торговых отношений Туркестана и Синьцзяна (1850–1917 гг.) // Научные работы и сообщения. Кн. 4. Ташкент. 1961.

Отдельные вопросы, связанные с управлением Илийским краем, были рассмотрены в работе К.А. Сутеевой «Некоторые аспекты административной и социальной политики России в Илийском крае Синьцзяна в 1871–1881 гг.»⁴³. Внешняя и внутренняя политика кашгарского правителя Якуб-бека проанализированы в монографии Д.А. Исиева «Уйгурское государство Йэйтишар (1864–1877)»⁴⁴, аргументация местных властей в пользу сохранения Илийского края в составе России находилась в центре внимания С.А. Асановой⁴⁵.

Привлечены были и работы общего характера, затрагивающие специфику истории Цинской империи XIX столетия и международных отношений на Дальнем Востоке, железнодорожное строительство в Средней Азии, отдельные эпизоды российской политики в Туркестане⁴⁶. Для понимания контекста необходимо использование и исследований общего характера, посвященных внешней политике Российской империи на протяжении XIX столетия. В

⁴³ Сутеева К.А. Некоторые аспекты административной и социальной политики России в Илийском крае Синьцзяна в 1871–1881 гг. // Идеология и политика. 1986. Ч. 2.

⁴⁴ Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864–1877). М. 1981.

⁴⁵ Асанова С.А. Смыслы российского присутствия в Центральной Азии на примере Кульджи // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. №5.

⁴⁶ Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи... по освоению Туркестана // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. №5 (109). С. 33–38.; Головачёв В.Ц. Симонсекский договор и борьба Китая против уступки Тайваня (1894–1895) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2008. №5; Громов А.В. Трофей Кульджинского похода русской армии (1871 г.) в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) // Военно-исторический журнал. 2019. №10 (714); История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в десяти томах / глав. ред. Тихвинский С.Л. Т. VI. М. 2014; Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников: (вторая половина XIX в.). Алма-Ата. 1988; Маланова А.В. Восточная Сибирь в годы Илийского кризиса (1871–1881) // Вестник ИрГТУ 2014 №5 (88); Проскурин В.Н. Жизнь и судьба генерала Колпаковского. Алматы. 2018; Струнина-Бородина Н.Г. Проблемы черногородуецкого территориального разграничения по итогам Берлинского конгресса 1878 г. (в освещении журнала «Нива» в начале 1880-х годов) // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы: проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность: [сборник статей]. Ред. Никифоров К.В. М. 2019.; Фурсов В.Н., Тестов В.Н. Возведение и функционирование Транскаспийской магистрали в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013 № 15 (158). Выпуск 27.

настоящем исследовании среди работ подобного характера стоит отметить работы О.Р. Айрапетова, Л.А. Нарочницкого, И.С. Рыбачёнок⁴⁷.

Илийский кризис являлся предметом изучения и зарубежной историографии. Одним из первых на Западе осветил Илийский вопрос Ричард Сэмпсон Гондри, автор книги «Китай и его соседи»⁴⁸. Раздел, посвященный разрешению пограничных вопросов между Россией и Китаем, был написан им уже в 1881 г. сразу же по заключении Санкт-Петербургского договора; само издание вышло несколько лет спустя. Любопытно, что Илийский кризис представляется ему недоразумением, вызванным, в том числе, неумелыми действиями китайской дипломатии. В рамках настоящего исследования особый интерес представляет его анализ миссии английского офицера Ч.Д. Гордона, консультировавшего китайские власти в 1880 г. по вопросам стратегии и тактики ведения боевых действий в случае начала конфликта.

Другим британским автором, затрагивавшим в конце XIX в. события Илийского кризиса, был Деметриус Чарльз Булджер, сотрудничавший в течение длительного времени с важными британскими журналами по вопросам, имевшим отношение к Индии, Китаю, Египту, Ближнему Востоку и Африке. Событиям, непосредственно затрагивающим Илийский вопрос посвящены его биографические работы (жизнеописания Якуб-бека и Ч.Д. Гордона), а также книга «Англия и Россия в Центральной Азии»⁴⁹. В целом, несмотря на отношение к политике России в регионе как к захватнической, действия

⁴⁷ *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 3: Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М. 2018; *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке М. 1956; *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М. 2012; *Рыбачёнок И.С.* Н.Н. Обручев о геополитических интересах России // Россия: Международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки. М. 2003.

⁴⁸ *Gundry R.S.* China and Her Neighbours: France in Indo-China, Russia and China, India and Thibet. London. 1893.

⁴⁹ *Boulger D.Ch.* England and Russia in Central Asia. Vol. 2. London. 1879; *Boulger D.Ch.* The life of Gordon: Major-General, R. E., C. B: Turkish field-Marshal, Grand Cordon Medjidieh, and Pasha; Chinese Titu (Field-Marshal), Yellow Jacket Order. London. 1891; *Boulger D.Ch.* The Life of Yakoob Beg, Athalik Ghazi, and Badaulet, Ameer of Kashgar. London, 1878.

российский властей в Илийском вопросе он характеризует как умеренные, направленные на недопущение войны с Китаем. Помимо работы Д.Ч. Булджера деятельности Ч.Д. Гордона посвящены отдельные сочинения британских исследователей. Так, его работа в Китае находилась в поле зрения Л. Элтона и Р. Гарретта⁵⁰.

Во второй половине XX века весомый вклад в изучение Илийского вопроса внесли работы уже упоминаемого И. Сюя. Речь идет о таких его трудах как «Илийский кризис: изучение китае-российской дипломатии в 1871–1881 гг.» и «Вступление Китая в Семью наций, а также коллективный 11 Том «Кембриджской истории Китая»⁵¹, одним из соавторов которого также является упомянутый исследователь. В работах И. Сюя затрагиваются истоки возникновения Илийского вопроса, политика России, Китая и отчасти Великобритании, особенности внутри- и внешнеполитического положения Цинской империи в 70-80-е гг. XIX в. и разрешение противоречий на переговорах в 1881 г. Безусловно, написанное Сюем имеет огромное значение при изучении Илийского вопроса, прежде всего речь идет о многочисленных деталях, объясняющих поведение китайской стороны. Но в то же время политике Российской империи он касается недостаточно подробно, что вполне объяснимо тем фактом, что приведенные выше работы основаны на китайских и британских источниках, и в них практически не были использованы российские материалы, имеющие первостепенное значение.

Так же, как и в отечественной литературе в иностранных работах встречается подробный анализ отдельных аспектов, связанных с Илийским вопросом. С этой точки зрения стоит отметить работы У.Л. Бэйлса⁵² и Д. Ноды. Биографическое сочинение Бэйлса посвящено деятельности китайского

⁵⁰ *Elton G.E.* First baron, General Gordon. London. 1954; *Garrett R.* General Gordon. London. 1974.

⁵¹ *Hsu Immanuel (Hsu I.C.Y.)* China's entrance into the Family of Nations. Cambridge. 1960; *The Cambridge History of China. Volume 11: Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2.* Edited by John K. Fairbank, Kwang-Ching Liu. Cambridge. 1980.

⁵² *Bales W.L.* Tso Tsung'tang: soldier and statesman of old China. Shanghai. 1937.

военачальника Цзо Цзунтана – пожалуй, наиболее активного актора китайской внешней политики на западном направлении. Монография носит комплементарный характер; автор восторженно отзываясь о Цзо, считает его героем и патриотом своей страны, превознося его заслуги перед Китаем. В то же время, как отметили дальнейшие исследователи, Бэйлс совершил ряд ошибок ввиду ограниченности используемых источников⁵³. Тем не менее, эта работа содержит ряд интересных фактов, касающихся личности Цзо Цзунтана, мотивов его действий на границе с Россией во второй половине 70-х гг. XIX столетия.

Статья Д. Ноды «Переосмысляя Илийский кризис: Илийский край под властью России (1871–1881)»⁵⁴ затрагивает специфику региона, мотивы занятия Кульджи русскими войсками и, в особенности, период управления российскими властями. На фоне прочих работ, посвященных настоящей проблематике, статья Ноды отличается довольно широким использованием российских источников, что можно отнести к несомненным достоинствам автора.

В то же время стоит упомянуть ряд работ, раскрывающих отдельные аспекты заявленной темы, посвященных «Большой игре»⁵⁵ в Восточном Туркестане и продвижению Российской империи в Средней Азии в целом, а также проблеме военных приготовлений Китая в начале 1880-х гг.⁵⁶

⁵³ The Cambridge History of China. Volume 11: Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2. Edited by John K. Fairbank, Kwang-Ching Liu. Cambridge: Cambridge University Press. 1980.

⁵⁴ Noda J. Reconsidering the Ili Crisis – The Ili Region under Russian Rule (1871–1881) // Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future // ed. by M. Watanabe, J. Kubota. Kyoto: Research Institute for Humanity and Nature. 2010.

⁵⁵ Выражение «The Great (Grand) Game» впервые использовал офицер на службе Ост-Индской компании Артур Конолли в письме, губернатору Бомбея в 1840 г. В широкий оборот термин был введен Редьярдом Кипплингом в романе «Ким» (1901), термин нашел широкое применение в англоязычной литературе XX – начала XXI вв., а затем и в современной российской историографии. Подробнее... *Сергеев Е.Ю.* Большая игра 1856–1907... С. 6–11.

⁵⁶ Хонкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М. 2004; Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge. 2021; Hodong Kim. Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford. 2004; Millward, James A. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. Columbia

Что касается зарубежной историографии Илийского вопроса, то для нее в большей степени характерным является возложение ответственности за произошедшее на Российскую империю. Причиной обострения межгосударственных отношений нередко называются экспансионистские замыслы России, стремившейся расширить свои владения, не допустить усиления Британии в регионе и воспользоваться трудностями, которые в то время переживала Цинская империя. Такая точка зрения, безусловно, не соответствующая действительности и излишне упрощающая ситуацию, возможно, связана тем, что исследователи были лишены возможности работать с отечественными архивами, где и находилось большинство документов, посвященных политике Российской империи в Илийском вопросе, и, соответственно, им было проблематично верно трактовать шаги, предпринимаемые Россией.

При этом подобная позиция, хотя и является маргинальной для российских исследователей, имеет место быть и в отечественной науке. Так, в статье «Теория естественных границ и завоевание Кульджи: автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана» озвучена мысль о том, что занятие Кульджи представляло собой «общий для всех империалистических держав сценарий»⁵⁷.

Как мы видим, в литературе, посвященной Илийскому вопросу, можно встретить противоположные взгляды на произошедшие события. Таким образом, одна из сложностей разработки данной темы заключается еще и в том, что исследования различных ученых отражали, прежде всего, точку зрения той или иной стороны.

University Press. 2021; *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia and their disputed frontier. New York. 1985; *Powell R.L.* The rise of chinese military power: 1895–1912. Princeton. 1955.

⁵⁷ Горшенина С. Теория естественных границ... С. 155.

Специфику изучения Илийского вопроса характеризует и тот факт, что различные аспекты проблемы изучены неравномерно. Некоторым вопросам, как, например, заключению Санкт-Петербургского договора в 1881 г., посвящены отдельные монографии. Другие же аспекты, скажем, военная экспедиция генерала Колпаковского и занятие Кульджи в 1871 г. или военные приготовления сторон в 1880 г. практически не затрагивались исследователями.

Источниковая основа диссертации включает в себя круг источников, которые могут быть разделены на пять групп: 1) законодательные источники; 2) делопроизводственная документация; 3) статистические материалы; 4) материалы периодической печати; 5) источники личного происхождения.

Законодательные источники.

К источникам этого типа стоит отнести тексты договоров, заключенных между Россией и Китаем во второй половине XIX в. В настоящем исследовании мы пользовались текстами Кульджинского договора 1851 г., Чугучакского договора 1864 г., опубликованными в издании «Русско-китайские отношения 1689–1916 гг.»⁵⁸. Два договора, непосредственно касающиеся Илийского вопроса – Ливадийский и Санкт-Петербургский – а также прилагавшиеся к ним правила сухопутной торговли между двумя империями, были опубликованы в монографии А.Д. Воскресенского «Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года»⁵⁹. Были использованы также тексты Пекинского трактата 1860 г. и Симоносекского договора 1895 г., имеющие косвенное отношение к Илийскому вопросу⁶⁰. Копия соглашения

⁵⁸ Трактат, заключенный между Россией и Китаем о торговле в Кульдже и Чугучаке // Русско-китайские отношения. 1689–1916. М.: Издательство восточной литературы. 1958. С. 26–29; Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы // Русско-китайские отношения. 1689–1916. М.: Издательство восточной литературы. 1958. С. 46–49.

⁵⁹ *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М. 1995.

⁶⁰ Дополнительный договор между Россией и Китаем // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М. 1952; Японско-китайский мирный договор (Симоносеки) 17 апреля 1895 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 г. СПб. 1906.

России с Якуб-беком была опубликована в работе С.В. Моисеева «Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в»⁶¹.

Делопроизводственная документация.

Настоящее исследование опирается, прежде всего, на документы Министерства иностранных дел и военного министерства, посвященные политике Российской империи в Илийском вопросе.

Первостепенное значение имеют материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), в ряде фондов которого отложились важнейшие документы, посвященные Илийскому вопросу. В первую очередь, стоит отметить материалы Военно-ученого архива РГВИА⁶². Здесь представлены такие важные для настоящего исследования источники как материалы, посвященные походу русских войск на Кульджу. Материалы дела содержат целый ряд документов: от приказа Г.А. Колпаковского войскам Семиреченской области до пометки императора Александра II на донесении Д.А. Милютина о завершении экспедиции. Здесь же представлены донесения генерала командующему войсками Туркестанского военного округа о ходе и результатах похода, а также записка полковника А.В. Каульбарса о положении дел в Кульдже.

В материалах фонда представлена документация Министерства иностранных дел и военного министерства, посвященные управлению Илийским краем в 1871–1881 гг., переписка Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана с различными должностными лицами, прежде всего с военным министром Д.А. Милютиным, военным губернатором Семиреченской области Г.А. Колпаковским, главой внешнеполитического ведомства А.М. Горчаковым, Директором Азиатского департамента

⁶¹ Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в. Документы и извлечения // Сост. Моисеев С.В. Барнаул. 2008.

⁶² РГВИА. Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16. Т. 2. Д. 6809, 6828, 6839, 6842, 6888, 6896, 6909, 6913.

Министерства иностранных дел П.Н. Стремоуховым и другими должностными лицами.

В материалах фонда широко представлены дискуссии между военными Туркестанского округа и дипломатами по поводу уместности занятия, удержания и включения Кульджи в состав империи, журналы заседаний целого ряда Особых совещаний, журналы военных и политических событий, инструкции Поверенному в делах в Пекине и его переписка с центральными ведомствами и губернаторами приграничных областей и ряд других документов.

Также среди материалов РГВИА был использован фонд Главного штаба за 1836–1918 гг.⁶³ Здесь отложились материалы, посвященные урегулированию отношений с правителем Йэйтишара Якуб-беком, материалы, касающиеся посольства в Кашгар в 1872 г., переписка между Д.А. Милютиным и К.П. фон Кауфманом, а также между туркестанским генерал-губернатором и А.В. Каульбарсом, договор, заключенный с Якуб-беком в 1872 г., материалы, касающиеся организации и отправке к берегам Китая эскадры под командованием С.С. Лесовского, а также разведывательной миссии Шнеура и Бодиско в 1880–1881 гг.

Были привлечены также материалы фонда походной канцелярии командующего войсками⁶⁴ и Штаба Туркестанского военного округа⁶⁵, посвященные приготовлениям к боевым действиям с Китаем в Средней Азии в 1879–1880 гг. в связи с обострением отношений с Цинской империей, вызванным отказом пекинского правительства ратифицировать Ливадийский договор. В основном это – переписка Кауфмана с военным министром, приказы и распоряжения по Туркестанскому военному округу, рапорты и донесения

⁶³ РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Азиатская часть. 1836–1918 гг. Оп. 1. Д. 305, 646, 653.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 1392. Походная канцелярия Командующего войсками Туркестанского военного округа. Оп. 1. Д. 26, 29.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 1396. Штаб Туркестанского военного округа. Оп. 2. Д. 45, 52, 77, 111, 116, 117.

командующему округом за 1880 г., предложения, касающиеся организации военной кампании в случае разрыва двусторонних отношений.

Было необходимо обратиться и к материалам фонда «Китай»⁶⁶. Здесь отложились документы по русско-китайским отношениям XIX в., в том числе, записка Поверенного в делах в Пекине действительного статского советника Е.К. Бюцова, являющаяся квинтэссенцией взгляда Министерства иностранных дел на Илийский вопрос во второй половине 1870-х гг.

Тема исследования предполагает также использование личного фонда А.В. Каульбарса⁶⁷ – офицера российской армии, который на протяжении нескольких лет был одним из видных акторов политики России по отношению к Илийскому краю. С его именем связано как проведение научно-разведывательных экспедиций, так и руководство дипломатическими миссиями к местным правителям в 1870 г. и в 1872 г. Принимал Александр Васильевич участие и в работе особого совещания по Илийскому вопросу, а также являлся автором ряда служебных документов, прежде всего разведывательного характера. При этом материалы фонда до настоящего времени не использовались исследователями в работах, посвященных Илийскому вопросу.

Широко представлены в настоящем исследовании и материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). В первую очередь речь идет о Санкт-Петербургском Главном архиве⁶⁸. Здесь отложились материалы, касающиеся политики Российской империи в Западном Китае в 60-х гг. XIX в., переписка между канцлером А.М. Горчаковым, директором Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоуховым, посланником в Пекине А.Г. Влангали (затем его сменил на этом посту Е.К. Бюцов) свидетельствует о нежелании внешнеполитического ведомства вмешиваться в конфликт в соседней стране и стремлении проводить политику нейтралитета.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 447. Китай. Оп. 1. Д. 5, 9.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 203. А. В. Каульбарс. Оп. 1. Д. 9, 12, 13.

⁶⁸ АВПРИ. Санкт-Петербургский Главный архив. I–I. Оп. 781. Д. 174, 180, 181, 183, 185, 189, 190.

В данном фонде также широко представлены материалы, касающиеся переговоров с китайскими представителями, приведшие к заключению двух межгосударственных договоров, урегулировавших Илийский кризис – Ливадийского в 1879 г. и Санкт-Петербургского в 1881 г.

Среди материалов фонда находятся и журналы особых совещаний, состоявшихся в марте и июне 1879 г., доклады министров императору по поводу отношений с Китаем в Средней Азии, секретные телеграммы российским представителям в Китае, инструкция вице-адмиралу С.С. Лесовскому, командующему эскадрой, отправленной к китайским берегам в 1880 г. В целом были привлечены материалы фонда с 1864 г. по 1881 г. Кроме этого, были использованы источники, хранящиеся в фонде «Китайский стол»⁶⁹ и «Среднеазиатский стол»⁷⁰ АВПРИ, касающиеся взаимодействия туркестанских властей с населением Илийского края, а также ряд сообщений дипломатических представителей Российской империи в Пекине.

Были использованы также материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Речь идет о материалах личных фондов Е.К. Бюцова⁷¹ Н.П. Игнатьева⁷². Первый занимал пост посланника в Китае в 1873–1883 гг. и являлся одним из наиболее погруженных в Илийский вопрос представителей Российской империи. Так, именно он наряду с Н.К. Гирсом со стороны России и Цзэном Цзицзэ со стороны Китая подписал Санкт-Петербургский договор 1881 г., приведший к урегулированию Илийского вопроса. В материалах фонда находятся его черновики, письма, проекты, посвященные различным аспектам российско-китайских отношений. Особенно стоит отметить переписку с ургинским консулом Я.П. Шишмаревым, находившимся непосредственно в Кульдже в период обострения двусторонних отношений в 1880–1881 гг. Материалы фонда демонстрируют ряд новых

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1106, 2035.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 1. Д. 1701.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 862. Бюцов Е.К. Оп. 1. Д. 31, 33, 35, 106, 156, 164.

⁷² ГА РФ. Ф. 730. Игнатьев Н.П. Оп. 1. Д. 433.

деталей, касающихся проблематики исследования и до настоящего времени не использовались при освещении Илийского вопроса.

Что касается Н.П. Игнатьева, то хотя его и сложно назвать в числе представителей Российской империи, определявших ее политику в Илийском вопросе, но именно ему принадлежит записка, составленная уже после разрешения противоречий с Китаем в 1881 г. В ней наиболее полно выражена позиция Министерства иностранных дел касательно Кульджинского вопроса и оценка политическими элитами России Санкт-Петербургского договора.

Архивные материалы РГВИА, АВПРИ и ГА РФ имеют первостепенное значение при анализе политики Российской империи в Илийском вопросе и в наибольшей степени способствуют раскрытию проблемы настоящего исследования. При этом лишь некоторые из них к настоящему времени подвергались анализу, тогда как другие⁷³ не использовались в литературе и впервые вводятся в научный оборот.

Помимо материалов крупнейших архивов России были использованы опубликованные источники, касающиеся Илийского вопроса. Дипломатические документы, касавшиеся заключения Ливадийского и Санкт-Петербургского договоров с Китаем в числе ряда материалов Министерства иностранных дел, оказались за границей и были опубликованы Барбарой Елавич в сборнике документов под названием «Russia in the East»⁷⁴. Для настоящего исследования особый интерес представляет вторая глава данного издания – «Russia and China&the Kulja affair». Здесь опубликована переписка российских дипломатов (в оригинале, на французском языке), прежде всего, Н.К. Гирса и А.Г. Жомини, освещающая ход переговоров с китайскими представителями после отказа Цинской империи от ратификации Ливадийского договора. Безусловно,

⁷³ Речь идет прежде всего о материалах упомянутых фондов ГА РФ, документах фонда походной канцелярии командующего войсками и Штаба Туркестанского военного округа, посвященные приготовлениям к боевым действиям с Китаем в Средней Азии в 1879–1880 гг., личного фонда А.В. Каульбарса, материалах Среднеазиатского стола АВПРИ.

⁷⁴ Russia in the East 1876–1880. The Russo-Turkish war and the Kuldja crisis as seen through the letters of A.G. Jomini to N.K. Giers. Edited by Charles and Barbara Jelavich. Leiden. 1959. 173 p.

подобные источники проливают свет на позицию Министерства иностранных дел в 1880–1881 гг. относительно вопроса о возвращении Илийского края под контроль Пекина.

Отдельные письма К.П. фон Кауфмана императору Александру II, Д.А. Милютину и среднеазиатским правителям были изданы в «Документах русской истории»⁷⁵ в 2003 г. Ряд документов о политике России по отношению к Западному Китаю в 1870-е гг. был опубликован в работе С.В. Моисеев «Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в». В частности, в этом издании были опубликованы материалы, характеризующие отношение России к государству Якуб-бека в первой половине 1870-х гг., миссии А.В. Каульбарса к кашгарскому правителю в 1872 г. Однако нельзя не отметить, что публикация источников осуществлялась в выборочном порядке, в результате чего некоторые важные документы не были задействованы исследователем. Кроме того, стоит сказать, что многие документы приведены не в полном объеме, что несколько искажает их содержание.

В 2016 г. увидело свет издание «Туркестан в имперской политике России»⁷⁶. В этом сборнике представлены документы, посвященные истории Туркестанского края в составе Российской империи. Основу издания составили документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА УЗ), дополненные материалами Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и ряда других архивов. Среди множества представленных документов для настоящего исследования представляют интерес материалы, касающиеся управления Илийским краем в 1871–1881 г. Среди них, пожалуй, стоит выделить «Прокламацию генерала Колпаковского к населению Илийского края» и «Инструкцию Начальникам участков

⁷⁵ «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории, № 1 (61). 2003.

⁷⁶ Туркестан в имперской политике России. Монография в документах // отв. Ред. Т.В. Котюкова. М. 2016.

Кульджинского района», на основании которых осуществлялось временное управление этой территорией.

Статистические материалы, использованные в настоящем исследовании представлены таблицами государственных доходов и расходов с 1802 по 1881 гг., всеподданнейшими отчетами государственного контролёра, всеподданнейшим докладом министра финансов за 1881 г., всеподданнейшим отчётом военного министерства за 1880 г., материалами Министерства иностранных дел⁷⁷. Данные материалы позволяют проанализировать ситуацию в финансовой и военной сфере, внешнеполитическом ведомстве, сложившуюся на рубеже 1870–1880-х гг., которая оказывала непосредственное влияние на принятие ключевых решений по Илийскому вопросу российскими властями.

Материалы периодической печати.

Материалы периодической печати можно разделить на две категории: аналитические статьи, посвященные российско-китайским отношениям и касавшиеся Илийского кризиса и газетные заметки небольшого объема, затрагивавшие наиболее актуальные на момент написания эпизоды.

К первой категории стоит отнести ряд статей, выходивших в столичной прессе в период обострения русско-китайских отношений, демонстрировавших различные мнения по поводу необходимого образа действия российских властей. К ним относится статья «Настоящий восточный вопрос»⁷⁸ В.П. Васильева, вышедшая в шести частях в «Голосе» в 1877–1878 гг., напечатанные там же статьи М.И. Венюкова «Территориальные приобретения и уступки

⁷⁷ Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1881 год. СПб. 1881; Всеподданнейший отчет государственного контролёра за 1879 год. СПб. 1880; Всеподданнейший отчет государственного контролёра за 1880 год. СПб. 1881.; Министерство финансов. 1802–1902: Ист. обзор главнейших мероприятий фин. Ведомства. Ч.1. СПб. 1902; Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1880 год. СПб. 1882; Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб. 1902.

⁷⁸ *Васильев В.П.* Настоящий восточный вопрос I часть // Голос. 1877. №64; *Васильев В.П.* Настоящий восточный вопрос II часть // Голос. 1878. №25; *Васильев В.П.* Настоящий восточный вопрос III часть // Голос. 1878. №351; *Васильев В.П.* Настоящий восточный вопрос IV часть // Голос. 1878. №354; *Васильев В.П.* Настоящий восточный вопрос V часть // Голос. 1878. №355; *Васильев В.П.* Настоящий восточный вопрос VI часть // Голос. 1879. №3.

России во второй половине XIX века»⁷⁹ и Н. Латкина «По поводу кульджинского края»⁸⁰, а также опубликованная в газете «Новое время» статья «Следует ли уступить Китаю Кульджу?»⁸¹.

Ко второй группе относятся прежде всего материалы газеты «Туркестанские ведомости»⁸², первой еженедельной газеты в Средней Азии на русском языке. «Туркестанские ведомости» издавались с 1870 г. при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте. Здесь публиковались приказы по Туркестанскому военному округу, авторские заметки, посвященные новому региону Российской империи, другие материалы о Средней Азии. Нередко центральные ведомства Российской империи получали сведения о событиях, происходивших на азиатских окраинах именно из этой газеты. В начале 1870-х гг. в «Туркестанских ведомостях» регулярно печатались статьи, посвященные Кульджинскому краю, корреспондент газеты находился при российском отряде и в 1871 г. при покорении Илийского султаната, описывал ход военной кампании. Эти статьи могут служить дополнительным источником при изучении Илийского вопроса. Также были использованы сведения, помещенные в столичной газете «Русский инвалид»⁸³.

⁷⁹ Венюков М.И. Территориальные приобретения и уступки России во второй половине XIX века // Голос. 1878. №12; Венюков М.И. Территориальные приобретения и уступки России во второй половине XIX века (Окончание) // Голос. 1878. №14.

⁸⁰ Латкин Н. «По поводу кульджинского края» // Голос. 1878. №288.

⁸¹ Следует ли уступить Китаю Кульджу? // Новое время. 1878. №720.

⁸² Военные действия в кульджинских пределах (С 12-го по 16-е июня) // Туркестанские ведомости. 1871. №26; Военные действия в кульджинских пределах // Туркестанские ведомости. 1871. №27; Из действующего отряда (Корреспондент Туркестанских Ведомостей) // Туркестанские ведомости. 1871. №25; Мушкетов И.В. К вопросу о Кульдже // Туркестанские ведомости. 1879. №41; О Кульдже. Краткий очерк политических событий в Кульдже со времени восстания мусульман против китайцев. Ч. I // Туркестанские ведомости. 1871. №15; О Кульдже. Краткий очерк политических событий в Кульдже со времени восстания мусульман против китайцев. Ч. II // Туркестанские ведомости. 1871. №16; Посещение г. генерал-губернатором При-Илийского края // Туркестанские ведомости. 1871. №37; Последние военные действия в Кульдже (из донесений генерал-лейтенанта Колпаковского) // Туркестанские ведомости. 1871. №25; Русская торговля в Кульдже // Туркестанские ведомости. 1872. № 15; С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №19; С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №23; С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №24.

⁸³ Русский инвалид. 1882. № 148.

Источники личного происхождения.

Источники личного происхождения представлены дневниками, воспоминаниями, путевыми заметками, авторами которых являются непосредственные участники событий и должностные лица, вовлеченные в решение Илийского вопроса.

Прежде всего, стоит отметить мемуары⁸⁴ военного министра Российской империи Дмитрия Алексеевича Милютина, являвшегося одним из основных действующих лиц, определявших политику России в Илийском вопросе в 1860-х – начале 1880-х гг. Д.А. Милютин достаточно подробно освещает внешнеполитическую обстановку того времени, уделяя внимания и политике в Азии, хотя для него, очевидно, она не является приоритетной.

Среди источников личного происхождения нельзя не отметить «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1859–1875 гг.»⁸⁵ Н.Ф. Бабкова, активного участника территориальной демаркации в регионе, занимавшего ряд должностей в приграничных областях Российской империи. Его мемуары представляют безусловный интерес для анализа ситуации, сложившейся в Восточном Туркестане перед падением китайской власти, а также в течение первых месяцев мусульманского восстания в Синьцзяне.

Очевидцем событий в Илийском крае был и знаменитый художник-баталлист Василий Васильевич Верещагин, нередко посещавший зону боевых действий. Он находился в приграничных областях Туркестанского края и принимал участие в стычках с вооруженными отрядами повстанцев Кульджи в конце 1860-х гг. накануне кампании, предпринятой против таранчинского султаната. Эти события не только легли в основу, по меньшей мере, двух его

⁸⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 // Под ред. Л.Г. Захаровой. М. 2003; Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – начало 1873 // Под ред. Л.Г. Захаровой. М. 2006; Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. В двух томах. Т. 1. М. 2016; Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. В двух томах. Т. 2. М. 2016.

⁸⁵ Бабков Н.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1859–1875 гг. СПб. 1912.

картин, но и были изложены в его книге «На войне в Азии и Европе»⁸⁶, охватывающей события 1868–1882 гг. в Средней Азии и на Балканах.

Отдельные эпизоды, связанные с Илийским вопросом нашли свое отражения в воспоминаниях других участников событий: падение китайской власти в Кульдже - в воспоминаниях А.А. Дьякова⁸⁷, а также в статье, размещённой в 1866 г. в «Военном сборнике»⁸⁸, деятельность русской православной миссии отражена в «Письмах из Кульджи»⁸⁹ М. Путинцева, Кульджинский поход 1871 г. отражен в воспоминаниях сестры милосердия А. Копцевой⁹⁰.

К источникам личного происхождения относятся материалы известных военных деятелей - А.Н. Куропаткина⁹¹, А.В. Каульбарса⁹², целью которых было отразить актуальную на тот момент ситуацию в Синьцзяне и дать объективный анализ политической ситуации, состояния вооружённых сил местных государственных образований или перспектив развития экономики края.

Также были использованы воспоминания западных (прежде всего британских) должностных лиц, работавших в это время в Санкт-Петербурге или в колониальной администрации Британской Индии. К ним относятся воспоминания посла Великобритании в России в 1871–1879 гг. О. Лофтуса⁹³,

⁸⁶ *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°. 1898. 370 с.

⁸⁷ *Дьяков А.* Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 годах в Илийском крае // Записки восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 18. СПб. 1908.

⁸⁸ *П.Р.* Несколько дней в Кульдже // Военный Сборник. 1866. №9. С. 133–157.

⁸⁹ *Путинцев М.* «Миссионерская проповедь может послужить поводом к возмущению магометанского населения...» // Восток Свыше: духовный, литературно-исторический журнал выпуск LVII. 2021. № 3. С. 14–31.

⁹⁰ *Копцева А.* Походные заметки сестры милосердия о кульджинском походе 1871 г. // Туркестанские ведомости. 1873. №16. С. 63–64.

⁹¹ *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб. 1879.

⁹² *Каульбарс А.В.* Поездка в Кульджу // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 2. СПб. 1873.

⁹³ *Loftus A.* The diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus. 1862–1879. Ser. 2. Vol. 2. London–Paris–Melbourne. 1894.

мемуары германского посла Г.Л. фон Швейница⁹⁴, работавшего с 1876 г. в российской столице, мемуары Ф.С. Робертса⁹⁵ – британского военного деятеля, прошедшего более 40 лет в Индии и Афганистане, активного участника Второй Афганской войны (1878–1880 гг.), дневник английского посланника к Якуб-беку Генри Вальтера Беллью «Кашмир и Кашгар»⁹⁶, письма⁹⁷ Чарльза Джорджа Гордона – британского офицера, находившегося при китайском дворе летом 1880 г., изложившего свое видение характера войны между Россией и Китаем в случае ее начала. Привлечение данных материалов позволяет погрузиться в международную обстановку, сложившуюся в центральноазиатском регионе в 1870–1880-е гг., проанализировать позицию иностранных держав относительно российской политики в Туркестане, разобраться в мотивах действий должностных лиц и в механизме принятия ключевых решений.

Таким образом, мы располагаем достаточными материалами источников для написания настоящего исследования. Источниковой базой работы являются архивные материалы крупнейших российских архивов. Некоторые из упомянутых источников, представляющих безусловную ценность для исследования Илийского вопроса, ранее не использовались и приводятся впервые.

Научная новизна исследования связана с тем, что в настоящий момент отсутствуют работы, рассматривающие политику Российской империи в Илийском вопросе комплексно, затрагивая военный, дипломатический, административный аспекты. В диссертации рассматривается ряд вопросов, которые до сегодняшнего дня практически не находились в фокусе внимания

⁹⁴ *Швейниц Л. фон.* При дворе Александра II. Мемуары германского посла. СПб. 2022.

⁹⁵ *Roberts F.S.* Forty-One Years in India: From Subaltern to Commander-In-Chief. In two volumes. Vol. 2. London. 1897.

⁹⁶ *Беллью Г.В.* Кашмир и Кашгар: дневник Английского посольства в Кашгаре в 1873–1874 г. СПб. 1877.

⁹⁷ *Gordon C.G.* Letters of general C.G. Gordon to his sister M.A. Gordon. London. 1902; Некоторые письма опубликовал *Д. Булджер... Boulger D.Ch.* The life of Gordon: Major-General, R.E., C.B: Turkish field-Marshal, Grand Cordon Medjidieh, and Pasha; Chinese Titu (Field-Marshal), Yellow Jacket Order. London. 1891.

исследователей. Среди них Кульджинский поход 1871 г. и завоевание Илийского края, обострение русско-китайских отношений в 1880 г., военные приготовления сторон, анализ влияния Илийского кризиса на политику стран. В диссертации также введено в научный оборот значительное количество ранее не использованных архивных документов и материалов периодической печати.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что настоящая работа и ее выводы имеют ценность при изучении истории внешней политики Российской империи во второй половине XIX в. на азиатском направлении.

Практическая значимость исследования состоит в том, что содержащиеся в нем общие теоретические выводы и фактические данные могут быть использованы для разработки специальных курсов по внешней политике России XIX в. – начала XX в. Помимо этого, данное исследование может быть полезно в плане изучения истории русско-китайских отношений и политики России в Центрально-Азиатском регионе.

Достоверность проведенного исследования определяется широтой и разнообразием источниковой базы, включающей в себя опубликованные и неопубликованные материалы Военного министерства и МИД Российской империи, материалы периодической печати, а также документы личного происхождения.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы изложены в 5 научных работах автора общим объемом 4,5 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, которые разделены на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения, в котором представлены картографические материалы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Занятие русскими войсками Илийского края являлось ситуативным решением, вызванным рядом факторов – такими, как остановка российской транзитной торговли в регионе и ущерб, нанесенный российским подданным, беспорядки на границе и опасения по поводу их распространения на российскую территорию, риск усиления британского влияния в Синьцзяне. Принятию подобного решения способствовали также слабость разведки и отсутствие достоверных данных о положении дел на китайской территории, а также жесткая позиция местных российских властей в лице туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана и губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского. При этом можно констатировать отсутствие у российских властей завоевательных планов касательно Кульджи в 1871 г. и тщательной подготовки к подобному шагу.

2. Оккупация Кульджи имела временный характер и не подразумевала дальнейшего включения края в состав Российской империи. Приоритетом деятельности российской администрации была нормализация социально-экономической и политической обстановки в регионе. В административной политике российских властей отсутствовали мероприятия постоянного характера, которые могли бы затруднить передачу территории под юрисдикцию Китая, что и рассматривалось в качестве желательного выхода из сложившейся ситуации.

3. Сложности с возвратом Илийского края под власть Цинской империи были вызваны как необходимостью «сохранить лицо», дабы избежать оценки подобного шага в качестве признания слабости Российской империи в регионе,

так и стремлением российских властей воспользоваться сложным положением Китая и использовать Кульджу в качестве элемента торга при обсуждении существенного расширения социально-экономических преференций для российских подданных в Восточном Туркестане.

4. Отказ Пекина от ратификации Ливадийского договора 1879 г. привел к обострению двусторонних отношений вплоть до риска развязывания войны. Военные обеих стран демонстрировали готовность идти до конца, составляли планы ведения военной кампании, усиливались воинские контингенты в районах возможного столкновения, проводились военные демонстрации, в то время как центральные власти заняли более взвешенную позицию.

5. Заключение Санкт-Петербургского договора 1881 г. является значительной уступкой России, пошедшей на пересмотр Ливадийского трактата и заключение нового соглашения, условия которого отличались в худшую сторону. Подобный шаг был вызван неготовностью России вести войну в условиях тяжелого финансового состояния империи после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сложной внутри- и внешнеполитической обстановкой, сложившейся на тот момент.

6. Илийский вопрос обнажил ряд слабых мест, затруднявших проведение активной политики в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Речь идет прежде всего о слабости разведывательной деятельности в Азии, отсутствии железнодорожного сообщения с Туркестаном и Дальним Востоком, малонаселенности приграничных территорий, уязвимом положении флота на Тихом океане. На решение этих задач был направлен комплекс мер, предпринятых российскими властями в последние два десятилетия XIX в.

Глава первая. Генезис Илийского вопроса.

В первой главе исследования будут рассмотрены предпосылки возникновения Илийского вопроса. Особое внимание уделяется территориальному сближению России и Китая в регионе, правовым документам, регулировавшим взаимоотношения двух государств и политике России по отношению к Восточному Туркестану до 1871 г.

§1. Россия и Китай в Средней Азии: территориальное сближение двух империй.

Первый договор между Россией и Китаем был заключен в Нерчинске 26 августа 1689 г. Он касался территориального разграничения и иных межгосударственных отношений в единственном пограничном на тот момент регионе – на Дальнем Востоке. С XVIII столетия наблюдается сближение границ двух государств в Средней Азии.

В 30-е гг. XVIII столетия ханы казахских жузов присягнули на верность России, началось строительство сети крепостей, защищавших новые рубежи страны. В это время обозначился курс на присоединение значительной территории, но сложная внешнеполитическая обстановка и отдаленность этих земель затянули процесс до следующего столетия⁹⁸.

На протяжении десятилетий отсутствовало четкое понимание границ империи в среднеазиатском регионе. Это усложнялось скудностью географических объектов, которые могли рассматриваться в качестве естественного рубежа, а также кочевым образом жизни местного населения, преодолевавшего порой сотни километров. Само понятие «граница» в сложившейся ситуации являлось весьма условным. Скорее речь шла об оборонительной линии, состоявшей из заградительных укреплений, отдельных фортификационных сооружений, постов посреди степи⁹⁹.

⁹⁸ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии... С. 31.

⁹⁹ Горшенина С. Теория естественных границ... С. 105–106.

В середине XIX в. наблюдалась активизация российской политики в регионе. В 1840-е гг. был установлен контроль над низовьями Сырдарьи, в 1853 г. занята кокандская крепость Ак-Мечеть, началось сооружение Сырдарьинской линии военных постов. В начале 50-х гг. XIX в. русские войска установили контроль над Заилийским краем¹⁰⁰, где вскоре было заложено укрепление Верное¹⁰¹, ставшее опорным пунктом для операций против Коканда¹⁰².

Таким образом, границы России подошли к Восточному Туркестану, входившему в состав Китая. Данная территория долгое время рассматривалась Поднебесной в качестве одной из провинций, однако говорить о наличии действительного контроля не приходилось до середины XVIII в.

Восточный Туркестан представлял собой специфический в национальном, религиозном и политическом отношении регион, особенности которого были обусловлены рядом географических и исторических факторов. В XIII веке данная территория вошла в состав Монгольской державы и до конца XVII в. находилась под властью ханов-чингизидов, которые были свергнуты местной династией ходжей, создавших здесь на непродолжительное время теократическое государство. В 1720-е гг. они признали вассальную зависимость от Джунгарского ханства¹⁰³, которое вскоре прекратило свое существование в ходе третьей джунгаро-китайской войны (1755–1759 гг.). 19 июля 1755 г. после оккупации Ойратского государства китайский император издал «Указ о триумфальном окончании западной кампании и включении Джунгарии в карту нашей империи», а после смерти в 1759 г. последнего претендента на джунгарский престол здесь окончательно установилась власть династии Цин¹⁰⁴.

Таким образом, к середине XVIII века Китай захватил как Джунгарию, так и Восточный Туркестан, объединив их в рамках провинции Синьцзян.

¹⁰⁰ *Заилийский край* – горный регион в Средней Азии, ограниченный на севере р. Или и горами Тянь-Шаня на юге, китайской границей на востоке и меридианом южной оконечности озера Балхаш на западе.

¹⁰¹ Позднее город Верный, ныне город Алматы в Республике Казахстан.

¹⁰² *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии... С. 16.

¹⁰³ *Почекаев Р.Ю.* Государство и право... С. 195.

¹⁰⁴ *Обухов В.Г.* Битва за Беловодье... С.119–120.

Местные элиты (династия ходжей) были свергнуты и частично уничтожены; оставшиеся нашли убежище в соседнем Кокандском ханстве. Их потомки на протяжении XIX в. неоднократно принимали попытки вернуть себе власть, принимая активное участие в антицинских восстаниях, которые раз за разом здесь вспыхивали. Крупнейшие из них происходили в 1765, 1826, 1830, 1847 гг.¹⁰⁵, однако вплоть до 1860-х гг. не приводили к падению китайской власти и установлению собственных государственных образований на сколько-нибудь длительный срок.

Покорение Джунгарии (получившей теперь название «Илийский край») Цинской империей изменило национальную и конфессиональную картину региона. Господствовавшие до этого ойраты (джунгары) были практически полностью уничтожены, а территория заселена выходцами из других регионов. Со второй половины XVIII в. сюда переселялись тюрки-мусульмане из Восточного Туркестана (таранчи), составившие основную массу населения, дунгане – мусульмане из внутренних областей Китая, монгольские народы – солоны и сибо; в 1771 г. сюда переселились в калмыки, бежавшие с территории Российской империи, небольшую, прежде всего управленческую и военную прослойку составили маньчжуры и китайцы.

При этом на протяжении столетия не произошло полноценной инкорпорации Синьцзяна в состав Цинской империи. Регион обладал особым правовым статусом, являясь своеобразной буферной зоной между Китаем, Российской империей и среднеазиатскими ханствами. С одной стороны, была сохранена прежняя система управления, и цинские власти ограничились лишь введением должности цзянь-цзюна (генерал-губернатора) и размещением гарнизонов в основных городах. С другой стороны, предпринимались шаги для закрытия Синьцзяна для иностранцев. Так, в 1858 г. был запрещен въезд для русских и британцев¹⁰⁶ из-за опасения усиления влияния соседних держав.

¹⁰⁵ Там же. С. 120.

¹⁰⁶ Подробнее... *Почекаев Р.Ю.* Государство и право.... С. 209–221.

Разгромив Джунгарию, Цинская империя стремилась распространить свое влияние и на казахское население, ведь конкретного территориального разграничения, тем более официально оформленного, между казахами и джунгарами не существовало. Однако закрепиться здесь им не удалось¹⁰⁷.

Тем не менее, в Пекине рассматривали кочевое население Казахстана в качестве своих подданных. Этому способствовали миграции казахов вглубь Джунгарии, которые стремились воспользоваться разгромом своего многолетнего противника. Местные китайские власти не чинили препятствий подобным перемещениям, позволявшим им пополнять казну за счет налогов, которыми были обложены кочевники. Кроме того, вожди приграничных племен лавировали между двумя империями, ища покровительства то у одной, то у другой стороны, принимая подданство и отказываясь от него в зависимости от конкретной политической ситуации¹⁰⁸.

Таким образом, территориальное сближение Российской и Китайской империй в Средней Азии в середине XIX в. диктовало необходимость регламентации экономических отношений, в которые неизбежно вступали подданные обоих государств, а в дальнейшем и проведение демаркации границ в регионе.

§2. Кульджинский договор 1851 г.

Для середины XIX в. характерно отсутствие правовой базы для развития торговых отношений в Средней Азии между Россией и Китаем. По договору 1727 г. учреждался лишь один пункт беспошлинной торговли между странами – Кяхта¹⁰⁹, возможности для ведения торговли в Средней Азии и расширения за счет нее экономических связей отсутствовали, что тормозило развитие двусторонних отношений. Кроме того, важные изменения произошли и в самом Китае в середине девятнадцатого столетия.

¹⁰⁷ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии... С. 36.

¹⁰⁸ Обухов В.Г. Битва за Беловодье... С. 131–134.

¹⁰⁹ Русско-китайские отношения... С. 30.

Заключение в 1842 г. Нанкинского договора между Великобританией и Цинской империей и последовавшие за ним соглашения западных держав касательно торговли в Поднебесной привели к заполнению китайского рынка европейской промышленной продукцией. Приток более конкурентоспособных товаров (по сравнению с российскими) значительно сократил возможности сбыта отечественной продукции. Во многом оказывала влияние бóльшая стоимость транспортировки в сравнении с доставляемыми морем товарами. Кроме того, китайское правительство увеличило пошлины для изделий, ввозимых через Кяхту. Все это привело к сокращению вывоза российской продукции более, чем в два раза в течение 1840-х гг.¹¹⁰.

Выходом из сложившейся ситуации виделось расширение торговли за счет открытия новых пунктов для ведения коммерции. Особое внимание уделялось северо-западным провинциям Цинской империи, находившимся ближе к районам производства отечественной промышленной продукции, что удешевляло доставку, а также располагавшимся в наибольшем удалении от морских портов, что облегчало соперничество с европейскими конкурентами.

В сентябре 1844 г. азиатский департамент министерства иностранных дел поставил вопрос о путях расширения торговли с Китаем в новых условиях после подписания Китаем ряда торговых соглашений с европейскими державами. В Синьцзян отправился вице-директор Азиатского департамента МИД Н.И. Любимов для ознакомления с ситуацией в регионе и оценки перспектив расширения экономического сотрудничества. Он оценил перспективы расширения торговли как благоприятные и считал необходимым вступить в переговоры с китайскими властями по этому вопросу¹¹¹. Через несколько лет приступили к реализации этой идеи.

Нередко основным проводником связей России и Китая в первой половине XIX в. являлась русская духовная миссия в Пекине. Ее создание

¹¹⁰ Бунаков Е.В. Из истории русско-китайских отношений... С. 100.

¹¹¹ Антонов Н. К истории заключения Русско-китайского договора... С. 154.

относят еще к 1714 г., когда было получено право постоянно содержать миссию в китайской столице в составе нескольких церковнослужителей во главе с архимандритом. В дальнейшем состав миссии был расширен за счет включения ряда гражданских лиц. В 1840-х гг. в обязанности миссии помимо отправления церковной службы входило также ознакомление правительства с экономической и культурной жизнью Китая. Именно всестороннее изучение экономики и культуры Цинской империи согласно инструкции от 4 августа 1818 г. являлось главной задачей миссии. Кроме того, она должна была информировать МИД об основных событиях политической жизни страны. Также работа миссии включала изучение языка, перевод писем русского правительства и ознакомление китайцев с достижениями европейцев в искусстве и науке¹¹².

Таким образом, неудивительно, что именно по линии духовной миссии и началось обсуждение с китайскими властями регламентации торговых отношений между двумя странами в Средней Азии. В 1847 г. начальник русской духовной миссии в Пекине архимандрит Поликарп подал от имени Правительствующего сената записку в китайский Трибунал внешних сношений относительно учреждения законной двусторонней торговли на западной границе Китая. Через духовную миссию в Пекине проходили и предварительные переговоры, приведшие к соглашению о встрече уполномоченных обеих сторон для согласования конкретных статей торгового договора¹¹³.

С российской стороны ведение переговоров было поручено майору Е.П. Ковалевскому¹¹⁴, которому были даны инструкции, утвержденные императором 20 апреля 1851 г., содержавшие следующие требования: добиться открытия

¹¹² Бунаков Е.В. Из истории русско-китайских отношений... С. 101–103.

¹¹³ Антонов Н. К истории заключения Русско-китайского договора... С. 155.

¹¹⁴ Ковалевский Егор Петрович (1809–1868) — горный инженер, путешественник, дипломат, востоковед. В 1849 году сопровождал духовную миссию в Пекин. В 1856–1861 гг. руководил Азиатским департаментом Министерства иностранных дел. В 1861 году в чине генерал-лейтенанта назначен сенатором и членом Совета министра иностранных дел, в 1856–1862 гг. — помощник председателя Императорского Русского географического общества.

торговли в Чугучаке, Кульдже и Кашгаре, добиться права учреждения торговых консульств в Чугучаке и Кульдже, добиться права беспошлинной торговли в указанных городах и установить постоянную связь между генерал-губернатором Западной Сибири и местными китайскими властями¹¹⁵. Таким образом, очевидно, что на данном этапе приоритет отдавался именно развитию торговых отношений и созданию условий для выхода отечественных товаров на местный рынок.

Переговоры проходили в городе Или (Кульдже) и привели к подписанию 25 июля 1851 г. соглашения о нормализации русско-китайской торговли на среднеазиатской границе, вошедшего в историю как Кульджинский договор. Китайская сторона согласилась принять предложенные Ковалевским условия, за исключением открытия торговли в Кашгаре¹¹⁶.

Согласно этому документу, учреждалась беспошлинная торговля в Кульдже и Чугучаке для подданных обеих империй (ст. 3), которая должна была осуществляться с 25 марта по 10 декабря (ст. 8). При этом запрещалась торговля в кредит (ст. 10). Ст. 13 предполагала отведение в Кульдже и Чугучаке мест для строительства домов и складских помещений. Ст. 12 договора выходила за рамки регламентации торговых отношений и предполагала выдачу преступников, скрывавшихся на территории соседнего государства. Шестая статья договора устанавливала ответственность сторон по охране торгового пути¹¹⁷.

Заклученный в Кульдже договор не предусматривал каких-либо привилегий для российских подданных, однако выполнял главную задачу – обеспечил открытие рынков Синьцзяна для отечественной продукции. Неслучайно позднее, уже после мусульманского восстания и фактического прекращения торговли, местные российские власти характеризовали отношения в Туркестане между Россией и Китаем 1850 – начала 1860-хх гг. как

¹¹⁵ Бунаков Е.В. Из истории русско-китайских отношений... С. 104.

¹¹⁶ Там же. С. 104

¹¹⁷ Русско-китайские отношения... С. 26–29.

обоюдовыгодные и говорили о «цветущих временах Кульджинской и Чугучакской торговли»¹¹⁸. После заключения договора общий объем товарообмена заметно увеличился. К 1853 г. объем среднеазиатской торговли в Кульдже увеличился вдвое по сравнению с 1851 г. и составил 1 364 000 руб. Торговый оборот Чугучака также сильно возрос, достигнув 2 млн рублей в год¹¹⁹.

Кроме того, Кульджинский договор 1851 г. является первым документом, регламентировавшим отношения двух государств в Средней Азии; он положил начало установлению отношений между российской и китайской администрацией в регионе. Следующим вопросом, стоявшем на повестке дня, являлось территориальное разграничение двух империй в условиях отсутствия очевидных естественных границ и наличия кочевого родственного населения, нередко рассматривавшегося в качестве своих подданных обеими сторонами.

§3. Усиление позиций России в Средней Азии в 50–60-е гг. XIX в.

Продвижение России в Средней Азии было на время прервано Крымской войной. Реализация принятого на особом совещании в 1854 г. решения о соединении Сырдарьинской и Сибирской линии была отложена: их разделяли километры степей, по которым кочевали казахские племена и разъезжали кокандские отряды, собирающие дань и подбивавшие кочевников к выступлениям против Российской империи.

Но вскоре последовало изменение политики России в регионе. После Крымской войны правительство Российской империи временно отказалось от активной политики на Балканах и Ближнем Востоке, уделив первостепенное внимание усилению своего положения в центральноазиатском регионе. В первую очередь, это относилось к трем государствам – Бухарскому эмирату, Кокандскому и Хивинскому ханствам, имевшим весьма тесные связи с Россией.

¹¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6842. Л. 11.

¹¹⁹ Мамедова Э.М. Из истории торговых отношений Туркестана... С. 364.

Среднеазиатские ханства виделись перспективным рынком сбыта и источником сырья для отечественного производства. Другим мотивом, побуждавшим Россию к активным действиям, была торгово-политическая экспансия Британской империи, влияние которой выходило за пределы Индии и распространялось на Афганистан, ханства Средней Азии и провинции Западного Китая.

В начале второй половины XIX в. Петербург приступил к активным действиям в регионе. После некоторой военной и дипломатической разведки в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Россия распространила свое господство на Ташкентский и Самаркандский оазисы, заставила Бухарское и Кокандское ханства признать их зависимость от Российской империи¹²⁰.

Кроме того, все больший интерес к Средней Азии начинает проявлять Великобритания. Основными мотивами ее интереса к региону являлись обеспечение безопасности Индии, что вело к негативному отношению к усилению позиций любого государства в Средней Азии, и стремление к открытию внутренних рынков континента для осуществления экономической экспансии.

Британское господство в Южной Азии в лице Ост-Индской компании было установлено по итогам Семилетней войны 1756–1763 гг. В течение последующего столетия Индия превратилась в важнейшую часть империи, представлявшую собой одновременно и крупнейший рынок сбыта промышленной продукции, и сырьевую базу, и стратегический регион для расширения своего влияния.

Неудивительно, что любая угроза Индии, реальная или даже гипотетическая, со стороны любой другой державы непременно становилась проблемой для Лондона, воспринимавшего любые события, происходившие в относительной близости от вице-королевства, через призму обеспечения его

¹²⁰ Подробнее... *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии... С. 4–17.

безопасности¹²¹. Исходя из этого, Великобритания настороженно наблюдала за каждым шагом России в Средней Азии, стремясь не допустить ее усиления и соприкосновения границ двух империй в Азии. Россия же в свою очередь вынуждена была проводить свою политику в Средней Азии с оглядкой на позицию Соединенного Королевства, учитывая возможные осложнения в двусторонних отношениях, которые могли бы последовать при усилении позиций Петербурга в регионе.

Другим мотивом активизации британской политики являлось стремление к «открытию» внутренней Азии, которая рассматривалась в качестве перспективного рынка сбыта промышленной продукции. Влиятельные английские круги в Индии желали овладеть торговлей Западного Китая и соседних ханств Средней Азии. Они видели в Кашгарии¹²² ворота к рынкам Бухары и Кульджи. Англичан интересовали рынок и золото Хотана, туркестанская шерсть и возможности сбыта индийских и собственно английских товаров¹²³.

Тем не менее, экономические интересы Англии в Центральной Азии являлись второстепенными по сравнению с политическими. Английский посланник Г.В. Беллью обосновывал явный интерес англичан к региону «особым отношением к ее русскому соседу»¹²⁴. О несопоставимости среднеазиатского и индийского рынков писал позднее и Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, справедливо, на наш взгляд, отмечая, ничтожность среднеазиатских рынков по сравнению с Индией, Персией и Афганистаном. По его словам, «стремление к политическому преобладанию,

¹²¹ Сергеев Е.Ю. Большая игра... С. 67.

¹²² *Кашгария* — южная часть провинции Синьцзян в Западном Китае с городами Кашгар, Яркенд, Янгигисар (Ангишар), Аксу, Хотан, Куча. В российских источниках и историографии наряду с Кашгарией используются такие термины как Йэтишар, Алтышар (шестиградие), Джеттышар (семиградие), Малая Бухария для обозначения данной территории.

¹²³ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав... С. 210.

¹²⁴ Беллью Г.В. Кашмир и Кашгар... С. 1.

забота об охране своей дорогой колонии – вот истинные причины»¹²⁵ английской политики в Средней Азии.

Обе империи готовились и к разделу «наследства» Цинской империи, переживавшей в середине XIX в. глубокий экономический и социально-политический кризис. В этой связи особое значение придавалось Восточному Туркестану, примыкавшему к владениям обеих империй и характеризовавшемуся отсутствием экономического преобладания одной из сторон. Синьцзян также рассматривался в качестве перспективного транспортного коридора между Дальним Востоком и Европой (именно здесь проходил Шелковый путь). Кроме того, данные геологических экспедиций свидетельствовали о богатстве Восточного Туркестана ресурсами¹²⁶. Все это делало Западный Китай потенциальной зоной столкновения интересов России и Британии в случае ослабления китайской власти. Неслучайно именно в это время российские и британские разведчики-путешественники совершают ряд экспедиций¹²⁷ в этот практически неизведанный европейцами регион.

§4. Установление русско-китайской границы в Средней Азии:

Пекинский трактат 1860 г. и Чугучакский протокол 1864 г.

В 1858 г. между Россией и Китаем был заключен Айгунский договор, согласовавший границу между двумя государствами на Дальнем Востоке. В том же году стороны подписали Тяньцзиньский трактат, где впервые оговаривалась необходимость определения русско-китайской границы на всем ее протяжении.

В конце 1858 г., в условиях неопределенности в русско-китайских отношениях, связанных с трудностями в утверждении Айгунского и

¹²⁵ *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика... С. 33–34.

¹²⁶ Там же. С. 63.

¹²⁷ В 1860 – 1870-е гг. под эгидой Королевского географического общества была проведена серия британских экспедиций, посетивших Восточный Туркестан, Бухару, Самарканд, носивших научно-разведывательный характер. Подробнее... *Boulger D.Ch.* England and Russia in Central Asia... P. 4–29.

Тяньцзиньского договоров, было решено отправить в Пекин энергичного представителя, который сочетал бы в себе функции руководителя военных инструкторов, о чьей отправке вместе с крупной партией оружия для помощи Китаю в борьбе против тайпинов договорился Е.В. Путятин¹²⁸, и дипломатического агента, способного разрешить все возникшие проблемы. Выбор пал на молодого генерала Н.П. Игнатьева. В связи с отказом Китайского правительства от военной помощи, он, в конечном итоге, должен был добиться решения следующих вопросов: утверждения Айгунского договора, установления твердой граничной линии на всем ее протяжении (прежде всего, окончательного определения границы на Амуре, а также проведения новой черты от Коканда до р. Амур и от р. Уссури до моря), восстановления права русской сухопутной торговли караванным способом и учреждения новых русских консульств в ряде городов.

Игнатьев находился в Пекине с июня 1859 г. по ноябрь 1860 г., когда Англия и Франция вели против Китая Вторую опиумную войну. Он должен был не только преодолеть упрямое несогласие китайцев на уступки России, но и постоянно лавировать между двумя противниками, с целью, с одной стороны, не допустить протеста европейцев против русских приобретений, а с другой – сохранить на китайском престоле правящую династию. Эта задача была им с успехом выполнена. С большим трудом добившись положения посредника, дипломат помог европейцам добиться желаемого и спас Китай от полного разгрома. Наградой стало подписание им 14 ноября 1860 г. Пекинского договора.

По условиям этого дипломатического акта граница между двумя государствами пролегла по р. Амур, Россия получила огромный Уссурийский край, было восстановлено ее право караванной торговли, одобрено учреждение

¹²⁸ *Путятин Евфимий Васильевич* (1803–1883) – русский адмирал, государственный деятель и дипломат. В 1855 году подписал договор с Японией, в 1857 г. возглавлял дипломатическую миссию в Китай.

русских консульств в Урге¹²⁹ и Кашгаре. Что касается проведения границы западнее Амура, то согласно 2 ст. договора она должна была проходить, следуя направлению гор, течению больших рек и линии существующих китайских пикетов, от пункта Шабин-дабага, на юго-запад до озера Цзай-сан, а оттуда до гор, проходящих южнее озера Иссык-Куль (южные отроги Тянь-Шаня) и по этим горам до кокандских владений¹³⁰.

Демаркация границы в Средней Азии виделась логическим продолжением российской политики в регионе. К началу 1860-х гг. Россия утвердилась в Семиречье, началась колонизация и хозяйственное освоение края. В конце 1861 г. стороны условились о начале переговоров и отправлении комиссаров в Чугучак, куда и прибыла российская делегация в составе полковника И.Ф. Бабкова, обер-квартирмейстера Сибирского корпуса, генерального консула в Кульдже известного синолога И.И. Захарова, топографа А.Ф. Голубева, капитана И. Андреева и астронома К.В. Струве. Участие в переговорах также принимал и русский консул в Чугучаке К.А. Скачков¹³¹.

Первая половина 1862 г. ушла на ознакомление комиссаров с условиями местности, изучение ситуации и оказание давления на переговорщиков. Обе стороны прибегали к проведению военно-политических акций на границе. Китайцы проникали на контролируемую казаками территорию под предлогом осмотра границы и приступали к созданию передвижных пикетов¹³², стремясь, таким образом, отодвинуть границу как можно дальше на запад. До местной русской администрации доходили сведения о призывах китайцев к местному населению выступать против России и о создании фальшивых «доказательств» принадлежности этой территории Китаю¹³³.

Русские войска в свою очередь заняли местность к востоку от озера Зайсан, тем самым давая понять, что Россия рассматривает эти территории в

¹²⁹ Современный Улан-Батор – столица Монголии.

¹³⁰ Дополнительный договор между Россией и Китаем... С. 74–84.

¹³¹ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 44.

¹³² Бабков И.Ф. Воспоминания... С. 171.

¹³³ АВПРИ. Ф. СПб Главный архив. I–9. Оп. 8. Д. 24. Ч. 1. Л. 453–454.

качестве принадлежавших империи согласно Пекинскому трактату. Кроме того, наши отряды заняли стратегические пункты на всем протяжении границы вплоть до линии постоянных китайских пикетов, демонстрируя, что «мы имеем полную возможность во всякое время поддержать наши требования вооруженной рукой»¹³⁴.

Соображения комиссаров о линии, по которой должна протии русско-китайская граница в Средней Азии, одобренные Сибирским генерал-губернатором, были рассмотрены в особом совещании, состоявшемся 10 января 1862 г. под личным председательством Александра II при участии военного министра Д.А., Милютина Министра иностранных дел А.М. Горчакова, главы Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатьева и ряда других лиц. 17 марта 1862 г. император Александр II утвердил проект инструкции русским комиссарам по разграничению с Китаем, в которой от них требовалось добиваться на переговорах соблюдения духа и буквы Пекинского трактата¹³⁵.

Сами переговоры открылись только в июле 1862 г. Глава российской делегации полковник Бабков предъявил одобренную в Петербурге карту с нанесенной границей, составленной в соответствии с условиями заключенного двумя годами ранее Пекинского договора. Китайская сторона категорически отвергла предлагаемый проект, предложив взамен провести разграничение таким образом, что земли Старшего и Среднего жуза оказывались в составе Цинской империи¹³⁶. Такая постановка вопроса мало соотносилась с реальностью. «После такого заявления мы не знали, чему больше удивляться: тупому ли невежеству китайцев или их беззастенчивой наглости», - вспоминал позднее Бабков о требованиях китайской стороны¹³⁷.

Другим камнем преткновения стал вопрос о постоянных пикетах. Дело в том, что стороны по-разному относились к тому, что стоит считать

¹³⁴ Бабков Н.Ф. Воспоминания... С. 179.

¹³⁵ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 47.

¹³⁶ Бабков Н.Ф. Воспоминания... С. 190–213.

¹³⁷ Там же. С. 214.

долговременным постом. Те пункты, которые рассматривались российской стороной в качестве постоянных пикетов, выдвигались китайцами на переговорах в качестве «внутренних пикетов», тогда как постоянные находились значительно западнее. Более того, китайские комиссары ставили под сомнение и само содержание Пекинского трактата, доказывая, что он заключен людьми, «не знавшими местных обстоятельств»¹³⁸. Все это приводило к затягиванию переговоров и невозможности прийти к единому знаменателю. Переговоры 1862 г. закончились безрезультатно – граница не была установлена на местности, а сохранявшиеся разногласия ставили под сомнение перспективы территориального разграничения в Средней Азии.

Срыв переговоров не вызвал обеспокоенности в Петербурге. Российское правительство не видело проблемы в возникшей ситуации и считало, что «для нас будет гораздо выгоднее не давать сему вопросу нового движения и ожидать пока само китайское правительство не представит нам удостоверения, что при возобновлении переговоров оно будет следовать предъявленному уже нашими комиссарами плану проведения границы»¹³⁹. Кроме того, в 1863 г. произошел ряд военных столкновений на границе, но попытки китайцев проникнуть к западу от обозначенной российскими комиссарами линии не увенчались успехом – русские отряды контролировали ситуацию, и китайцы вскоре отказались от попыток расширить контролируемую территорию вооруженным путем¹⁴⁰.

Однако вскоре ситуация изменилась. Неудачи в столкновениях с русскими отрядами, а более всего, начало мусульманского восстания в Восточном Туркестане заставили китайцев изменить позицию по приграничному вопросу. В августе 1863 г. правительство Богдыхана¹⁴¹ поставило в известность русские пограничные власти о готовности принять за

¹³⁸ Там же. С. 215.

¹³⁹ АВПРИ. Ф. СПб Главный архив. I–9. Оп. 8. Д. 24. Ч. 1. Л. 69–69 об.

¹⁴⁰ Бабков Н.Ф. Воспоминания... С. 250–251.

¹⁴¹ Богдыхан – термин монгольского происхождения, которым в российских документах называли императоров династии Цин.

основу российский проект территориального разграничения. Осенью 1863 г. делегация, возглавляемая Н.Ф. Бабковым, достигла Чугучака. Тем не менее, китайские представители отказались безусловно принять условия Пекинского договора¹⁴², что привело ко второму срыву переговоров и отъезду Бабкова.

Третий раунд переговоров состоялся уже в 1864 г. и первоначально не сулил разрешения ситуации. В июне был поставлен вопрос закрытии комиссии к осени 1865 г. ввиду бесперспективности ее работы¹⁴³. Однако к этому времени позиции китайской стороны значительно ухудшились. Восстание в Восточном Туркестане набирало силу, и китайские комиссары стремились поскорее закончить с территориальным разграничением в условиях шаткости своего положения в Синьцзяне. Китайская делегация приняла вариант границы «без малейшей перемены»¹⁴⁴, предложенный русскими комиссарами, который до этого момента не рассматривали в качестве возможного.

Российская сторона положительно оценивала значение заключения договора, имевшего «великие выгоды, как для нашего правительства, так и для частных лиц»¹⁴⁵. Условия договора позволили России закрепить за собой всю контролируемую пограничную территорию, в том числе бассейн реки Нарын, караванные пути в Кашгар и стратегически важные горные проходы¹⁴⁶. Безусловно, в таком результате переговоров велика роль событий, разворачивавшихся в Западном Китае и приведших в результате к падению там власти Цинов.

Маньчжуры шли на территориальные уступки, в том числе, надеясь на дальнейшую дипломатическую и военную поддержку России в условиях сохранявшегося противостояния с европейскими державами. Это обстоятельство, а также стремление обезопасить свои владения со стороны

¹⁴² Бабков Н.Ф. Воспоминания... С. 265–266.

¹⁴³ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I–1. Оп. 781. Д. 174 (1864). Л. 20.

¹⁴⁴ Там же. Л. 25.

¹⁴⁵ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. I–9. Оп. 8. Д. 24. Ч. 2. Л. 69–69 об.

¹⁴⁶ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I–1. Оп. 781. Д. 174 (1864). Л. 25 об.

России заставили Пекин пойти на подписание этого договора, подрывавшего престиж и влияние Китая среди народов региона¹⁴⁷.

§5. Падение маньчжурской власти в Восточном Туркестане и позиция России.

В 1842 г. Китай проиграл Первую опиумную войну, за которой последовало заключение неравноправных договоров с великими державами. Тяготы, связанные с поражением в войне, легли на плечи населения, что спровоцировало целую серию грандиозных восстаний в стране¹⁴⁸. В 1850–1860-е гг. империю сотрясало тайпинское восстание, в 1862 г. в провинциях Шэньси и Ганьсу разгорелось повстанческое движение дунган. Восстания последовательно распространялись с востока на запад: из центральных районов в Сычуань, оттуда в Ганьсу и Шэньси и далее в Восточный Туркестан¹⁴⁹, где восстание охватило Кашгар, Яркенд, Урумчи, Кульджу. На этих землях возникла угроза падения власти маньчжуров и образования фактически самостоятельных государственных образований. О событиях в Китае становится известно и в Петербурге. «Пекинское правительство не имело достаточно сил для подавления восстания на дальней окраине, когда большая еще опасность угрожала империи в самых центральных областях»¹⁵⁰, - отмечал в своем дневнике Д.А. Милютин.

Основными причинами победы восставших были слабость Цинской империи, испытывавшей мощнейший внутривластный кризис, а также враждебное отношение местного мусульманского населения, неоднократно поднимавшего восстания в случае ослабления маньчжурской власти. Кроме военной силы пекинскому правительству не на что было опереться в этом отдаленном крае, где китайские поселения практически отсутствовали, местные

¹⁴⁷ Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» ... С. 427.

¹⁴⁸ Исиев Д.А. Уйгурское государство... С. 3–13.

¹⁴⁹ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 67.

¹⁵⁰ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864... С. 516.

народы относились к властям в лучшем случае нейтрально, в худшем же – откровенно враждебно¹⁵¹.

В то же время у российских властей практически не было понимания того, что на самом деле происходит с той стороны границы. К середине XIX в. Восточный Туркестан оставался практически неизведанным для европейцев, и подробных и актуальных данных о положении дел российские власти не имели. Первые сведения о регионе привезли в XVI веке казацкие атаманы Иван Петров и Бурнаш Ямышев, в 1620 г. в Китай через Восточный Туркестан проследовал сибирский казак Иван Петлин, Петр I получил от сибирского губернатора М.П. Гагарина данные о регионе, составленные на основе распросных сведений, полученных от купца Ф. Трушникова, отправленного в Китай в 1713 г. В конце XVIII в. в Кашгарии побывал унтер-офицер Ф. Ефремов, на рубеже XVIII–XIX вв. регион посетили русские купцы Григорий и Данила Атанасовы, составившие краткий отчет о том, что им удалось увидеть¹⁵². Некоторую информацию отобразил уже упоминаемый Н.И. Любимов в 40-е гг. XIX в. Однако имевшиеся сведения были отрывочны и не позволяли составить полной картины.

Подлинным первооткрывателем Восточного Туркестана с научной точки зрения принято считать¹⁵³ Ч.Ч. Валиханова, посетившего регион с разведывательной миссией в 1858 - 1859 гг. и написавшего исторический очерк «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)»¹⁵⁴, в котором впервые комплексно был рассмотрен Синьцзян, его политические и социально-экономические особенности. Однако произошедшие за несколько лет изменения требовали получения более актуальной информации. А с этим были большие сложности.

¹⁵¹ Васильев В.П. Две китайские записки... С. 161.

¹⁵² Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан... С. 57.

¹⁵³ Почекаев Р.Ю. Государство и право... С. 198.

¹⁵⁴ Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара... С. 97–218.

Сведений о положении дел на границе практически не было и в период китайского господства. После же падения маньчжурской власти и вовсе сложился некий информационный вакуум. Усугублялось это тем, что лишь к началу XX в. российская разведывательная служба приобрела более или менее организационно оформленные структуры¹⁵⁵. В 60–70-х годах XIX в. Военное министерство предпринимало попытки создать собственную систему получения информации военного характера из-за рубежа. Однако речь шла на тот момент только о европейских столицах, Вашингтоне и Константинополе, куда были направлены военные агенты. Назначать российских агентов в Пекин считалось нецелесообразным¹⁵⁶. Данные, полученные из Китая, нередко основывались на непроверенных слухах и домыслах, а из неподконтрольного Пекину Синьцзяна и вовсе не могло поступать в такой ситуации никакой внушающей доверие информации.

Слухи при этом могли быть совершенно разными, в том числе и взаимоисключающими. Некоторые свидетельствовали о скором восстановлении китайской власти, другие рисовали противоположную картину. Поступали и непроверенные сведения о прибытии в регион нескольких сотен европейцев с неизвестными целями¹⁵⁷.

Происходившие события не могли остаться без внимания со стороны российских приграничных властей. Для охраны границы от вторжения дунган и «различных шаяк» с 1865 г. на границе с Китаем находились на постоянной основе небольшие военные отряды¹⁵⁸. В начале 1865 г. командующий войсками Семипалатинской области Г.А. Колпаковский сообщал губернатору Западной Сибири о разграблении края, а также скептически оценил шансы китайцев справиться с восстанием без помощи извне¹⁵⁹. Попад в крайне тяжелую ситуацию, командующие китайскими гарнизонами неоднократно обращались

¹⁵⁵ История российской внешней разведки... С. 226.

¹⁵⁶ *Фалько С.А.* Российская военно-дипломатическая служба... С. 137.

¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–15 об.

¹⁵⁸ *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана... С. 281.

¹⁵⁹ Туркестанский край: 1865 г. Т. XIX. Ч. 1. С. 64–65.

за помощью к русским пограничным начальникам. В конце 1864 г. за помощью к Колпаковскому обращался Илийский губернатор Мин Сюй, однако Семипалатинский губернатор ответил ему, что военная помощь невозможна без одобрения из Петербурга¹⁶⁰. В начале 1865 г. китайские чиновники повторили свою просьбу. Но и на этот раз им ответили отказом.

Стоит отметить, что российские пограничные власти ставили вопрос об активизации политики в приграничном регионе еще до победы восставших. Так, Западно-Сибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд¹⁶¹ выдвинул идею создания в Восточном Туркестане российского протектората, который стал бы буферной зоной между империями. Однако такой проект вызвал возражение в военном ведомстве¹⁶².

В феврале 1865 г. Колпаковский впервые самостоятельно обращается к генерал-майору А.С. Кройерусу¹⁶³ с предложением нарушить соблюдаемый до сих пор нейтралитет и занять Кульджу, Кашгар и Чугучак для «предупреждения волнений между киргизами и ограждения наших пределов от вторжения»¹⁶⁴. Таким образом, ставился вопрос о пересмотре политики нейтралитета и необходимости прибегнуть к более решительным действиям. Такая позиция, в целом, характерна для местной военной администрации, считавшей, что безучастное наблюдение за происходившими событиями противоречит интересам России в регионе и ведет к ослаблению наших позиций. Схожей точки зрения придерживался и военный губернатор Семипалатинской области В.А. Полторацкий¹⁶⁵, говоря о том, что местное

¹⁶⁰ Там же. С. 72–74.

¹⁶¹ *Гасфорд Густав Христианович* (1794–1874) – российский генерал, генерал-губернатор Западной Сибири в 1850–1861 гг.

¹⁶² *Почекаев Р.Ю.* Государство и право... С. 209–210.

¹⁶³ *Кройерус А.С.* – временно командующий войсками Западной Сибири.

¹⁶⁴ *Моисеев В.А.* О некоторых причинах... С. 29.

¹⁶⁵ *Полторацкий Владимир Алексеевич* (1828–1889) – русский генерал, участник Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

население объясняет невмешательство России ее слабостью, что, по его мнению, может негативно сказаться на спокойствии края¹⁶⁶.

Тем не менее, в Петербурге предпочли не вмешиваться в разгоравшийся конфликт. Мотивы активных действий военных в Средней Азии вообще далеко не всегда были понятны в столице. В том же 1865 г. генерал М.Г. Черняев¹⁶⁷ взял Ташкент. Подобные действия вызывали вопросы в Петербурге. Показательной здесь выглядит запись в дневнике министра внутренних дел П.А. Валуева: «Ташкент взят генералом Черняевым. Никто не знает, почему и для чего»¹⁶⁸.

В случае с Восточным Туркестаном было принято решение воздержаться от участия в противостоянии и вмешаться в ситуацию, только если этого потребует «безопасность и спокойствие наших пределов»¹⁶⁹. В основе подобной политике лежало несколько факторов.

Во-первых, в Петербурге имели смутные представления о масштабах происходивших в Синьцзяне событий. В апреле 1865 г., обосновывая позицию Министерства иностранных дел, А.М. Горчаков писал военному министру, что «впредь до большего разъяснения как размеров и целей инсurreкции дунганей, так и мер китайского правительства мы должны... заботиться лишь о поддержании спокойствия в наших пределах»¹⁷⁰. Ситуация усугублялась наличием противоречивой информации о ситуации в Восточном Туркестане. Некоторые сведения вообще свидетельствовали о скором подавлении восстания и восстановлении маньчжурской власти¹⁷¹. В результате, даже спустя несколько лет после начала восстания в Восточном Туркестане не было понимания того, с чем приходится иметь дело на наших границах в Средней Азии – с обыкновенной «вспышкой мусульманского фанатизма» или же с мощным

¹⁶⁶ Туркестанский край: 1865 г. Т. XIX. Ч. 1. С. 149.

¹⁶⁷ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – русский военный и политический деятель, генерал-лейтенант, в 1882 г. был назначен туркестанским генерал-губернатором.

¹⁶⁸ Зайончковский П.А. К вопросу завоевания Средней Азии... С. 54.

¹⁶⁹ АВПРИ. Ф. СПб Главный архив. I–9. Оп. 8. Д. 12. Ч. 2. Л. 26–27.

¹⁷⁰ Туркестанский край... С. 143–144.

¹⁷¹ Там же. С. 144.

восстанием, которое положит конец маньчжурскому правлению в Синьцзяне¹⁷². Невозможность выяснить этот вопрос и наличие полярных точек зрения привели к тому, что невмешательство в конфликт рассматривалось в качестве единственно возможной позиции.

Во-вторых, российские власти, не имея точных данных о силе восстания, опасались его распространения на территорию Российской империи. До Петербурга доходили сведения об участии в восстании тех или иных киргизских родов, перешедших границу и оказавших поддержку мусульманам Синьцзяна. Российские должностные лица докладывали в 1865 г., что местные жители не признавали над собой никакой власти¹⁷³ и находились в «напряженном выжидательном положении, готовые броситься при первой возможности на сторону инсургентов»¹⁷⁴. Появились даже сведения о вооруженных столкновениях отдельных родов с казаками при попытке перекочевать в китайские пределы и принять участие в восстании¹⁷⁵. В одном из таких столкновений принимал участие и известный художник-баталист В.В. Верещагин; этот эпизод впоследствии послужил образцом для создания нескольких его картин¹⁷⁶. Не вселяли оптимизма и связи восставших с кокандцами и активное участие в выступлении мусульманского духовенства¹⁷⁷.

Распространение восстания на запад создало бы значительные сложности для российской администрации. Опасаясь подобного развития событий, оказывать поддержку китайцам значило бы вызвать негативное отношение к себе местного мусульманского населения. Поэтому офицерам запрещалось переходить границу и было приказано сосредоточиться на «поддержании спокойствия в наших пределах»¹⁷⁸. Кроме того, российские власти отдавали себе отчет в том, что для вмешательства в конфликт и проведения военной

¹⁷² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16 Т. 2. Д. 6839. Л. 20–20 об.

¹⁷³ Туркестанский край... С. 244.

¹⁷⁴ Там же... С. 65.

¹⁷⁵ Там же... С. 157–158.

¹⁷⁶ *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе... С. 98.

¹⁷⁷ Туркестанский край... С. 68.

¹⁷⁸ Там же. С. 144.

кампании на столь значительной территории явно не хватало войск, численность которых в приграничных областях признавалась достаточной лишь для охраны и патрулирования¹⁷⁹.

Таким образом, Россия устранилась от вмешательства в события, происходившие в Восточном Туркестане, и не оказывала существенной поддержки ни одной из сторон. Не обладая точной информацией о силе восстания, опасаясь его распространения на запад и не обладая значительной военной силой в регионе, подобная точка зрения представлялась российскому руководству единственно возможной. Силы маньчжуров на западе страны были невелики, а внутреннее положение в стране оставалось сложным. Китайские войска оказались не в состоянии самостоятельно справиться с мусульманским восстанием, и в 1864–1866 гг. Цины утратили контроль над важнейшими пунктами в Синьцзяне.

§6. От политики невмешательства к активным действиям*.

В середине 1860-х гг. в ходе мусульманского восстания Китай утратил контроль над Восточным Туркестаном, где возник ряд самостоятельных государственных образований, крупнейшее из которых располагалось в южной части наместничества Синьцзян. Здесь восстание сначала возглавила местная знать, но после трех лет междоусобной борьбы власть захватил выходец из Коканда Якуб-бек, который стал единоличным правителем теократического государства со столицей в Кашгаре¹⁸⁰.

Глава государств являлся абсолютным монархом и имел несколько титулов, чаще всех из которых встречается Бадаулет (Счастливый). Опорой власти Бадаулета была земледельческая аристократия, войско и высшее мусульманское духовенство. Укрепив свою власть, Якуб-бек приступил к

¹⁷⁹ Там же. С. 62.

* При подготовке данного параграфа диссертации использовалась следующая публикация автора: *Зиборов Д.М.* Посольство А.В. Каульбарса в Кульджу в 1870 г. // *Человеческий капитал.* 2023. №8 (176). С. 36–46.

¹⁸⁰ Туркестанский край... С. 73–74.

расширению подвластной ему территории за счет захвата более мелких соседних ханств¹⁸¹, превратившись, таким образом, в сильнейшего правителя Западного Китая.

Не забывал Якуб-бек и о внешней политике, ведь его неустойчивому молодому государству требовалась международная поддержка для усиления своей власти внутри Йеттишара и защиты от вероятного возвращения маньчжуров. Вскоре после прихода к власти Якуб-бек положил начало установлению контактов с Англией, и в конце 1868 г. его приближенный Шади Мирза отправился с дипломатической миссией к вице-королю Индии¹⁸².

Британские власти в свою очередь рассчитывали подчинить себе Якуб-бека и превратить все восставшие области Западного Китая в зависимое от Англии крупное мусульманское государство, чтобы использовать его против России и закрыть путь дальнейшему распространению русской торговли и влияния вглубь Азии¹⁸³. Колониальные власти были обеспокоены успехами¹⁸⁴ России в регионе, видя в них пролог к движению русских войск к «Китайской стене и границам Индии»¹⁸⁵.

Исходя из этого, Лондон оказывал помощь Якуб-беку, в том числе, и военную, командировав туда инструкторов и доставляя оружие. Нередко англичане подталкивали к сотрудничеству с Якуб-беком Османскую империю, которая поддерживала кашгарского правителя, с одной стороны стремясь сохранить дружеские отношения с Англией, а с другой – преследуя собственные интересы, видя в государстве Якуб-бека наиболее реальную силу, способную противостоять России в Центральной Азии¹⁸⁶. Кроме того, османы рассчитывали использовать общность истории, религиозных и культурных

¹⁸¹ Исиев Д.А. Уйгурское государство... С. 25–31.

¹⁸² Там же. С. 37–38.

¹⁸³ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика... С. 210.

¹⁸⁴ Так, по словам Ф.С. Робертса «оккупация Самарканда Россией вызвала значительное волнение, если не сказать ужас, среди властей Англии» ... Подробнее... *Roberts F.S. Forty-One Years in India...* P. 107.

¹⁸⁵ *Boulger D.Ch. England and Russia in Central Asia...* P.345.

¹⁸⁶ Басханов М.К. Османская Турция... С. 51.

традиций с народами Восточного Туркестана в качестве фактора, способствовавшего сближению¹⁸⁷.

Однако Бадаулет не мог не учитывать географического положения своих владений и двигаться исключительно в русле английской политики. Он стремился тем или иным образом договориться с Российской империей, по возможности заручится ее поддержкой и избежать военного вмешательства со стороны Туркестанского генерал-губернатора¹⁸⁸. Тем более, что и сама Россия никак не могла остаться в стороне от решения кашгарского вопроса. «В Кашгарии видели сильное мусульманское государство, к которому как к центру могли примкнуть симпатии мусульманского населения не только слабых мусульманских государств, еще сохранивших независимость, но и население завоеванных нами областей»¹⁸⁹, – признавал служивший в то время в Туркестане А.Н. Куропаткин¹⁹⁰. Кроме того «значение Кашгарии в наших глазах увеличивалось вследствие попыток англичан привлечь эту страну на свою сторону с целью включить ее: 1) в нейтральный пояс земель, отделяющий русские владения от индийских и 2) приобрести в этой стране новый рынок сбыта своих фабрикатов»¹⁹¹.

После победы восставших встал вопрос о том, каким образом стоит строить отношения с новыми «владельцами» приграничных земель. Результатами восстания по отношению к России были: уничтожение консульств и факторий в Кульдже и Чугучаке; прекращение торговли, обороты которой достигли значительного развития; постоянные беспорядки на границах и вторжения в наши пределы; наплыв беженцев¹⁹². Что касается последнего

¹⁸⁷ Ниязматов М. Россия на Востоке... С. 476.

¹⁸⁸ Туркестанское генерал-губернаторство создано в 1867 г.

¹⁸⁹ Куропаткин А.Н. Кашгария... С. 2.

¹⁹⁰ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – русский военный и государственный деятель, в начале XX в. туркестанский генерал-губернатор, военный министр. С 1875 г. проходил службу в Туркестанском военном округе. Участник ряда военных кампаний и дипломатических миссий в регионе.

¹⁹¹ Там же. С. 2–3.

¹⁹² Терентьев М.А. Россия и Англия... С. 122.

вопроса, то стоит отметить тот факт, что падение китайской власти в Кульдже запустило неконтролируемые процессы миграции. С одной стороны кочевое население приграничных российских областей перемещалось в Кульджинский край, с другой – часть китайских подданных (прежде всего, калмыки) двинулись в Россию, опасаясь оставаться под властью более многочисленных и нередко настроенных враждебно мусульман¹⁹³.

Новые условия диктовали необходимость выстраивания отношений с Якуб-беком. Летом 1867 г. к нему прибыл полковник В.А. Полторацкий с предложением возобновить торговые отношения. В следующем году в Ташкент прибыл представитель Якуб-бека, которому было поручено заключить договор при условии признания независимости Кашгара. На это Туркестанский генерал-губернатор пойти не мог, так как в Петербурге полагали, что Якуб-бек может быть «весьма недолгим владельцем Восточного Туркестана», исходя из чего, признавался суверенитет Китая над Кашгаром. В итоге, сторонам не удалось прийти к какому-либо соглашению.

Тем не менее, осознавая важность торговли с Кашгарией для экономики приграничных областей, Кауфман подчеркивал, что закрытие местного рынка было бы очень невыгодно для наших мануфактур. Необходимость налаживания торговых связей, а также противодействие проникновению в Восточный Туркестан со стороны Великобритании вынудили российскую сторону искать пути к установлению добрососедских отношений.

Генеральная линия российского руководства, нацеленная на признание суверенитета Китая в Восточном Туркестане, являлась тем камнем преткновения, из-за которого Якуб-бек отвергал предлагаемые условия. Миссия капитана П.Я. Рейнталя в 1868 г. носила ознакомительный характер в силу того, что далее торговых отношений Россия идти не хотела, а Якуб-бека это не устраивало. Ему нужно было добиться признания Йэттишара на международной арене.

¹⁹³ Васильев Д.В., Асанова С.А. Приют для страждущих... С. 38.

Помимо чисто пропагандистских целей и желания поднять свой статус в глазах народа, это стремление имело под собой и другое основание. В случае официального признания Кашгара со стороны России Якуб-бек планировал сосредоточить все свои силы против вероятного вторжения китайских войск, купить у России оружие, а также добиться разрешения на выезд добровольцев из Туркестанского края в помощь своим единоверцам¹⁹⁴.

Тем не менее, эти вопросы не были улажены, а русско-кашгарские отношения оставались натянутыми. Проводилась дискриминационная политика по отношению к русским купцам в городах Кашгарии, вызывало беспокойство и подчинение Якуб-беком ряда новых земель. Он значительно расширил подконтрольную территорию и укрепил свое влияние к северу от Тянь-Шаня. Возникла опасность поглощения Кульджинского султаната, правитель которого, в свою очередь, выдвигал территориальные претензии к русским властям и укрывал на своей территории преступников, бежавших из приграничных территорий Российской империи¹⁹⁵. Все это вело к необходимости решительнее действовать в Восточном Туркестане и принимать меры к улучшению ситуации.

Русские власти не без основания опасались захвата Якуб-беком Таранчинского султаната. Подавляющую часть населения обоих ханств составляли уйгуры. Общность культуры, традиций, религии, экономические связи делали их разделение искусственным. Это побуждало более сильного правителя Кашгара добиваться включения Илийского султаната в состав своих владений¹⁹⁶.

В случае установления протектората Якуб-бека над Кульджей, его власть распространилась бы на обширную территорию, граничившую непосредственно с российскими владениями. Такое развитие событий не могло устроить администрацию приграничных областей. Давая оценку обстановке,

¹⁹⁴ Подробнее... *Исиев Д.А. Уйгурское государство...* С. 35–40.

¹⁹⁵ *Моисеев С.В. Взаимоотношения России...* С. 70.

¹⁹⁶ *Исиев Д.А. Уйгурское государство...* С. 40.

туркестанский генерал-губернатор писал канцлеру Горчакову о том, что существующее положение дел оставляло желать лучшего, и задавал вопрос, «какова будет безопасность и спокойствие не нашей границе, когда Кульджой овладеет предприимчивый, хитрый и честолюбивый Якуб-бек»¹⁹⁷. Допустить развитие событий по этому сценарию Россия не могла. Не вселяло оптимизма и вызывающее поведение таранчинского султана, который не препятствовал нападениям на «наших киргизов», отказывался выдавать скрывавшихся преступников и предоставлять доступ русским купцам к торговле в его владениях¹⁹⁸.

В мае — июне 1870 г. на границу выезжал Кауфман. Эта поездка убедила его в необходимости принятия мер для улучшения ситуации¹⁹⁹. С целью оказания давления на султана были предприняты дипломатические шаги. Осень 1870 г. в Кульджу был направлен переводчик Бородин, однако, эта попытка воздействовать на Абиль-оглы результата не имела²⁰⁰. Одновременно с этим генерал-губернатор предписал занять Музартский перевал²⁰¹, являвшийся единственным проходом в Тянь-Шане, соединяющим Илийский султанат и Йэйтишар²⁰². В письме военному министру он обосновал этот шаг следующим образом: «Музартский проход надо было занять, как потому, что если бы не я его занял, то он попал бы в руки Якуб-бека кашгарского, который очень поглядывает на Кульджу»²⁰³.

Туркестанский генерал-губернатор все более склонялся к силовому решению проблемы. Он пришел к выводу о необходимости военного вмешательства в события в Западном Китае. По его мнению, из-за слабости

¹⁹⁷ Моисеев С.В. Взаимоотношения России... С. 71.

¹⁹⁸ Терентьев М.А. Россия и Англия... С. 129.

¹⁹⁹ Моисеев В.А. К истории занятия Кульджинского края... С. 86.

²⁰⁰ Моисеев С.В. Взаимоотношения России... С. 71.

²⁰¹ Перевал Музарт — высокогорный перевал, пересекающий горы Тянь-Шаня в Синьцзяне на высоте 3582 м. В XIX в. перевал имел военно-стратегическое значение, поскольку был главной артерией сообщения между Кашгарией на юге и Илийской долиной на севере.

²⁰² Терентьев М.А. Россия и Англия... С. 129.

²⁰³ Войска наши... С. 18.

власти Абиль-оглы, вызванной в первую очередь, межэтническими противоречиями народов Илийской долины, он не мог создать самостоятельное государство, которое стало бы легкой добычей Якуб-бека. Подобное развитие событий, по логике Туркестанского генерал-губернатора, могло привести к переходу на его сторону кочевого населения приграничных областей, что грозило серьезными осложнениями для местной российской администрации²⁰⁴. Именно вопросы сохранения престижа российской власти в регионе и стабилизация обстановки на границе, а также активизация торговли во вверенном ему крае более всего беспокоили Кауфмана.

Он изложил свои соображения А.М. Горчакову и Д.А. Милютину, заявив о необходимости «временно занять Кульджу для сдачи впоследствии Китаю»²⁰⁵, однако не встретил понимания ни в военном ведомстве, ни в Министерстве иностранных дел. Во внешнеполитическом ведомстве считали, что подобное мероприятие не могло изменить ситуацию ввиду отсутствия поблизости китайских войск, которым можно было бы передать контроль над занимаемой территорией. Кроме того, не было уверенности, что занятие Кульджи привело бы к возобновлению торговли и не втянуло бы наши войска в затяжной конфликт²⁰⁶. Таким образом, в Петербурге остались при том же мнении о нежелательности вмешательства в ситуацию в Восточном Туркестане, несмотря на противоположную позицию местных властей. По мнению начальника Главного штаба Ф.Л. Гейдена²⁰⁷ задача Кауфмана сводилась к отслеживанию ситуации на границе и побуждению китайцев к «более решительным действиям»; военное вмешательство было признано нежелательным²⁰⁸.

²⁰⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6828. Л. 249–259.

²⁰⁵ Там же. Л. 258–258 об.

²⁰⁶ Там же. Л. 261.

²⁰⁷ *Гейден Федор Логинович* (1821–1900) – начальник Главного штаба при Александре II (с 1866 по 1881 гг.), генерал от инфантерии.

²⁰⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6828. Л. 261.

Посчитав, неиспользованными до конца возможности дипломатического воздействия на Абель-оглы, русские власти направили новую миссию в Кульджу. Для переговоров о пограничных делах в султанат был командирован капитан генерального штаба барон А.В. Каульбарс, который 29 ноября 1870 г. выехал из Верного в Кульджу²⁰⁹.

Важнейшая задача посольства заключалась в получении от кульджинского правителя согласия на пребывание в султанате официального представителя Российской империи, с предоставлением такой же возможности султану. Кроме того, посольству было поручено добиться от султана исполнения требований, предъявленных ему ранее: выдача виновных в нападении на майора Здоренко²¹⁰, выдача киргиз, бежавших с гауптвахты, предоставление нашим купцам свободной торговли в Илийской провинции²¹¹.

Помимо этого, миссия должна была собрать достоверную информацию о военно-политической обстановке в Илийском крае, о географии и транспортных путях региона, и договориться о снятии ограничений на вывоз хлеба, риса, каменного угля²¹². Таким образом, работу посольство можно разделить на три направления.

1) Сбор общей информации о географии, населении и экономике региона, необходимые в свете того факта, что у российских властей на тот момент «имелись только отрывочные, неполные сведения»²¹³ о Кульдже;

2) Дипломатическая составляющая миссии, выполнение которой заключалось бы в урегулировании имеющихся противоречий и пограничных инцидентов, разрешении торговых вопросов;

3) Анализ политической и военной обстановки в Кульдже ввиду падения там китайской власти и формирования нового государственного образования,

²⁰⁹ Каульбарс А.В. Поездка в Кульджу... С. 232.

²¹⁰ Нападение это было совершено в августе 1870 г. на российской территории. Майор Здоренко был ранен и ограблен, а нападавшие после этого разграбили станцию и угнали лошадей. Этот инцидент являлся одной из причин отправления посольства Каульбарса.

²¹¹ Терентьев М.А. История завоевания... С. 22.

²¹² Моисеев С.В. Взаимоотношения России... С. 71–73.

²¹³ Каульбарс А.В. Поездка в Кульджу... С. 232.

территория которого непосредственно граничила с подвластными Российской империи землями.

По итогам своего пребывания в Кульдже Каульбарс составляет, пожалуй, наиболее подробное на тот момент описание географии, путей сообщения, населения, экономики региона, акцентируя внимание на природных богатствах и пёстрой этнической картине края²¹⁴. Значительное место в работе миссии Каульбарса в Кульдже занимала разведывательная составляющая. Особый интерес представляли данные о политической и военной обстановке ввиду того, что дипломатическая часть миссии завершилась неудачей. Информации о положении дел в Кульдже практически не было и в период китайского господства. После же падения маньчжурской власти и вовсе сложился некий информационный вакуум.

В этих условиях наиболее точная информация могла быть получена так называемыми военно-научными экспедициями, ведь генштабисты, руководители экспедиций, были наиболее подготовлены для разведки в специфической обстановке, когда азиатские лазутчики не давали качественной информации из-за низкого образовательного уровня²¹⁵. Так, должностные лица приграничных областей в конце 1860-х гг. сетовали на то, что поступавшие сведения зачастую настолько преувеличены, что на их основании трудно сделать какой-либо правильный вывод²¹⁶. Исходя из этого штабс-капитан А.В. Каульбарс, недавний выпускник Академии Генерального штаба, имевший опыт проведения военно-научных экспедиций в приграничных районах Средней Азии являлся прекрасной кандидатурой для получения актуальных разведывательных данных.

Миссия Каульбарса должна была дать ответы на вопросы, касавшиеся Илийского края, и её результаты могли продемонстрировать, с какими сложностями предстоит столкнуться в дальнейшем в случае принятия решения

²¹⁴ Каульбарс А.В. Заметки о Кульджинском крае... С. 118–146.

²¹⁵ Фалько С.А. Деятельность российской разведки... С. 224.

²¹⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 45. Л. 51.

о применении силы. По результатам поездки в Кульджу Каульбарсом была составлена аналитическая записка о политическом положении в султанате и состоянии его вооружённых сил.

Александр Васильевич пришел к выводу о слабости власти Абиль-оглы, который на практике контролировал лишь часть Илийской долины и охарактеризовал Кульджинский султанат как самое слабое из среднеазиатских государств, сохранявшее свою обособленность лишь ввиду географических условий и «случайных обстоятельств»²¹⁷. При этом армия султаната, представленная не слишком многочисленным, разобщённым и плохо вооруженным народным ополчением, была слабой; крепости не отвечали требованиям времени и не могли выдерживать огонь артиллерии, некоторые народы не стремились сражаться на стороне Абиль-оглы, а проведение военной кампании в теплое время года не сулило значительных препятствий для русских войск²¹⁸.

Таким образом, главный вывод о положении дел в Илийском султанате и состоянии его вооружённых сил можно выразить фразой Каульбарса, с которой он, собственно, и начал свою записку: «Военные силы Кульджинского ханства состоят из сброда всех национальностей, обитающих его. Народы эти относятся друг к другу враждебно»²¹⁹. Военная кампания представлялась желаемым действием со стороны российских властей, которое не должно было встретить значительных препятствий.

В то же время дипломатическая составляющая работы миссии Каульбарса не увенчалась успехом. С одной стороны, было очевидно нежелание султана вести переговоры и связывать себя обязательствами, с другой стороны, и руководитель российской миссии был сторонником более жёсткой линии в отношении Абиль-оглы. Он выступал против выжидательной политики, считая, что такая линия поведения наносит вред российским интересам и вел

²¹⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 77. Л. 5–5 об.

²¹⁸ Там же. Л. 5–27.

²¹⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 77. Л. 5.

переговоры в ультимативном тоне. В итоге Абиль-оглы согласился исполнить требования российских властей, что, впрочем, не было никак зафиксировано, а в скором времени после отъезда членов миссии таранчинский султан и вовсе отказался исполнять заявленные обязательства²²⁰, что свело на нет и без того довольно скромные результаты миссии.

В течение 1870 г. дипломатическими мерами не удалось наладить отношения с кульджинским султаном, восстановить торговлю, улучшить ситуацию на границе; все более вероятным выходом из ситуации, виделось военное вторжение. Неудача дипломатической составляющей посольства Каульбарса вкупе с получением актуальной информации о ситуации в Кульдже, свидетельствовавшей о слабости местного султана и неустойчивости его власти, укрепили Кауфмана во мнении о необходимости изменения политики по отношению к Илийскому султанату и проведении военной кампании.

К концу 1870 г. наметилось заметное изменение подхода к событиям, происходившим в Восточном Туркестане. На протяжении нескольких лет Россия избегала каких-либо серьезных шагов в этом регионе, надеясь, что восстание пойдет на спад, а экономические отношения будут восстановлены в прежнем объеме. Однако этого не происходило, и не было оснований полагать, что в ближайшем будущем ситуация может кардинально измениться. «Если в течение минувших шести лет, т.е. с 1864 г. мы строго воздерживались от деятельного вмешательства в дела Западного Китая, где инсургенты успели окончательно уничтожить китайскую власть, то в настоящее время едва ли было бы возможно для нас оставаться столь же безучастными зрителями распространения мусульманского восстания»²²¹, – писал Горчаков императору 8 декабря 1870 г. относительно российской политики в Монголии. Распространение восстания, по мнению Управляющего МИД, способно было вовсе приостановить движение по караванным дорогам и положить конец всей

²²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6809. Л. 8–8 об.

²²¹ АВПРИ. СПб Главный архив. I-1. 1870. Оп. 781. Д. 180. Л. 34 об.

сухопутной торговле с Китаем. Для того, чтобы этого избежать, канцлер Горчаков предлагал «нанести решительный удар инсургентам», и пресечь, таким образом, распространение восстания и обезопасить торговое сообщение с Кяхтой²²².

Посланнику в Пекине было поручено обратиться к китайскому правительству и убедить его оказать содействие в занятии Урги, обеспечить транспортом и провиантом русский отряд²²³. После этого город был занят русскими войсками, а восставшие дунгане удалились вглубь территории Монголии. Казачий отряд находился в Урге еще в течение нескольких месяцев, а затем вернулся в Россию²²⁴. Как и в ситуации в Восточном Туркестане руководство пограничных территорий Российской империи предлагало прибегнуть к более решительным мерам. Так, губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский считал должным занять Ургу и Улясутай, но его предложение касательно второго города было признано излишним, так как, по мнению Д.А. Милютина, вовлекло бы русские войска в открытую борьбу с дунганями и могло бы привести к непредсказуемым последствиям²²⁵. Тем не менее, опыт решения проблемы в Урге оказался успешным и мог, безусловно, повлиять на позицию правительства в Илийском вопросе.

Отсутствие положительных сдвигов в ситуации в Западном Китае стало причиной созыва ряда особых совещаний в конце 1870 – начале 1871 гг. В центре внимания оказался вопрос о том, какие меры надлежало принять для защиты наших интересов в связи с событиями в Синьцзяне. Участники совещания рассматривали два возможных варианта: оказание поддержки Китаю в подавлении восстания или же установление отношений с местными правителями ввиду неспособности маньчжуров в ближайшем будущем восстановить свою власть. Обе точки зрения нашли своих сторонников. Тем не

²²² Там же. Л. 35–35 об.

²²³ Там же. Л. 36–36 об.

²²⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – начало 1873... С. 331–332.

²²⁵ Там же. С. 332.

менее, большинство встало на сторону позиции МИД, согласно которой восстание в Восточном Туркестане «есть явления преходящее», поэтому следует оказывать содействие китайским властям²²⁶. 20 апреля 1871 г. состоялось очередное особое совещание, участники которого пришли к выводу о неизбежности вмешательства России²²⁷. Главным решением совещания стало одобрение ввода войск на территорию Кульджинского султаната, намеченного на осень 1871 г. после согласования этого шага с Пекинским двором. Мера эта рассматривалась в качестве временной, и предполагался вывод войск из Илийского края при восстановлении спокойствия в регионе и передачи управления китайским представителям²²⁸. Таким образом, решения, принятые совещанием, окончательно завершили поворот к активным действиям в Синьцзяне. Было принято ключевое решение об отказе от политики невмешательства и проведении военной кампании с целью положить конец беспорядкам на границе и передать Илийский край под власть Цинов.

* * *

В середине XIX в. были урегулированы русско-китайские отношения в Средней Азии. Российской стороне удалось добиться от Цинской империи заключения выгодных торговых соглашений, открывавших русской торговле путь к рынкам Синьцзяна, что на этом этапе являлось приоритетом в политике по отношению к Китаю.

Маньчжурская династия, переживавшая в это время глубокий кризис, не смогла ничего противопоставить и закреплению России на ее границах. В результате в ходе территориального разграничения на основании Пекинского трактата к России отошли все контролируемые ею земли в пограничном с Китаем регионе. Таким образом, на данном этапе российская сторона сумела добиться достижения своих основных целей в отношениях с Китаем в

²²⁶ Там же. С. 330–331.

²²⁷ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 112.

²²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 60.

Центральной Азии – обеспечить доступ к рынкам Восточного Туркестана и провести демаркацию границ, закрепив новые территориальные приобретения.

Однако начавшееся в 1860-х гг. мощное выступление китайских мусульман на западе страны изменило ситуацию, сведя на нет многие успехи предшествующего времени. Российское руководство, не имея точной информации о размерах восстания и его опасности для России, предпочло не вмешиваться в события в Восточном Туркестане, несмотря на периодические обращения местных китайских властей о помощи, и сосредоточиться на обеспечении безопасности недавно присоединенных к империи земель.

На осколках китайского наместничества Синьцзян возник ряд государственных образований, сильнейшим из которых стал Йэйтишар, возглавляемый выходцем из Коканда Якуб-беком, чья политика вызывала беспокойство в Петербурге. С одной стороны, прекратилась торговля с Восточным Туркестаном, был закрыт доступ купцам на местные рынки, что вело к значительным для региона экономическим потерям. С другой стороны, вызывали беспокойство и контакты местных мусульманских правителей с Великобританией, стремившейся взять под опеку эти территории и распространить свое влияние в непосредственной близости от наших границ.

К началу 1870-х гг. на первый план выходит Илийский вопрос. Местная знать стремилась к расширению контактов с Якуб-беком, возникла угроза усиления его государства на наших границах. Оставались нерешенными торговые вопросы, периодически вспыхивали столкновения с казачьими отрядами. Попытка разрешить возникшие противоречия дипломатическими методами успеха не имела – отправляемые к кульджинскому султану посольства не смогли добиться улучшения ситуации.

В этих условиях российское руководство стало склоняться к силовому решению Илийского вопроса. В начале 1871 г. было принято решение о проведении кампании против Илийского султаната для оказания поддержки маньчжурскому правительству. Таким образом, была пересмотрена политика

по отношению к Западному Китаю – от невмешательства до организации военного вторжения, которое планировалось осуществить после согласования с китайским правительством осенью 1871 г.

Вторая глава. Оккупация Илийского края в 1871–1878 гг.

Настоящая глава охватывает период с 1871 по 1878 гг.: от занятия войсками генерала Колпаковского Кульджи до начала двусторонних переговоров о возврате Илийского края Китаю. В центре внимания находятся такие вопросы, как причины и обстоятельства оккупации Россией Кульджи, характер управления Илийским краем, проблема возврата Китаю его временно оккупированной территории.

§1. Занятие Илийского края войсками Колпаковского в 1871 г.**

Получив информацию об одобрении вмешательства в дела Западного Китая, Туркестанский генерал-губернатор приступил к подготовке военного вторжения. Еще в сентябре 1870 г. он писал Колпаковскому, что следует «быть готовыми идти на Кульджу», и признавал необходимым заранее продумать ход действий²²⁹. Руководителю разведывательно-дипломатической миссии к Абилю-оглы полковнику Каульбарсу, как человеку лучше других знакомому с ситуацией в таранчинском султанате, было получено составить записку о положении дел в Илийском крае.

По мнению Каульбарса, невмешательство в события в Восточном Туркестане привели не только к экономическим потерям, но и подорвали «нравственное значение» России в регионе²³⁰. Для исправления ситуации необходимо было прибегнуть к решительным мерам, ведь, по его мнению, не было никаких надежд на скорое восстановление китайской власти²³¹. Особые опасения вызывала у автора записки политика Якуб-бека, который значительно усиливался в случае захвата им Кульджи, что привело бы не только к усилению недружественного правителя, пример которого мог послужить соблазном для

** При подготовке данного параграфа диссертации использовалась следующая публикация автора: *Зиборов Д.М.* Кульджинская кампания генерала Г.А. Колпаковского и завоевание Илийского края в 1871 г. // Клио. 2023. №9 (201). С. 48–56.

²²⁹ Горшенина С. Теория естественных границ... С. 130.

²³⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 20 об.

²³¹ Там же. Л. 20 об.–21.

всего мусульманского населения Средней Азии, но и еще более осложнил бы восстановление торговли с внутренними областями Китая. «Мы живем дружно с Коканом и свободно торгуем с ним потому, что там осознают нашу силу; в Азии другая политика немыслима»²³², – считал Каульбарс.

Он был уверен, что в скором времени рынки Китая попадут в руки великих держав, поэтому стоило утвердиться на них заблаговременно²³³, не дожидаясь того момента, когда полная экономическая зависимость Поднебесной стала бы очевидной. Исходя из этого, требовалось прибегнуть к решительным мерам и установить контроль над торговлей Восточного Туркестана.

Более того, Александр Васильевич считал необходимым не только подавить восстание мусульман Западного Китая, но и, по возможности, присоединить Илийский край, не подконтрольный Пекину на тот момент, к Российской империи. Подобный шаг представлялся ему наиболее подходящим по нескольким причинам. Во-первых, это позволило бы восстановить торговые отношения с внутренним Китаем. Во-вторых, Илийский край представлялся ему богатой ресурсами территорией, подходящей также для колонизации. Кроме того, присоединение Кульджи давало около 100 тысяч новых подданных, создавало «хорошие естественные границы», подчиняло России все киргизское население, позволяло установить контроль над всей р. Или²³⁴.

Собственно завоевание Кульджи не могло представлять значительных сложностей. Каульбарс считал достаточным четырех батальонов для осуществления военной кампании и удержания власти в Илийском крае. Причина, лежащая в основе такой точки зрения, заключалась в межнациональной розни полиэтнического населения Кульджи, враждующего между собой и не способного оказать серьезного сопротивления²³⁵. Записка

²³² Там же. Л. 26 об.

²³³ Там же. Л. 28–28 об.

²³⁴ Там же. Л. 27–27 об.

²³⁵ Там же. Л. 27.

Каульбарса в полной мере выражает точку зрения, присущую военным кругам приграничных областей Российской империи, считавших необходимым для сохранения престижа власти в Азии придерживаться жесткой линии в отношении своих соседей.

Что касается позиции Туркестанского генерал-губернатора, то он во многом разделял точку зрения своих коллег. Он считал необходимым занять Кульджу и свергнуть местного султана. За этим должно было последовать восстановление китайской власти, от которой при благоприятном раскладе можно было ожидать не только возобновления экономических отношений, но и расширения торговли в Синьцзяне²³⁶. При этом стоит подчеркнуть, что Кауфман не стремился к расширению границ империи. Речь шла о временном занятии Кульджи при условии восстановления там китайской власти. Он считал, что «завоеванием Кульджи без надежды на восстановление китайского начала мы ничего не приобретаем и потому решаться на это можно только по нужде, когда бы обстоятельства указали, что другого выхода нет»²³⁷.

Весной 1871 г. последовало обострение обстановки на границе с таранчинским султанатом. Участились нападения на пограничные отряды, а Абиль-оглы не только отказался выполнять свое обещание о выдаче преступников, данное Каульбарсу, но и заявил Колпаковскому притязания на принадлежность приграничных районов и потребовал удаления русского отряда с Музарта, в противном случае грозя принудить к этому силой оружия²³⁸.

Активизировались жители приграничных территорий. После падения китайской власти в Восточном Туркестане обострилась проблема перемещения кочевого населения. Так, опустевшие в ходе восстания 1860-х гг. территории стихийно занимались киргизами, принявшими подданство Российской

²³⁶ Горшенина С. Теория естественных границ... С. 131–133.

²³⁷ Источник. Документы русской истории... С. 18.

²³⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 1–2.

империи²³⁹. В результате чего на территории Илийского края оказались тысячи русских подданных²⁴⁰. Однако, как признавали российские власти, «подчинённость приграничных киргиз, кочевавших на кульджинской границе, всегда была сомнительна»²⁴¹. Тем более, что стремление российских властей взять под контроль кочевое население – с одной стороны, и готовность таранчинского султана принять беглецов – с другой²⁴², подталкивали кочевников к передвижению за границу. И, конечно, этой возможностью пользовались лица, преступившие российские законы²⁴³.

В апреле 1871 г. несколько тысяч киргизов откочевали в кульджинские владения, причем некоторые из них произвели открытое нападение на казачий патруль. Особое внимание российских властей привлек прапорщик Тазабек Бусурманов (Пусырманов), состоявший на русской службе (волостной управитель) и пользовавшийся авторитетом среди местных жителей²⁴⁴. Именно его российские власти воспринимали как лидера откочевавших киргизов, а то и вовсе усматривали в его действиях подготовку к мятежу²⁴⁵. Эти события послужили поводом для Колпаковского для проведения военной кампании. По сути, решения, принятые на особом совещании и распоряжения Кауфмана развязали семиреченскому губернатору руки, и тот мог начать боевые действия в удобное для себя время, выждав подходящий момент. Перекочевка киргизов во главе с Тазабеком, сопровождавшаяся погромами в Семиреченской области, стала толчком для перехода к активным действиям.

Вслед за этими событиями Колпаковский отправил султану письмо с требованием выдать зачинщиков, предупредив его, что в случае отказа русские приступят к более решительным мерам. По большому счету, он выдвинул

²³⁹ О Кульдже. Ч. I... С. 60.

²⁴⁰ О Кульдже. Ч. II... С. 63.

²⁴¹ С кульджинской границы... С. 77.

²⁴² *Проскурин В.Н.* Жизнь и судьба генерала Колпаковского... С. 62.

²⁴³ *Терентьев М.А.* История завоевания... С. 30.

²⁴⁴ *Проскурин В.Н.* Жизнь и судьба генерала Колпаковского... С. 63.

²⁴⁵ Там же. С. 63.

таранчинскому султану ультиматум, согласно которому российские требования должны были быть выполнены в семидневный срок²⁴⁶, т.е. к 3 мая 1871 г.

По истечении срока ультиматума небольшие русские отряды перешли границу. Так, верненскому уездному начальнику подполковнику Ждан-Пушкину было приказано выступить с отрядом из 140 казаков для преследования и возвращения откочевавших киргизов, при этом избегая столкновений с таранчами²⁴⁷. Подобные рекогносцировки провели и другие пограничные отряды, что привело к первым выстрелам, а возвращение русских войск на исходные рубежи было воспринято таранчами как отступление²⁴⁸, что привело уже к их вторжению в наши пределы²⁴⁹.

В этих условиях, Кауфман, не отдавая прямого приказа о занятии Кульджи, распорядился усилить войска Семиреченской области казачьей сотней и пехотным батальоном и дал разрешение Колпаковскому начать движение войск в столицу султаната в случае нападения на русские посты²⁵⁰. Учитывая позицию Колпаковского, считавшего правильным отказаться от политики невмешательства в события в Западном Китае, подобные распоряжения могут рассматриваться как приказ о занятии Кульджи.

Особенно подчеркивалось, что предстоящая кампания имела целью восстановление в Кульдже маньчжурской власти, а не закрепление в Илийской провинции. Военному губернатору Семиреченской области было предписано воздержаться от распоряжений, которые могли бы дать повод истолковать движение войск «в завоевательном смысле» и при первой возможности установить отношения с ближайшими китайскими властями²⁵¹.

²⁴⁶ Извлечение из донесений Г.Л. Колпаковского... С. 220.

²⁴⁷ Терентьев М.А. История завоевания... С. 33.

²⁴⁸ Дьяков А. Воспоминания... С. 277.

²⁴⁹ П.К. Действия против Кульджинского султана... С. 486.

²⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 15–16 об.

²⁵¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 10–11.

Для дальнейших действий сформировано было два отряда: главный в Борохудзире²⁵² и боковой на Кетмене²⁵³. В мае 1871 г. не прекращались мелкие стычки русских пограничных отрядов и таранчей. Некоторые столкновения доходили до применения артиллерии; появились и первые потери. Так, в ходе столкновения на Кетменском перевале 8 мая было убито и ранено 11 солдат²⁵⁴. Затем русский отряд продолжил движение в кульджинские пределы и 28 мая отряд полковника Михайловского занял таранчинское селение Кетмень²⁵⁵; здесь же 31 мая русские войска понесли наиболее чувствительные потери: два отряда оказались отрезаны друг от друга и в ходе боя потеряли 38 человек²⁵⁶, что М.А. Терентьев связывал с неудачными решениями полковника Михайловского²⁵⁷.

В начале июня столкновения небольших русских отрядов с неприятелем не прекращались практически ни на день. 5 июня Колпаковский выехал из Верного и спустя 3 дня прибыл на границу и приказал усилить действующие силы. Противник в свою очередь, осознав бесперспективность открытого столкновения, приготовился к обороне: крепости Чин-Ча-Ходзи, Суйдун и, собственно, Кульджа были приведены в «оборонительное положение», созывалось местное ополчение²⁵⁸.

12 июня, окончив подвоз провианта, Колпаковский предпринял наступательное движение на Кульджу. Русский отряд состоял из 6,5 рот пехоты, 4,5 сотен кавалерии и 10 орудий. Ко дню выступления отряд состоял из 1 генерала, 63 штаб- и обер-офицеров и 1785 нижних чинов. Кроме того, в отряде находилось 40 китайцев и калмыков и полусотня киргизских

²⁵² *Борохудзир* – небольшой русский пограничный пункт, построенный в 1868–1869 гг. на месте бывшего китайского пикета и расположенный на одноименной реке.

²⁵³ *Кетменский перевал* находится на высоте 3040 м. Через перевал проложена караванная тропа из Илийской долины в Кегень-Текесскую впадину.

²⁵⁴ С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №19. С. 78.

²⁵⁵ С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №24. С. 97.

²⁵⁶ П.К. Действия против Кульджинского султана... С. 486.

²⁵⁷ Терентьев М.А. История завоевания... С. 56.

²⁵⁸ С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №24. С. 98.

милиционеров²⁵⁹, которые принимали участие в атаках и преследовании неприятеля, и, что особенно ценно, отлично знали местность, дороги, источники воды²⁶⁰.

Войска шли по главной кульджинской дороге, мимо разорённых китайских поселений, и лишь передовой отряд вступал в редкие столкновения с противником, заканчивавшиеся его отступлением. 16 июня 1871 г. состоялась столкновение русского отряда с войсками султаната численностью около 4 тысяч человек, закончившееся разгромом последних²⁶¹. Любопытно, что при этом было взято в плен 125 человек, 102 из которых оказались китайцами²⁶², судя по всему, не слишком стремившихся сражаться за таранчинского султана. Пленные были оставлены при войсках для выполнения хозяйственных работ и в ходе кампании не предпринимали попыток бежать²⁶³.

17 июня 1871 г. отряд выступил к крепости Чин-Ча-Ходзи, но штурм было решено отложить, подобрав оптимальное направление удара. На следующий день неприятельский отряд численностью до 5000 человек был обнаружен в садах близ укреплений. После артиллерийского огня завязался бой, в результате которого таранчи были опрокинуты и «обратились в полнейшее бегство»²⁶⁴. После ухода основных сил султана судьба крепости была предрешена.

В тот же день три штурмовых колонны русских одновременно ворвались в крепость, гарнизон которой, видя бесперспективность сопротивления, сложил оружие. Оборонявшимся остро не хватало огнестрельного оружия, а большая часть изъятых пушек, как вскоре выяснилось, была в неисправном состоянии²⁶⁵.

²⁵⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 88 об.–89.

²⁶⁰ С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №23. С. 93.

²⁶¹ Военные действия в кульджинских пределах (С 12-го по 16-е июня) // Туркестанские ведомости. 1871. №26. С. 104–105.

²⁶² П.К. Действия против Кульджинского султана... С. 486.

²⁶³ Военные действия в кульджинских пределах // Туркестанские ведомости. 1871. №27. С. 107.

²⁶⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 101 об.

²⁶⁵ Громов А.В. Трофей Кульджинского похода... С. 55–56.

После занятия крепости русские войска, в соответствии с приказом военного губернатора Семиреченской области, который заканчивался словами «при взятии городов на грабеж не ходить»²⁶⁶, вели себя миролюбиво и не чинили в Чин-Ча-Ходзи беспорядков. При этом пострадавшим при штурме (как военным, так и мирным жителям) оказывалась медицинская помощь²⁶⁷, что было необычно для местного населения. Вскоре Колпаковский, оставив в городе необходимый караул, вывел войска и расположил их за пределами крепости.

19 июня 1871 г. русские войска подошли к крепости Суйдун. После короткой перестрелки неприятель обратился в бегство. Решающую роль сыграло техническое превосходство русских. Попытки таранчей атаковать натывались на картечь артиллерийских орудий, после чего противник бежал, теряя всякую организацию. «Пули и ядра русского войска летели как ливень, как саранча, раненых и убитых всякого рода людей было немало»²⁶⁸, — описывал эти события очевидец. Подобная картина являлась типичной для всей кампании. Русские войска держали противника на расстоянии, и артиллерия не позволяла в большинстве случаев довести дело до рукопашной схватки²⁶⁹. В результате сравнительно масштабное столкновение завершилось разгромом войск Абиль-оглы без потерь с нашей стороны. Бой под Суйдуном стал последней попыткой таранчей оказать сопротивление. Несмотря на личную храбрость и упорство, которые отмечали русские авторы²⁷⁰, противник ничего не мог противопоставить войскам генерала Колпаковского. После бегства основной части войск (порядка 6 тысяч человек) гарнизон крепости после непродолжительных переговоров, проходивших при посредничестве дунган, пленённых при Чин-Ча-Ходзи, сбросил оружие со стен и сдался, не сделав и

²⁶⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 85.

²⁶⁷ *Копцева А.* Походные заметки... С. 63–64.

²⁶⁸ *Васильев В.П.* Две китайские записки... С. 190.

²⁶⁹ *Дьяков А.* Воспоминания... С. 278–279.

²⁷⁰ *Тягеев Б.Л.* Кульджинский поход... С. 72.

выстрела²⁷¹. На следующий день в город въехал Колпаковский и был торжественно встречен местными жителями²⁷².

Серия поражений, которая оставила султана практически без войск, вынудила его пойти на переговоры. 20 июня 1871 г. к Колпаковскому прибыло посольство во главе с сыном султана²⁷³. Кроме того, было получено письмо от Абиль-оглы с просьбой о прекращении боевых действий, а 21 июня таранчинский правитель сам прибыл в распоряжение русских войск²⁷⁴. Требования, выдвинутые султану, были следующие: его войска складывали оружие (в первую очередь ружья и пушки) у крепостных ворот, а также передавали русским ключи от городских ворот и арсенала²⁷⁵. Абиль-оглы был вынужден принять эти требования. Кроме того, прапорщик Тазабек, действия которого стали поводом к конфликту, был выдан российским властям²⁷⁶.

22 июня 1871 г. русские войска вступили в Кульджу. После сдачи столицы представители народов Илийского края поспешили заявить о подчинении российским властям²⁷⁷, а торгоуты²⁷⁸ подали прошение о принятии их в российское подданство²⁷⁹. Чуть позже их примеру последовали дунгане, подавшие прошение военному губернатору Семиреченской области²⁸⁰, и киргизы, имевшие кочёвки в китайских пределах²⁸¹. Однако все ходатайства остались без положительного ответа ввиду неопределённости статуса Илийского края²⁸².

²⁷¹ Военные действия в кульджинских пределах // Туркестанские ведомости. 1871. №27. С. 108.

²⁷² Терентьев М.А. История завоевания... С. 52.

²⁷³ Из действующего отряда... С. 101.

²⁷⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 112 об.–114.

²⁷⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 114 об.

²⁷⁶ Терентьев М.А. История завоевания... С. 53–54.

²⁷⁷ Последние военные действия в Кульдже... С. 101.

²⁷⁸ Торгоуты — один из монгольских народов, откочевавший с территории Российской империи в китайские пределы в XVIII веке.

²⁷⁹ Терентьев М.А. История завоевания... С. 57.

²⁸⁰ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 1701. Л. 10.

²⁸¹ Там же. Л. 40.

²⁸² Там же. Л. 38 об.

Новость о занятии Кульджи была сообщена императору, который, находясь в Варшаве, оставил резолюцию на телеграмме военного министра: «Очень хорошо, лишь бы не завлекло нас еще дальше»²⁸³. Дальнейшего продвижения российские власти не желали, стремясь избежать завоевания территории, тем более что её принадлежность другому государству (Китаю) не ставилась под сомнение на официальном уровне.

Кульджинская кампания продолжалась 50 дней (3 мая были выдвинуты пограничные отряды, а 22 июня занята Кульджа), общие потери составили 90 человек²⁸⁴. На ее проведение из средств Туркестанского края было выделено 65 тысяч рублей, шесть участников похода стали Георгиевскими кавалерами, а Колпаковский был не только представлен к ордену, но и произведен в генерал-лейтенанты²⁸⁵.

Кампания была проведена в сжатые сроки, завершилась успехом с небольшими, даже по меркам среднеазиатских походов, потерями. С одной стороны, хорошо проявили себя русские войска, действовавшие грамотно и осмотрительно (за исключением событий 31 мая 1871 г. у Кетменя, переросших у рукопашную схватку, которые и привели к наибольшим потерям). Преимущество русских войск заключалось как в вооружении, так и в подготовке солдат, многие из которых уже имели солидный боевой опыт в регионе.

С другой стороны и условия проведения кампании благоприятствовали успеху: требовалось пройти сравнительно небольшое расстояние от границы до Кульджи (в отличие, например, от условий Хивинского похода 1873 г.) по благоприятной местности, не преодолевая горы или пустыни. Свою роль сыграла поддержка добровольцев из числа местных жителей-китайцев, киргизов, калмыков, хорошо знакомых с местностью. И конечно же, сказалась нежизнеспособность Кульджинского султаната, оказавшегося слабым

²⁸³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 50.

²⁸⁴ Терентьев М.А. История завоевания... С. 50.

²⁸⁵ Проскурин В.Н. Жизнь и судьба генерала Колпаковского... С. 68.

государственным образованием, раздираемым межэтническими противоречиями, и многие народности, населявшие его не оказали сопротивления при появлении русских войск. Вооружённые силы Абиль-оглы также ничего не смогли противопоставить численно уступающему русскому отряду. При всей личной храбрости таранчей слабая организация и отсталое вооружение не оставляли им шансов на поле боя и при обороне едва укрепленных крепостей.

Инициатива в проведении самой военной кампании принадлежит местным российским властям, прежде всего генералу Г.А. Колпаковскому, последовательно отстаивавшему необходимость вмешательства в дела Восточного Туркестана и усиления там российских позиций с начала мусульманского восстания. Подобная картина в целом была типичной для российского генералитета в Средней Азии, стремившегося к более решительным мерам. Решения апрельского особого совещания 1871 г. фактически развязали Колпаковскому руки, дав возможность провести военную кампанию в благоприятный момент при соблюдении ряда условий. При этом речь шла не о стремлении завоевать Кульджу и включить ее в состав империи, а о мерах, направленных на стабилизацию обстановки на границе и укрепление авторитета российской власти в регионе.

§2. Вопрос о статусе Кульджи в 1871 г.

По окончании военной кампании был организован ряд небольших исследовательских экспедиций, целью которых являлось изучение путей сообщения, горных перевалов, рек и озер Илийского края²⁸⁶. Эти мероприятия были проведены летом 1871 г. Главным же вопросом, стоящим перед российскими властями, была дальнейшая судьба территории, занятой отрядом Колпаковского. Уже в конце июня 1871 г. в высочайше одобренной инструкции посланнику в Пекине было сказано, что ввиду неопределенности сложившейся

²⁸⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 158–159.

ситуации вопрос о текущем управлении Илийским краем будет решен по усмотрению туркестанского генерал-губернатора²⁸⁷.

Теоретически существовало три сценария развития событий. Первый вариант, который первоначально, т.е. до экспедиции Колпаковского рассматривался российским руководством, заключался в передаче управления Илийским краем китайским властям сразу же после ликвидации власти Абилюлы в Кульдже. Однако на практике такой исход событий оказался невозможным. Сказался тот факт, что ввод войск не был согласован с пекинским двором. Уже после занятия Кульджи пришло сообщение от российского Посланника в Пекине о том, что в текущем году не приходится рассчитывать на содействие китайцев²⁸⁸. Решение Кауфмана предпринять кампанию против таранчинского султаната, не дожидаясь осени, без согласования с пекинским двором, спутало карты Министерству иностранных дел. Во внешнеполитическом ведомстве полагали, что информация о невозможности маньчжуров взять под контроль Илийский край после оккупации его русскими войсками в корне изменила подход к проблеме. «Скорее всего, правительство наше предпочло бы оставаться в прежнем выжидательном положении до разъяснения обстоятельств и не предпринимать никаких наступательных действий»²⁸⁹, - признавал А.М. Горчаков. В этой ситуации решения приходилось принимать буквально «на ходу».

Русские пограничные власти не могли согласиться на передачу Кульджи в руки китайских сановников, не имевших возможности опереться на военную силу²⁹⁰. Установление контроля над Урумчи и отправка китайского отряда в Кульджу виделись необходимыми условиями для передачи Илийского края Китаю²⁹¹. Руководствуясь этими соображениями, Колпаковский отверг участие в кампании официальных китайских представителей, что, по его мнению, могло

²⁸⁷ Там же. Л. 10 об.

²⁸⁸ АВПРИ. Ф. СПб Главный архив I—1. Оп. 781. Д. 181. Л. 53.

²⁸⁹ Там же. Л. 66 об.

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6839. Л. 159.

²⁹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 5 об.

лишь спровоцировать беспорядки, а также счел необходимым не объявлять местному населению о восстановлении маньчжурской власти, заявив, что судьба Кульджи будет зависеть от решения российского правительства²⁹². Кроме того, посланник в Пекине А.Г. Влангали докладывал в Петербург, что китайцы были не в состоянии в тот момент достигнуть Урумчи и, тем более, Илийской долины. «Вероятно, нам придется перезимовать в Кульдже»²⁹³, - констатировал дипломат.

В этих условиях Кауфман полагал, что ближайшие мероприятия должны быть направлены «не на восстановление маньчжурской власти, а лишь на утверждение спокойствия и порядка на наших границах»²⁹⁴. Иными словами, первоначально одобренная идея о свержении кульджинского султана и передаче управления в руки китайских чиновников оказалась несостоятельной в 1871 г. из-за отсутствия достаточных военных сил Китая для обеспечения спокойствия и порядка в приграничной области.

Другой рассматриваемый вариант заключался в создании в Илийском крае государства, которое «подобно Коканскому ханству находилось как бы в вассальных отношениях к России»²⁹⁵. Такой сценарий содержал в себе очевидные преимущества: он позволял контролировать территорию Кульджи, восстановить торговые отношения, расширить экономическое и политическое влияние в регионе. Кроме того, решалась бы и проблема возможных притязаний Якуб-бека, усиления которого всерьез опасались. Но принятие такого решения было бы выгодным лишь в случае неспособности Китая восстановить свою власть в Восточном Туркестане. Иначе, пришлось бы защищать «нами поставленного и под нашим покровительством состоящего правителя»²⁹⁶, что привело бы к неизбежному обострению отношений с Цинской империей, что не входило в планы Петербурга. В МИД считали, что

²⁹² Там же. Л. 1–3.

²⁹³ Там же. Л. 28.

²⁹⁴ Там же. Л. 159.

²⁹⁵ Там же. Л. 10 об.

²⁹⁶ Там же. Л. 43.

учреждение подконтрольного государства в Кульдже могло создать нежелательный прецедент, что не соответствовало интересам Российской империи. «Если здание гнило, не в наших интересах начать разрушение»²⁹⁷, – так выразил позицию по отношению к Китаю в целом российский посланник в Пекине.

Помимо этого, существовало еще одно ощутимое препятствие к установлению в Кульдже зависимого от России государства. Оно заключалось в отсутствии подходящего руководителя среди местного населения. В письме директору азиатского департамента Министерства иностранных дел П.Н. Стремоухову²⁹⁸ в октябре 1871 г. Кауфман обосновал невозможность передачи управления в руки местного населения. По его мнению, сибиряки и местные китайцы не могут рассматриваться в качестве доминирующей политической силы по причине их малочисленности и «низкой степени политического развития», кочевые племена – киргизы и калмыки – из-за образа жизни, делавшего невозможным сосредоточение в их руках административной власти²⁹⁹. То есть, по мнению Туркестанского генерал-губернатора, единственной силой, способной взять на себя управление в Кульдже были уйгуры. Но создание подконтрольного государства под властью таранчей не могло быть принято из-за недружественной политики свергнутого султана Абиль-оглы, военного поражения, умалившего значение таранчей в глазах других народов Илийской долины, а также опасений российского руководства относительно лояльности подобного государства³⁰⁰.

Таким образом, оставался только третий вариант – создание временной российской администрации, подчинявшейся Туркестанскому генерал-губернатору. Еще в июне 1871 г. Кауфман писал военному министру, что «едва

²⁹⁷ АВПРИ. Ф. 147. Оп.1. Д. 1701. Л. 14.

²⁹⁸ *Стремоухов Петр Николаевич* (1823–1885) – русский дипломат и государственный деятель, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, в 1875 г. товарищ министра иностранных дел.

²⁹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 49–50.

³⁰⁰ Там же. Л. 50.

ли можно будет обойтись там без русской власти»³⁰¹, учитывая неясность китайских позиций и отсутствие данных, позволявших судить о способности Цинской империи восстановить контроль над Восточным Туркестаном. Семиреченский губернатор Г.А. Колпаковский шел еще дальше и считал безальтернативным установление, по крайней мере, временно, российской администрации в Кульдже. Летом 1871 г. он писал Кауфману, что «управление Илийским краем полагал бы необходимым оставить в наших руках, если не навсегда, то до того времени, пока китайцы не займут прочно Урумчи»³⁰².

Подобная точка зрения не могла быть принята Министерством иностранных дел, которое обращало внимание Туркестанского генерал-губернатора на необходимость избегать решений, которые могли быть расценены как шаги к включению Кульджи в состав империи в условиях, когда нет бесспорных оснований для того, чтобы считать эти земли навсегда потерянными для Китая³⁰³. Возможность присоединения Кульджи к Туркестанскому генерал-губернаторству всерьез встревожило МИД. Канцлер Горчаков писал Д.А. Милютину о «несостоятельности мероприятий» Кауфмана, проводя аналогии с «печальным примером Самарканда», который за несколько лет до событий в Илийском крае был включен в состав России вопреки позиции министерства³⁰⁴. В ряде случаев туркестанские власти уже действовали без оглядки на позицию официального Петербурга, что не являлось уже секретом и для англичан, что могло усиливать их беспокойство³⁰⁵.

Лишь к октябрю 1871 г. было согласовано решение о предоставлении права Туркестанскому генерал-губернатору по своему усмотрению определить ход дальнейших действий в Илийском крае, но с неременным условием избежать сохранения русской власти в Кульдже³⁰⁶. Конкретные мероприятия

³⁰¹ Там же. Л. 1 об.

³⁰² Там же. Л. 5 об.

³⁰³ Там же. Л. 13 об.

³⁰⁴ Там же. Л. 14 об.

³⁰⁵ *Loftus A. The diplomatic reminiscences...* P. 47.

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 24–25 об.

должны были быть определены на месте, а, учитывая соображения Кауфмана, речь шла именно о создании российской администрации в Кульдже, однако, тогда же был оговорен и временный характер подобной системы управления.

В ноябре 1871 г. Туркестанский генерал-губернатор впервые посетил Кульджу. Здесь он заявил о возможности введения русских законов и администрации³⁰⁷. Военный губернатор Семиреченской области, к которой и был присоединен Илийский край, высказался еще радикальнее, заявив в воззвании к населению Кульджи о необходимости русского управления и присутствия в крае наших войск и чиновников³⁰⁸. Подобные шаги вызвали негодование в азиатском департаменте МИД. Стремоухов дважды писал начальнику Главного штаба Ф.Л. Гейдену, указывая на недопустимость подобных шагов со стороны Туркестанского генерал-губернатора и обвиняя того в «пренебрежении» к одобренному государем решению относительно наших действий в Кульдже³⁰⁹. Однако дальнейшего продолжения ситуация не получила; вопрос был улажен, и Кауфман приступил к организации временного управления Илийским краем.

§3. Управление Илийским краем.

Под властью России оказалась территория, включавшая в себя долину р. Или с прилегающими населенными пунктами. До начала восстания в Кульджинском округе проживало до 350 тысяч человек. Менее, чем за десять лет количество жителей существенно сократилось; приблизительная численность населения Илийского края немногим превышала 100 тысяч человек. Из них, по оценке российских властей, таранчи (уйгуры) составляли 38%, монголо-маньчжурские племена – 30%, китайцы – 5%. В религиозном

³⁰⁷ Посещение г. генерал-губернатором При-Илийского края... С. 147.

³⁰⁸ Туркестанские ведомости. 1871. №28. С. 111.

³⁰⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 57 об.

отношении преобладали мусульмане (к которым помимо таранчей относились киргизы и дунгане), составлявшие 65 % населения³¹⁰.

Таранчинский султан Абиль-оглы сдался русским властям, и был отправлен в Верный, где и жил в дальнейшем, ежегодно получая пенсию от российского правительства в размере пяти тысяч рублей³¹¹. Кульджинский султанат ликвидировался, равно как и система управления, существовавшая в этом государственном образовании. Несколько влиятельнейших уйгурских кланов, между которыми фактически была разделена власть, лишались своих привилегий³¹². Первым нововведением российских властей стало отмена существовавшего при таранчах рабства. В прокламации Колпаковского к населению Илийского края от 24 июня 1871 г. говорилось, что пленные и рабы должны быть освобождены, после чего им предоставлялась свобода перемещения и выбора занятий³¹³.

Организация управления Илийским краем.

Илийский край был включен в состав Туркестанского генерал-губернаторства и подчинен военному губернатору Семиреченской области. В Верном создавалась специальная Канцелярия по кульджинским делам в составе управляющего канцелярией, делопроизводителя, чиновника особых поручений при военном губернаторе, обер-офицера для производства топографических работ³¹⁴.

Несмотря на определенные шаги Колпаковского, вызвавшие недовольство Министерства иностранных дел, Семиреченский губернатор отдавал себе отчет в том, что, по крайней мере, по состоянию на 1871 г. «обладание наше страной есть временное и никаких мероприятий, которые задержали бы нас в крае, допускаемо быть не может»³¹⁵.

³¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 149 об.

³¹¹ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 125.

³¹² Туркестан в имперской политике... С. 123.

³¹³ Там же. С. 127.

³¹⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 93.

³¹⁵ Туркестан в имперской политике... С. 127.

Исходя из этого, были определены и основные задачи русской администрации в Кульдже, которые заключались в следующем: 1) сохранение порядка, личной и имущественной безопасности населения; 2) сохранение быта и народного управления с тем, чтобы избежать нововведений, которые могли бы быть в дальнейшем отменены китайским правительством и, чтобы не лишать себя свободы действий в случае присоединения края к России; 3) установление равноправия между племенами Илийского края. По мнению Колпаковского, русская власть должна была иметь, прежде всего, «наблюдательный характер» и исполнять роль посредника между народами Кульджи. «Воздерживаться от положительных мероприятий и нововведений, на которые не дает права ни малоизвестность страны, ни неопределенность ее отношений к Русскому государству»³¹⁶, – этим принципом следовало руководствоваться в управлении Илийским краем, считал Семиреченский губернатор.

По мнению Колпаковского, одного центрального органа власти в Кульдже было недостаточно для обеспечения порядка и организации управления. По этой причине территория Илийского края была разделена на четыре участка: 1) Город Кульджа и окрестности; 2) Правый берег р. Или, населенный таранчами и кочующими калмыками; 3) Дунганские города Суйдун и Чингагози³¹⁷; 4) Левый берег р. Или³¹⁸.

В каждом участке Колпаковским были определены начальники из числа русских офицеров – майор Балицкий, есаул Герасимов, штабс-капитан Шрейдер, подпоручик Ляшевский³¹⁹. Всего штат управления, помимо четырех начальников участков, по состоянию на 1 января 1872 г. включал: бухгалтера и переводчика при начальнике первого участка (в Кульдже и окрестностях),

³¹⁶ Там же. С. 128.

³¹⁷ Так в источнике.

³¹⁸ Туркестан в имперской политике... С. 124.

³¹⁹ Там же. С. 124–125.

письмоводителя при кульджинском почтовом отделении, священника и исповедника при кульджинской церкви³²⁰.

Главная обязанность участковых начальников состояла в обеспечении порядка и безопасности на вверенной им территории. В инструкции начальникам участков Кульджинского района говорилось, что лишь выполнение этого обязательства оправдывало занятие Илийского края, и, более того, способствовало усилению позиций России в регионе в случае возвращения его Китаю³²¹. Сохранение порядка надлежало осуществлять, в первую очередь, надзором за «ненадежными элементами населения». Эта работа должна была осуществляться по большей мере через «народных управителей»³²², т.е. представителей местных общин.

Участковые начальники по Положению об управлении Семиреченской области Туркестанского края пользовались правами уездных начальников по административно-полицейской части³²³. Они были ответственны за ряд мероприятий, помимо обеспечения спокойствия в Илийском крае: вели учет прибывших и убывших из района, производили перепись населения участка, контролировали сбор податей и пошлин, выполнение повинностей, руководили выборами «народных управителей»³²⁴.

«Беспорядки политического свойства и иные случаи ослушания русской власти» рекомендовалось подавлять военной силой. При этом войска, дислоцированные в участках, не находились в подчинении участковых начальников. В случае необходимости они должны были обращаться за поддержкой к заведующему войсками района (эту должность занял помощник командующего войсками Семиреченской области полковник фон Вартман³²⁵).

³²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 93.

³²¹ Туркестан в имперской политике... С. 128.

³²² Там же. С. 128.

³²³ Пантусов Н.Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871–1881 гг. Казань. Унив. тип. 1881. С. 6.

³²⁴ Сутеева К.А. Некоторые аспекты... С. 126.

³²⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 95.

Для разведывательной же и полицейской службы в распоряжении участковых начальников находился отряд казаков³²⁶.

Семиреченским губернатором оговаривалась возможность сокращения числа участковых начальников в случае нормализации обстановки в Илийской долине³²⁷. Позднее так и случилось. В 1874 г. был упразднен третий участок, а в 1876 г. – четвертый. Весь Илийский край с того времени делился на Северный и Южный участки, граница между которыми проходила по р. Или. Центром Северного участка (левый берег реки) стала Кульджа, центром южного (правый берег) – поселение Койнак³²⁸.

Новая власть практически не вмешивалась в управление на низовом уровне, оставив его в руках местных старейшин. Сохраняли свои звания, права и обязанности назначенные маньчжурами до восстания родовые начальники у сибо, арбун-сумун³²⁹, дурбун-сумун³³⁰, чахар-калмыков³³¹, торгоутов³³². По-иному было решено поступить в отношении уйгуров, дунган и китайцев в силу того, что предводители первых двух народностей активно участвовали в столкновениях с русскими отрядами, а китайские начальники были перебиты или бежали из пределов Илийского края. В результате указанные народы выбирали своих старшин путем голосования выборных от каждой сотни дворов. Такой же порядок был принят и в отношении киргизского населения Илийской долины. Избранные на должность или сохранившие свой пост

³²⁶ *Пантусов Н.Н.* Сведения о Кульджинском районе... С. 3–6.

³²⁷ *Туркестан в имперской политике...* С. 125.

³²⁸ *Сутеева К.А.* Некоторые аспекты... С. 125–126.

³²⁹ *Арбун-сумун* – этнографическая монголоязычная группа, проживавшая в низовьях реки Каша в Илийском крае.

³³⁰ *Дурбун-сумун* – этнографическая монголоязычная группа, проживавшая в низовьях реки Текеса в Илийском крае.

³³¹ *Чахар-калмыки (чахары)* – этнографическая монголоязычная группа, проживавшая на территории Монголии и Синьцзяна.

³³² *Туркестан в имперской политике...* С. 129.

старшины кентов³³³ и городов утверждались губернатором Семиреченской области; им же они могли быть сняты со своей должности³³⁴.

Права и обязанности старшин регулировались сложившимися обычаями в том случае, если они не противоречили Инструкции начальникам участков и распоряжениям русской администрации. По отношению к новым властям они пользовались правами и исполняли обязанности волостных управителей. Старшины кентов находились на денежном содержании, размер которого определялся выборными представителями от населения и не должен был превышать 120 рублей в год. В помощь старшинам допускалось избрание от сотни домохозяйств по одному сотенному (юзбаши), которому присваивались права и обязанности аульных старшин³³⁵.

Согласно Инструкции начальникам участков Кульджинского района предписывалось сохранять «строжайшее невмешательство» в сферы гражданского права, существующего у различных народов, населявших Илийскую долину. Гражданские споры по семейным и имущественным отношениям находились в юрисдикции народных судов, если стороны относились к одному народу, и в ведении смешанных судов в случае принадлежности сторон к разным племенам. По просьбе одной из сторон принимать решение на правах уездных судей могли и участковые начальники. В их обязанность входило также разрешение возможных споров между русскими подданными. Поземельные отношения оставались неизменными³³⁶. Народные суды были вправе определять наказания за правонарушения согласно местным обычаям, но при этом из судебной практики были исключены многие обычные для местных народов виды наказания, такие как отсечение руки, битье палками и т. д.³³⁷

³³³ *Кент* – поселение.

³³⁴ Туркестан в имперской политике... С. 130.

³³⁵ Там же. С. 130. Аульный старшина – младшее должностное лицо по проекту положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинских областях.

³³⁶ Там же. С. 128–129.

³³⁷ *Сутеева К.А.* Некоторые аспекты... С. 126.

Таким образом, с одной стороны, российские власти стремились сохранить понятные для местного населения управленческие структуры низового уровня, которые сложились в Восточном Туркестане еще до китайского завоевания. Традиции административного устройства начали складываться здесь в раннем Средневековье, сохранились после монгольского завоевания, были сохранены Империей Цин в XVIII веке, превратившей родоплеменных предводителей кочевого населения и руководителей территориальных единиц (оседлых народов) в низовое звено администрации. В этом плане российские власти выступили продолжателями управленческой политики своих соседей. При этом проводимые меры не являлись чем-то исключительным для российских властей и укладывались в общую концепцию правого развития среднеазиатских владений Российской империи. Правовой основой для административной политики в Илийском крае стал «Проект Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» 1867 г., а управленческие структуры, созданные в Кульджинском крае уже применялись в российском Туркестане³³⁸.

Религиозный вопрос.

Для успокоения края требовалось решить национальный и религиозный вопрос. Было провозглашено равноправие народов, живущих в Кульджинском крае; русская власть брала на себя защиту личных и имущественных прав, выступала гарантом сохранения свободы и «племенной самобытности»³³⁹. Особое внимание уделялось религиозному вопросу. В крае с преимущественно мусульманским населением, чьи духовные лидеры еще недавно принимали активное участие в событиях в Илийской долине, существовала реальная угроза выступлений под знаменем ислама. Исходя из этого, мусульманское господство признавалось нежелательным и вредным. Духовное сословие не должно было

³³⁸ Подробнее... Васильев Д.В. Предел империи... С. 154–155.

³³⁹ Там же. С. 131.

возвышаться в своем статусе над остальным населением и иметь заметных привилегий³⁴⁰.

В целом, отношение к мусульманам в Илийском крае вполне соответствовало принятой в то время Кауфманом «политике игнорирования» ислама, которая выражалась в отсутствии, как гонений, так и покровительства со стороны Туркестанского генерал-губернатора. Ее цель состояла в привлечении симпатий рядового мусульманского населения, так как власти не вмешивались в духовную жизнь обычных граждан. С другой стороны, духовенство должно было быть полностью устранено от участия в управлении, что, по мнению российского руководства, свело бы на нет его влияние в общественной и политической жизни, что укрепляло основы государственности среди мусульманского населения³⁴¹. Не стоит считать, что религиозные деятели выходили из-под контроля властей. Напротив, активно пресекались любые подозрительные акции, исходившие от мусульманского духовенства. Но в то же время, власти дистанцировались от внутренней жизни общин, выборов имамов и мулл, предоставляя значительную религиозную свободу, не препятствуя возведению мечетей и медресе.

Подобная концепция характерна и для политики по отношению к мусульманам Илийского края. В упоминаемой нами Инструкции начальникам участков по отношению к мусульманской религии говорилось, что «не выражая к ней недоброжелательства, власти не должны удостаивать ее по внешности никаким вниманием»³⁴². Российская администрация не вмешивалась в выборы религиозных лидеров, предоставив решение этого вопроса самим жителям. Постройка и поддержание в должном состоянии мечетей также были предоставлены местному населению, сборы для этих целей не имели обязательного значения. При этом к задачам участковых начальников относилось «постоянное и неусыпное наблюдение за приемами и средствами

³⁴⁰ Там же. С. 131.

³⁴¹ Центральная Азия в составе Российской империи... С. 247–248.

³⁴² Туркестан в имперской политике... С. 131.

мусульманской пропаганды»³⁴³. Особое внимание в этом вопросе уделялось положению дунган. Нежелательным признавалось их сближение с единоверцами, их растворение в «обшемусульманском типе». Предполагалось всячески поддерживать их связи с китайцами, в противоположность пресечению определенных контактов с таранчами и киргизами. Только при таких условиях, по мнению российской администрации, можно было избежать ассимиляции дунган³⁴⁴.

В отношении буддистского населения, напротив, поощрялась материальная и нравственная поддержка для восстановления его прежнего положения, в котором оно находилось до мусульманского восстания. Предполагалась и поддержка китайской культуры, выступавшей в качестве противовеса мусульманской интеллигенции³⁴⁵.

Налоги и сборы.

В качестве контрибуции за понесенные издержки в июле 1871 г. был собран особый налог с населения края, от которого были освобождены буддисты и язычники. Затем все существовавшие до подчинения Кульджи налоги и сборы русская администрация заменила новой податной системой. Для оседлого населения был установлен налог в размере трех рублей с семьи, ведущей самостоятельное хозяйство. Для кочевых народов был установлен кибиточный налог в том же размере³⁴⁶. На практике сумма налога могла быть уменьшена ввиду несостоятельности налогоплательщиков и варьировалась в пределах от 1,5 до 3 рублей в зависимости от народа и поселения³⁴⁷. Тем не менее, местное население зачастую было не в состоянии выплачивать означенную сумму в качестве налога. В конце 1871 г. это было обычным явлением. Туркестанский генерал-губернатор докладывал Д.А. Милютину о неспособности жителей Илийского края уплачивать налоги. Ситуация не

³⁴³ Там же. С. 131.

³⁴⁴ Там же. С. 131–132.

³⁴⁵ Там же. С. 132.

³⁴⁶ *Пантусов Н.Н.* Сведения о Кульджинском районе... С. 35.

³⁴⁷ Там же. С. 35.

изменилась и после проведение аукционного торга. Так, по одному из районов не удалось собрать и половины оговоренной суммы. Кауфман был вынужден дать согласие на списание недоимок и сокращение налога³⁴⁸. Кроме того, по просьбе Туркестанского генерал-губернатора в его распоряжении оставались все доходы по Кульджинской провинции, которые должны были быть расходованы на нужды Илийского края³⁴⁹.

Другой проблемой была острая нехватка наличных денег в Кульдже. По мнению Туркестанского генерал-губернатора, это затрудняло сбор налогов и совершение мелких торговых сделок³⁵⁰. Кауфман предложил сохранить обращение мелкой разменной китайской монеты несмотря на то, что она стремительно теряла свою стоимость, а также доставить из Верного серебряную и медную разменную монету. В Кульджу было завезено около 13 тысяч монет³⁵¹, однако этого числа явно не хватало. Туркестанский генерал-губернатор обратился в Министерство финансов с просьбой предоставить ему разменную монету из-за отсутствия достаточного количества денег в Верном, и получил на то согласие от министра финансов М.Х. Рейтерна³⁵². С екатеринбургского монетного двора были отпущены мелкие медные монеты для нужд Илийского края³⁵³.

После стабилизации экономической обстановки были введены новые налоги. С 1874 г. был введен сбор на устройство помещений для войск в Кульджинском районе в размере дополнительных 20% к подворовой или кибиточной подати³⁵⁴. Существовал проект введения с 1 января 1875 г. в Кульджинском районе акцизного сбора на виноторговлю, но он не был реализован³⁵⁵. Натуральные повинности заключались только в содержании и

³⁴⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 85–86.

³⁴⁹ Там же. Л. 76–77 об.

³⁵⁰ Там же. Л. 80 об.

³⁵¹ Там же. Л. 81. Кауфман не указывает их стоимость.

³⁵² *Рейтерн М.Х.* – министр финансов в 1862–1878 гг.

³⁵³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 88.

³⁵⁴ *Пантусов Н.Н.* Сведения о Кульджинском районе... С. 37.

³⁵⁵ Там же. С. 41.

исправлении почтового тракта и проселочных дорог, в поставке подвод в военное время и в предоставлении людей для караула и препровождения арестантов при отсутствии в распоряжении участковых начальников казаков³⁵⁶.

Налоговое бремя оставалось посильным для населения Илийского края, заметно снизившись по сравнению с предшествующим, тем более, если взять во внимание улучшение экономического положения края и возросшие урожаи³⁵⁷.

Таким образом, отсутствие унификации в налоговой системе и административного инкорпорирования Илийского края свидетельствует о временном характере российской власти в Кульдже. Местное руководство, не имея распоряжений из Петербурга, свидетельствовало о закреплении Илийской долины за Россией, избегало кардинальных изменений, сосредоточившись на текущем управлении и обеспечении порядка и безопасности.

Экономика.

Для спокойствия и безопасности Кульджинского края, а также для улучшения ситуации с взиманием налогов необходимо было улучшить экономическое положение Илийской долины. Местные власти с самого начала признавали, что экономическое значение собственно Илийского края невелико³⁵⁸, и проводимые мероприятия были направлены на стабилизацию обстановки, развитие торговых связей с приграничными районами российского Туркестана, улучшение благосостояния обнищавшего населения. Именно эти задачи были выделены Туркестанским генерал-губернатором в качестве основных в экономическом плане³⁵⁹.

Одним из таких мероприятий, по мнению Кауфмана, должно было стать создание зоны беспошлинной торговли в Кульдже. Он считал, что подобный шаг способствовал бы развитию торговли, а кроме того, подтолкнул бы в

³⁵⁶ Там же. С. 42.

³⁵⁷ Noda J. Reconsidering the Ili Crisis... P. 181.

³⁵⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 43 об.

³⁵⁹ Там же. Л. 31 об.

будущем (после возврата Кульджи маньчжурам) китайское правительство к сохранению порто-франко, что соответствовало нашим интересам в регионе³⁶⁰.

Предлагаемая мера не встретила нареканий со стороны Министерства финансов, но, как уже не раз бывало в вопросах, касавшихся Кульджи, вызвала протесты МИД. Директор Азиатского департамента Стремоухов писал Милютину, что подобная мера сопряжена со «значительными неудобствами» и не соответствует принятой политике, согласно которой следует «избегать всяких распоряжений во внутреннем устройстве края, которые могли бы повлечь за собой какие-либо затруднения в будущем»³⁶¹. Горчаков в свою очередь обращался в Министерство финансов, выражая свое несогласие с решением туркестанских властей. По его мнению, подобный шаг может вызвать затруднения при возвращении Илийского округа китайцам, а также может иметь неблагоприятные последствия для нашей торговли, ведь создает конкурентные преимущества для Кульджи по сравнению с приграничными территориями Российской империи, в которых действовали определенные сборы и акцизы. Помимо этого, управляющий Министерством иностранных дел полагал, что учреждение беспошлинной торговли сделает местный рынок беззащитным перед появлением британских товаров, имеющихся в значительном количестве в Восточном Туркестане³⁶².

Несмотря на эти возражения Министерства иностранных дел, в Илийском крае была установлена зона свободной торговли. Все прибывающие в Кульджу и покидающие ее торговые караваны были освобождены от уплаты торговых пошлин. Торговцы должны были пользоваться особым покровительством участковых начальников, а их просьбы должны были быть удовлетворены без промедления³⁶³. Илийский край вскоре стал рынком сбыта российской

³⁶⁰ Там же. Л. 31 об.–33.

³⁶¹ Там же. Л. 36 об.–37.

³⁶² Там же. Л. 38–39 об.

³⁶³ Туркестан в имперской политике... С. 129.

продукции, не встречавшей здесь иностранной конкуренции³⁶⁴. Однако объемы оставались незначительными; сказывалась бедность местного населения, не позволявшая продавать товары (прежде всего, текстиль) в значительных количествах, местная торговля оставалась слабой³⁶⁵.

Устройство и расширение торговли в Кульджинском районе и в сопредельных с ним западно-китайских провинциях Урумчи и Кашгаре было задачей администрации края. Так, в 1871 г. в Семиречье состоялась кампания под покровительством Туркестанского генерал-губернатора для посылки торгового каравана в Урумчи с целью как завести торговые отношения с этим городом, так и собрать сведения об экономическом положении сопредельной территории³⁶⁶. Но подобная практика не получила широкого распространения и не привела к оживлению торговли.

Беспошлинная торговля также не принесла желаемого результата, несмотря на возлагаемые на нее надежды в 1871–1872 гг.³⁶⁷, в то время как лишала казну значительных доходов. Вследствие чего с 1 января 1875 г. торговля в Илийском крае стала облагаться соответствующими пошлинами, на основании действовавшего в империи положения о пошлинах за право торговли и промыслов³⁶⁸.

Способствовать улучшению экономического положения должны были и участковые начальники. В их обязанность входило принятие мер для развития земледелия, промышленности и торговли, поощрение существующих промыслов и открытие новых, хозяйственное восстановление заброшенных в ходе восстания земель, проведение новых и восстановление старых арыков³⁶⁹.

За время пребывания в Кульдже российских властей был принят ряд мер к усовершенствованию промышленности. Было организовано производство

³⁶⁴ Noda J. Reconsidering the Ili Crisis... P. 181.

³⁶⁵ Васильев Д.В. Предел империи... С. 140.

³⁶⁶ Пантусов Н.Н. Сведения о Кульджинском районе... С. 32.

³⁶⁷ Русская торговля в Кульдже... С. 60.

³⁶⁸ Пантусов Н.Н. Сведения о Кульджинском районе... С. 33.

³⁶⁹ Туркестан в имперской политике... С. 129.

шелка, был дан старт производству хлопка, началась разработка угольных месторождений³⁷⁰. Местными властями рассматривались различные проекты по развитию экономики Илийского края. Сам регион, в случае его сохранения за Россией имел определённый потенциал для социально-экономического развития. Подчёркивалась защищённость края от внешней угрозы, наличие значительных по меркам региона плодородных почв, которые могли быть использованы для создания русских поселений и ведения сельского хозяйства, наличие полезных ископаемых, которые могли быть использованы для нужд Семиреченской области, а также возможности использования Кульджи для транзитной торговли с Китаем³⁷¹. Однако полноценная реализация подобных проектов была возможна только в случае принятия решения о сохранении Илийского края в руках Российской империи.

Культурное взаимодействие.

В 1870-е гг. предпринимались определенные шаги, способствовавшие включению края в культурное пространство Российской империи. В начале 1870-х гг. русское население составляли только войска, но в дальнейшем помимо военнослужащих (в округе размещались 10 туркестанских линейных батальонов, 2-й конный казачий сибирский полк, полевая и горная артиллерия), появились и гражданские – служащие, купцы, мещане и крестьяне. В совокупности все русское население доходило до 2 тысяч человек³⁷².

Проводником российского культурного влияния в Кульдже могла стать православная миссия, организованная здесь сразу же по занятии края. Однако ее работа не увенчалась значительным успехом. Сказывалось, как и незначительность православного населения, так и неудачи в ходе работы самой миссии, особенно в первой половине 1870-х гг. С деятельностью православной миссии связано и появление в Кульдже европейского квартала, центром которого стало здание православного храма. Еще в начале 1872 г. одно из

³⁷⁰ Пантусов Н.Н. Сведения о Кульджинском районе... С. 22–30.

³⁷¹ Васильев Д.В. Предел империи... С. 121–128.

³⁷² Путинцев М. «Миссионерская проповедь... С. 16.

местных зданий было переоборудовано в небольшую православную церковь, а в 1877 г. было завершено строительство каменного храма. Однако православный храм, являвшийся своеобразным символом российского присутствия в Кульдже постигла незавидная судьба. После передачи края Китаю православное население покинуло Кульджу, в 1883 г. была вывезена церковная утварь, а спустя несколько лет от строения не осталось и следа³⁷³.

Другим направлением развития культурного влияния России могла стать организация учебных заведений. В 1873 г. ургинский консул Я.П. Шишмарев³⁷⁴ подготовил проект устройства и штата школы в Урге и Кульдже³⁷⁵. В том же году открылась русско-китайско-таранчинская народная школа, деятельность которой заключалась в ознакомлении местного населения с русским языком, историей, математикой. Но ввиду нехватки финансирования со временем она переориентировалась на обучение только русских детей³⁷⁶. Любопытно, что попытки возродить русскую школу в Кульдже предпринимались и после возвращения территории Китаю. В 1884 г. была открыта школа переводчиков при консульстве³⁷⁷, которая, впрочем, испытывала хронические сложности с финансированием; также неоднократно поднимался вопрос и о целесообразности содержания подобного учебного заведения в принципе. Точку в существовании русской кульджинской школы поставило самоубийство в конце 1894 года ученика³⁷⁸, за которым последовало решение об упразднении учебного заведения.

Таким образом, действия российской администрации в Кульдже были направлены прежде всего на нормализацию обстановки в приграничном регионе, достижение межконфессионального и межэтнического мира,

³⁷³ Подробнее... Путинцев М. «Миссионерская проповедь... С. 16–25.

³⁷⁴ Шишмарев Яков Парфеньевич (1833–1915) — дипломат, генеральный консул Российской империи в Урге (1863–1911), переводчик, монголовед, участник многих научных экспедиций.

³⁷⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2035. Л. 14.

³⁷⁶ Васильев Д.В. Предел империи... С. 162.

³⁷⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2035. Л. 106.

³⁷⁸ Там же. Л. 266.

восстановление хозяйственной жизни. Учитывая неопределённость статуса края, не предпринималось шагов, которые могли бы затруднить возврат Кульджи Китаю. С другой стороны, российские власти опираясь на опыт управления в Туркестане, сформировали понятную систему управления на низовом уровне, сумели обеспечить восстановление и даже некоторое развитие экономики. Кроме того, политика в Илийском крае должна была способствовать формированию пророссийских настроений среди местного населения даже в случае передачи его Китаю³⁷⁹.

Проведение дальнейших реформ едва ли было целесообразным, учитывая нерешенность вопроса о принадлежности края. Исходя из этого, также логичным является вывод о том, что местные власти своими действиями оставляли руководству страны «свободу рук»³⁸⁰, ожидая окончательного решения из центра.

§4. Вопрос о статусе Кульджи в первой половине 70-х гг. XIX в.***

Восточный Туркестан был отрезан от остального Китая мусульманским восстанием, связь с ним отсутствовала, поэтому китайское правительство узнало о занятии Илийского края войсками Колпаковского только 1 сентября 1871 г. от российского посланника Влангали³⁸¹. Ему было поручено поставить пекинский двор в известность о занятии Кульджи, объяснить мотивы такого шага, а также выяснить позицию Китая, его готовность к восстановлению своей власти в Илийской долине³⁸². В Пекине заявили, что китайские представители готовы вернуться в Кульджу. Илийский наместник Дзюнь Жунь собирался отправиться из Улясутая для переговоров с Колпаковским в конце сентября

³⁷⁹ Подробнее... *Почекаев Р.Ю.* Особенности... С. 531–542.

*** При подготовке данного параграфа диссертации использовалась следующая публикация автора: *Зиборов Д.М.* Научно-разведывательная составляющая посольства А.В. Каульбарса в Кашгар в 1872 г. // *Вопросы политологии*. 2023. Том 13. №8 (96). С. 3749–3757.

³⁸⁰ *Васильев Д.В.* Предел империи... С. 157.

³⁸¹ *Hsu I.C.Y.* The Ili crisis... P. 32.

³⁸² АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 180. Л. 66–73.

1871 г.³⁸³. Однако трудности, связанные с дорогой и отсутствием сколько-нибудь значительного вооруженного сопровождения, задержали его. Влангали докладывал в Петербург, что «у китайцев ничего не готово»³⁸⁴, что откладывало начало переговоров о возврате Илийского края.

Китайский представитель прибыл в Чугучак, но переговоры с российской стороной состоялись только в мае 1872 г. в Сергиополе, куда были перенесена встреча, дабы «не возбудить преждевременного волнения в населении Кульджинского района». Сюда же прибыл генерал-майор А.П. Богуславский³⁸⁵. Российский представитель предъявил Дзюнь Жуню условия, необходимые для передачи Кульджи Китаю: 1) исправление границ, обозначенных Чугучакским договором; 2) Расширение торговли во внутреннем Китае; 3) учреждение консульств в главных городах Монголии и Кашгарии; 4) возмещение убытков, понесенных во время восстания. Кроме того, обязательным условием было установление контроля над соседними с Кульджой территориями³⁸⁶. Жунь в свою очередь заявил, что прибыл не для переговоров (на что он не уполномочен), а для вступления в управление Илийским краем³⁸⁷. В результате российская сторона прервала переговоры, так как китайский представитель не обладал необходимыми полномочиями и не имел за спиной военной силы, способной обеспечить безопасность в регионе.

Срыв переговоров посеял недоверие между сторонами. Российский посланник в Пекине приложил немало усилий, чтобы убедить китайское правительство в том, что Россия не собирается присоединять часть территории Цинской империи. Причем резкие действия Богуславского не нашли понимания в МИД, где считали необходимым «терпеливо вести переговоры»³⁸⁸, т. е. не

³⁸³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 28.

³⁸⁴ Там же. Л. 28.

³⁸⁵ *Богуславский Александр Петрович* (1824–1893) – генерал от инфантерии, с 1871 г. начальник Главного управления иррегулярных войск.

³⁸⁶ РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–12.

³⁸⁷ Там же. Л. 8.

³⁸⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 1701. Л. 24–26 об.

прерывать их, а затягивать с решением данного вопроса впредь до прояснения ситуации.

После срыва переговоров Туркестанскому генерал-губернатору сообщили о высочайшем повелении воздерживаться от любых «несвоевременных и ничем не оправдываемых военных движений за пределы местностей ныне нами занимаемых»³⁸⁹, а посланнику в Пекине было поручено встретиться с китайскими представителями и уверить их в заинтересованности российских властей в восстановлении маньчжурской власти в регионе и отсутствии планов по включению Кульджи в состав империи³⁹⁰.

Неспособность маньчжуров восстановить контроль над Восточным Туркестаном, желание возобновить торговлю в Кашгаре и опасения, что англичане усилят свое влияние в Кашгарии, вызывали необходимость улучшения отношений с Якуб-беком. Туркестанский генерал-губернатор писал Горчакову, что «наши отношения к правителю Джиты-Шара Якуб-беку ни сколько не выяснились, а напротив того остались по-прежнему неопределенными и весьма неудовлетворительными»³⁹¹. Более того, конце 1871 г. Кауфман указывал на «поход в Кашгар как на единственное и последнее средство к установлению правильных сношений с этой страной»³⁹².

Однако, этот вариант был отвергнут по нескольким причинам. Во-первых, война потребовала бы значительных расходов, тем более что, по мнению российских властей, она могла затянуться на долгое время³⁹³. Во-вторых, потребовалось бы установить гарнизоны в городах Йэттишара и таким образом нести дополнительные расходы. Не было ясно и как поступать с этими территориями в дальнейшем – их завоевание не входило в планы Петербурга, а

³⁸⁹ Там же. Л. 29–29 об.

³⁹⁰ Там же. Л. 26 об.–28 об.

³⁹¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 305. Л. 2.

³⁹² Там же. Л. 3.

³⁹³ Там же. Л. 5 об

маньчжурское правительство в то время было не в состоянии организовать контроль над Йэттишаром³⁹⁴.

Стоит сказать, что и Якуб-бек не стремился форсировать события и идти на столкновение с Россией. Стремительное завоевание Кульджи подействовало отрезвляюще на кашгарского правителя, и он отказался от идеи установить свой контроль над горными перевалами, ведущими в Илийский край³⁹⁵.

Отвергнув идею о прямом военном вмешательстве, российские власти предприняли попытку воздействовать на Кашгар через кокандского правителя Худояр-хана³⁹⁶. Однако он не рискнул приступить к активным действиям. Возможно, опасался, как бы собственные войска не предпочли ему энергичного правителя Йэттишара, выступавшего в качестве борца за религию, а также боялся возможных внутренних беспорядков³⁹⁷.

Тогда было решено использовать кокандского хана в качестве посредника, который, ссылаясь на свой пример, убедил бы Якуб-бека пойти на соглашение с Россией. Именно через него на протяжении 1871–1872 гг. шла переписка между правителем Йэттишара и туркестанским генерал-губернатором.

Вскоре угроза применения силы, выраженная Кауфманом в одном из писем Якуб-беку³⁹⁸, а, возможно, и убеждения Худояр-хана, подействовали на кашгарского правителя. В ответном письме в феврале 1872 г. он заверил туркестанского генерал-губернатора в своих добрых намерениях и просил выслать к нему «своего человека» для переговоров³⁹⁹. Российская сторона с интересом отнеслась к этому предложению, видя в нем «последнее средство для мирного решения Кашгарского вопроса»⁴⁰⁰. После консультаций с

³⁹⁴ Там же. Л. 5 об

³⁹⁵ Loftus A. The diplomatic reminiscences... P. 39.

³⁹⁶ Худояр-хан (1835–1886) — одиннадцатый правитель Кокандского ханства (1865–1875). Был свергнут в ходе восстания и летом 1875 г. бежал в Ташкент.

³⁹⁷ Терентьев М.А. Россия и Англия... С. 145–146.

³⁹⁸ Русско-кашгарские отношения... С. 54.

³⁹⁹ Там же... С. 58.

⁴⁰⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 305. Л. 3 об.

Министерством иностранных дел и Д.А. Милютиным Кауфман направил в Йэттишар посольство⁴⁰¹.

Миссию, которая отправилась в Кашгар в апреле 1872 г., возглавил А.В. Каульбарс. Об отправлении посольства Кауфман известил кашгарского правителя. В письме Якуб-беку он сообщал, что барон Каульбарс передаст условия торгового договора, идентичные условиям, на которых незадолго до этого были заключены соглашения с Бухарой и Кокандом. Они включали в себя: право посещения русскими подданными Йэттишара с торговыми целями, гарантии безопасности, право иметь в городах свои склады (караван-сарай) и торговое представительство (караван-баша). Кроме того, русским купцам по условиям договора предоставлялось право свободного и безопасного проезда через территорию Йэттишара, а таможенная пошлина не должна была превышать 2,5 % от стоимости товара⁴⁰². В случае отказа принять эти условия, туркестанский генерал-губернатор недвусмысленно намекал на применение силы⁴⁰³.

Помимо двух экземпляров торгового договора, Каульбарс получил от Кауфмана некоторые инструкции по поводу своей миссии. Прямая и главная задача миссии состояла в получении согласия на условия торгового договора: «Согласие это должно выразиться приложением печати к обоим экземплярам этих условий, заранее снабженных, в знак утверждения, моей подписью и печатью»⁴⁰⁴, – писал Кауфман.

Отдельно оговаривался вопрос о признании Якуб-бека независимым правителем, чего он настойчиво добивался на протяжении нескольких лет, а также вопрос о границе. Кауфман считал, что Бадаулету стоило бы довольствоваться самим фактом отправления к нему посольства, а Каульбарсу

⁴⁰¹ Моисеев С.В. Миссия Каульбарса... С. 22.

⁴⁰² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 305. Л. 39 об.–40.

⁴⁰³ Там же. Л. 29.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 30.

следовало «строго избегать всяких намеков и объяснений по этому делу»⁴⁰⁵. Так же требовалось отнестись и к вопросу о границе, ибо «правительство наше считало вопрос о границе с Джиты-Шаром, уже совершенно оконченным и выясненным»⁴⁰⁶.

Шла речь и о Великобритании. Главе миссии предписывалось разговоров на эту тему не поднимать и донести до Якуб-бека идею, что сближение с сопредельной Россией выгоднее, чем с Англией. При этом поведение русского посланника не должно было подавать правителю Кашгара повод думать, что «мы интересуемся сношениями Якуб-бека с англичанами и опасаемся их сближения»⁴⁰⁷.

Таким образом, российская сторона ультимативно требовала заключения договора на предложенных условиях, в противном случае грозя использованием военных средств. Тем не менее, уверенности в успехе миссии у Кауфмана не было, о чем он докладывал военному министру перед отправкой посольства⁴⁰⁸.

В мае 1872 г. состоялся ряд встреч между Каульбарсом и Якуб-беком, на которых глава российской миссии, строго придерживаясь полученных инструкций, доносил до Якуб-бека идею о выгоде для него сотрудничества с Россией и указывал на безальтернативность подобного варианта, в то время как кашгарский правитель стремился затянуть переговоры и включить в договор ряд новых, выгодных для себя, условий. Якуб-бек, судя по всему, стремился преувеличить свои силы, проводя манёвры и учения во время пребывания русской миссии в Кашгаре. Однако, они не произвели на Каульбарса особого впечатления, тем более что им были получены сведения от Кауфмана об успехах китайцев по усмирению мусульманского восстания в Шаньси и

⁴⁰⁵ Там же. Л. 31 об.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 34.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 56–57.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 41.

Ганьсу⁴⁰⁹, что делало положение мусульманского правителя шатким и сужало для него пространство для манёвра. Видя неуступчивость позиции русского посланника и опасаясь, что в случае отказа ему уготована судьба таранчинского султана, Якуб-бек принял условия, выдвинутые Кауфманом, и дал свое согласие.

При этом Каульбарс стремился поскорее закончить возложенное на него поручение и в письме Кауфману от 21 мая 1872 г. сообщил о согласии Якуб-бека с российскими условиями⁴¹⁰. Однако российский представитель несколько торопил события. «К сожалению вслед за отправлением этого письма в настроении Бадаулета произошла какая-то перемена. В его ум как будто вкралось к нам недоверие»⁴¹¹, – писал Каульбарс своему начальнику. В результате кашгарский правитель на 3 недели затянул с повторной встречей и подписанием договора и лишь 10 июня 1872 г. скрепил текст договора своими печатями⁴¹², поставив точку в этом деле.

Основной задачей посольства было заключение торгового договора, но это не означало, что миссия Каульбарса носила исключительно дипломатический характер. В отношении исследовательских и разведывательных мероприятий Каульбарсу была предоставлена полная свобода действий «по собственному усмотрению и благоразумию, сообразуясь с обстоятельствами и настроениями нашего противника»⁴¹³. Тем не менее, сбор сведений о Кашгаре имел вспомогательное значение и мог осуществляться только в том случае, если «от этого не пострадает главная задача»⁴¹⁴.

Ещё одной вспомогательной задачей экспедиции было изучение состояния торговли в Кашгаре. С этой целью Каульбарс назначил в состав

⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 77. Л. 49.

⁴¹⁰ *Boulger D.Ch. The Life of Yakoob Beg...* P. 194.

⁴¹¹ РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 13. Л. 89.

⁴¹² РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁴¹³ РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.

⁴¹⁴ Там же. Л. 35 об.

отряда ташкентского купца Михаила Колесникова⁴¹⁵, «хорошо знакомого с правилами азиатов», который в рамках работы миссии совершил самостоятельную поездку по городам Кашгарии для изучения логистики и торговли Йэттишара⁴¹⁶, в результате чего предоставил данные о расстоянии до населенных пунктов, дорогах, которые могли быть использованы для торговых целей, мостах, сведения о колодцах и проточной воде, кормах для лошадей и т.п. Любопытно, что именно ташкентский купец дал и краткое описание крепостей и находившихся в них гарнизонов, встретившихся ему по пути⁴¹⁷.

Немаловажной задачей миссии была оценка действительных сил, которыми располагает Якуб-бек⁴¹⁸. По результатам поездки в Йэттишар Каульбарс подготовил служебную записку о вооружённых силах Кашгара. Данная информация представляла на тот момент большую ценность, ведь достоверные сведения о ситуации в приграничных регионах были редкостью. Так, ещё в конце 1860-х гг. поступали сведения о значительной численности войск Якуб-бека, о присутствии в них европейских офицеров, об их движении к русским пределам. В скором времени эти данные опровергались, и о реальном положении вещей имелось лишь приблизительное представление⁴¹⁹.

Подобно другим государственным образованиям региона армия Кашгара представляла из себя прежде всего разношёрстную массу вооружённых людей всех национальностей и вероисповеданий, населявших страну. Так, в войсках Якуб-бека служили китайцы, дунгане, могулы, кокандцы, бухарцы, афганцы, индийцы, кипчаки и турки, отличавшиеся друг от друга как организацией, так и вооружением. В целом, по мнению Каульбарса, вооружённые силы Кашгара не представляли из себя значительной военной силы, как по причине отсталого

⁴¹⁵ РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.

⁴¹⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 77. Л. 35.

⁴¹⁷ РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 13. Л. 6–26 об.

⁴¹⁸ *Boulger D.Ch. The Life of Yakoob Beg...* P. 193.

⁴¹⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 45. Л. 3 об.–9.

вооружения, так и в связи с проблемами организационного и дисциплинарного характерам⁴²⁰.

Подписание договора с Якуб-беком было расценено как успех российской дипломатии. Каульбарс писал туркестанскому генерал-губернатору о «полном успехе» миссии в вопросе открытия Кашгара для нашей торговли. Того же мнения придерживался и сам Кауфман, рассматривавший этот договор, ещё и как избавление от «необходимости идти походом на Кашгар»⁴²¹. В Петербурге видели в этом договоре серьёзный шаг, ознаменовавший сближение с Якуб-беком.

Российская сторона, не признавая Йэйтишар в качестве независимого государства, сумела добиться подписания договора без каких-либо политических уступок. После заключения договора торговые отношения на некоторое время приняли более или менее упорядоченный характер⁴²². Было распространено мнение, что попытки ввести Кашгар в сферу российского политического влияния увенчались, наконец, успехом⁴²³, ведь условия договора были идентичны тем, на которых перед этим были заключены соглашения с Бухарой и Кокандом, что, несомненно, усиливало русское влияние. Кроме того, заключение соглашения с Якуб-беком наряду с занятием Кульджи годом ранее позволило обезопасить восточную часть русского Туркестана и сосредоточиться на решении Хивинского вопроса. Так еще в феврале 1872 г. Кауфман пришел к выводу об исчерпании дипломатических методов воздействия и необходимости организации военной кампании против ханства, однако признавал нецелесообразность подобного шага «до выяснения наших отношений к более восточным соседям»⁴²⁴, имея в виду ситуацию в Кашгаре и в Восточном Туркестане в целом. Теперь же это препятствие исчезло, что дало возможность начать выступление против Хивы в 1873 г.

⁴²⁰ РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁴²¹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 52. Л. 96.

⁴²² *Моисеев С.В.* Миссия А. В. Каульбарса... С. 25–26.

⁴²³ *Терентьев М.А.* Россия и Англия... С. 150.

⁴²⁴ АВПРИ. Ф. 147. Д. 1701. Л. 8 об.–9.

Но с другой стороны, стоит принимать во внимание и политику самого Якуб-бека, для которого на данном этапе важнейшим было добиться признания своей власти со стороны соседних государств. Забегая немного вперёд, заметим, что, не получив покровительства и признания со стороны России, Якуб-бек повернулся лицом к Англии. В 1874 г. был заключён англо-кашгарский договор, значительно расширявший возможности британской торговли и создававший правовую основу для развития политических связей⁴²⁵. Это стало возможным благодаря тому, что английская дипломатия в значительной степени игнорировала «китайский фактор» в этом вопросе, а также преувеличивала силы самого Якуб-бека⁴²⁶. Россия же, учитывая генеральную линию на сохранение Восточного Туркестана под властью Китая, пойти на подобные шаги не могла.

Таким образом, на наш взгляд, заключение торгового договора являлось ситуативным успехом, принёсшим положительный результат лишь на некоторое время. В связи с этим, стоит признать, что поскольку приоритет во внешней политике России в этом регионе по-прежнему отдавался Китаю, сохранению его территориальной целостности, то и отношения с Якуб-беком по объективным причинам не могли выйти на другой уровень.

В 1873–1875 гг. взаимодействие с китайскими властями шло через нового посланника в Пекине Е.К. Бюцова и не характеризовалось сближением позиций сторон. В марте 1873 г. канцлер Горчаков озвучил позицию МИД по Илийскому вопросу, ответив на притязания Китая. Он заявил о несостоятельности мер, предпринятых для подавления восстания, отметил медленность и крайнюю нерешительность действий китайской стороны. Кроме того, он возложил ответственность на приграничные китайские власти за ряд случаев, связанных с нападением на российских подданных и разграблением торговых караванов, и указал на невыгодные для России условия торговли с

⁴²⁵ Басханов М.К. Османская Турция... С. 123–124.

⁴²⁶ Там же... С. 133.

Китаем сравнительно с западными странами. В этих условиях руководитель внешнеполитического ведомства счел невозможным проведение переговоров о передаче Кульджи⁴²⁷. Вместе с тем Кауфману предписывалось «избежать движения вглубь Азии», дабы исключить новые «крайне обременительные» территориальные приобретения⁴²⁸. Отсутствие положительных изменений в положении маньчжуров в Западном Китае привело к тому, что в МИД в 1875 г. признали необходимость быть готовыми к отказу пекинских властей от восстановления контроля над этими землями, однако было признано необходимым отказаться от каких-либо активных действий вплоть до окончательного прояснения данного вопроса⁴²⁹.

Таким образом, можно констатировать, что за это время никаких значительных изменений в Илийском вопросе не произошло. Более того, позиции сторон не только не сблизились, а наоборот, появились новые разногласия, не предвещавшие скорого разрешения противоречий.

Неспособность маньчжуров подавить восстание в Синьцзяне, ликвидировать государство Якуб-бека и восстановить свою власть привели к возобновлению разговоров в российских военных и правительственных кругах о нашей политике относительно Восточного Туркестана и, прежде всего о необходимости присоединения Илийского края.

В марте 1876 г. состоялось очередное особое совещание, посвященное Илийскому вопросу. Оно было вызвано началом активных боевых действий между китайскими войсками и дунганами, которые в скором времени могли распространиться и на Кашгар. Участники совещания под предводительством Д.А. Милютина были представлены в основном военными. Среди них – три генерал-губернатора (туркестанский, западносибирский и оренбургский) с начальниками штабов⁴³⁰. В центре внимания оказались два вопроса: 1) что

⁴²⁷ АВПРИ. СПб Главный архив I–1. Оп. 781. Д. 183 (1873). Л. 19–24.

⁴²⁸ Там же. Л. 29–30 об.

⁴²⁹ АВПРИ. СПб Главный архив I–1. Оп. 781. Д. 185 (1875). Л. 6–7.

⁴³⁰ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 1... С. 202.

делать с Кульджинским краем в случае восстановления китайской власти в соседних с ним провинциях? 2) какую позицию стоит занять в случае столкновения китайских войск и Якуб-бека?⁴³¹

Что касается Кульджинского вопроса, то возврат Илийского края Китаю был связан с рядом условий: предоставление права свободной торговли русским подданным во всех областях «внутреннего Китая»⁴³², исправление границы со стороны Семипалатинской и Семиреченской областей, амнистия участникам восстания, возмещение убытков, причиненных русским подданным, и издержек, понесенных за время нахождения в Кульдже русских войск⁴³³. При этом было решено, что «до формального принятия китайским правительством предложенных ему с нашей стороны условий, Кульджа не может быть передана маньчжурским властям»⁴³⁴. Таким образом, налицо стремление воспользоваться сложившейся в Западном Китае ситуацией и добиться обеспечения торговых интересов в Восточном Туркестане. То есть на первый план выходят вопросы, прокладывающие путь российской торговле к местным рынкам, не связанные с оккупацией Кульджи. Подобный ход мыслей соответствовал политике Российской империи по отношению к Синьцзяну в предшествующие десятилетия, когда приоритет в межгосударственных отношениях отдавался именно созданию условий для экономической экспансии.

При этом включение Илийского края в состав Российской империи считалось нежелательным, так как привело бы к ухудшению отношений с Пекином. «Присоединение Кульджи к пределам России не прошло бы поэтому так же бесследно, как занятие нами Амурского края, оно было бы для

⁴³¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6888. Л. 7–11 об.

⁴³² Там же. Л. 11 об.

⁴³³ Там же. Л. 12–12 об.

⁴³⁴ Там же. Л. 12 об.

самолюбия маньчжуров ударом, который они нескоро простили бы нам»⁴³⁵, - писал посланник в Пекине.

По второму вопросу было принято решение об оказании содействия китайцам в случае их столкновения с Якуб-беком. Восстановление китайской власти представлялось более выгодным. Во-первых, потому, что, по мнению участников совещания, от пекинского правительства было бы легче добиться свободы торговли в Восточном Туркестане и учреждения там консульских агентов⁴³⁶. Во-вторых, в случае выхода китайцев на нашу границу устранялась бы «опасность от существования в соседстве с ней мусульманского государства»⁴³⁷.

Стоит отметить, что в правительственных кругах Китая не было единого подхода к ситуации в Синьцзяне. В Пекине разгорелась дискуссия между двумя дворцовыми партиями по поводу выработки новой дипломатической стратегемы. Эта дискуссия приняла вид спора о том, куда необходимо направить средства из бюджета страны: в военную кампанию в Восточном Туркестане или же в строительство военного флота для отражения нападения Японии⁴³⁸.

Первую точку зрения отстаивали Цзо Цзунтан⁴³⁹ и поддерживавший его великий князь Чунь⁴⁴⁰ (И Хуань). Они активно продвигали идею о необходимости защиты от «угрозы с севера» и усиления сухопутной армии. В ноябре 1875 г. Бюцов писал в Петербург о состоявшемся в Пекине совещании особого комитета, состоящего из «высших чинов государства», в котором были

⁴³⁵ Там же. Л. 22 об.

⁴³⁶ Там же. Л. 13 об.

⁴³⁷ Там же. Л. 13 об.–14.

⁴³⁸ *Воскресенский А.Д.* «Илийский кризис» ... С. 262.

⁴³⁹ *Цзо Цзунтан* (1812–1885) – китайский военный и политический деятель времён империи Цин, участник подавления восстания тайпинов и восстановления маньчжурской власти в Западном Китае.

⁴⁴⁰ *Принц Чунь (Исюань)* (1840–1891 гг.) – китайский императорский принц и государственный деятель маньчжурской династии Цин. Отец императора Гуансюй (годы правления: 1875–1908), дед последнего императора династии Пу И (1908–1912 гг.).

заслушаны доклады начальников провинций относительно обеспечения безопасности Китая

Авторы некоторых докладов считали, что основная угроза Цинской империи исходит от России, которая «при могуществе своем и близком соседстве с Китаем имеет самые коварные намерения в отношении к нему»⁴⁴¹. Бюцов выделил четыре доклада из представленных, копии которых отправил в Петербург. По мнению губернатора Хунани⁴⁴², Китаю следует усилить свою армию, в первую очередь, ради обеспечения безопасности от России, которая оккупировала Илийский край и не стремилась вернуть его⁴⁴³. Губернатор Шань-Дуня⁴⁴⁴ также предлагал сконцентрироваться на обороне против России и считал необходимым сформировать ряд новых подразделений для защиты страны⁴⁴⁵. В схожей манере высказались и некоторые другие члены комитета.

Аргументация сторонников организации похода на Запад сводилась к стратегической важности ряда городов (Урумчи и Аксу), невозможности отказа от исторических земель Китая. Но главную проблему они видели в том, что отказ от Синьцзяна мог запустить процесс распада государства, которое в скором времени лишилось бы Монголии, что создавало бы угрозу и центральным районам империи⁴⁴⁶. Более того, потеря контроля над Восточным Туркестаном привела бы, по их мнению, к активизации политики России в регионе и усилению давления западных держав с моря⁴⁴⁷.

Сторонники второй точки зрения (приоритетного развития военно-морского флота) Ли Хунчжан⁴⁴⁸, Цзэн Гофань считали, что необходимо

⁴⁴¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6885. Л. 4.

⁴⁴² *Хунань* - провинция на юго-востоке Китая, на южном берегу реки Янцзы.

⁴⁴³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6885. Л. 6–9 об.

⁴⁴⁴ Современное написание — *Шаньдунь* — провинция на востоке Китая, одна из крупнейших по численности населения.

⁴⁴⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6885. Л. 13–17 об.

⁴⁴⁶ Hsu I.C.Y. The Ili crisis... P. 39.

⁴⁴⁷ The Cambridge History of China... P. 91.

⁴⁴⁸ *Ли Хунчжан* (1823–1901) китайский государственный деятель эпохи Цин. С 1870 г. наместник столичной провинции Чжили. В конце XIX в. Ли Хунчжан фактически руководил внешней политикой Китая.

заручиться поддержкой России на северо-западе, а все усилия обратить на защиту от «угрозы с востока»⁴⁴⁹. Кроме того, приверженцы этого подхода сомневались в необходимости восстановления контроля над Восточным Туркестаном. Они обращали внимание на тот факт, что в мусульманских городах периодически вспыхивали восстания, что вынуждало держать там военные гарнизоны и тратить неоправданно большие суммы на их содержание, в то время как их экономическое и политическое значение для Китая не было очевидным. «При положительном отсутствии какой-либо пользы для Китая, они только служили для нас источником беспокойств»⁴⁵⁰, - считали противники подавления восстания в Синьцзяне.

В целом их аргументация сводилась к следующим пунктам: приоритет развития морских сил ввиду близости Пекина к морю (в противовес отдалённости Синьцзяна от основных районов страны), дороговизна проведения военной кампании при отсутствии уверенности в успехе, незначительная практическая ценность самого региона для империи, соседство Восточного Туркестана с территориями могущественных европейских держав, что делало затруднительным его эффективную оборону⁴⁵¹.

Это не означало, впрочем, окончательного отказа от Восточного Туркестана. Речь шла именно о расстановке приоритетов таким образом, что главным направлением признавалось восточное, связанное с обороной от вероятного нападения Японии. Тем более, что незадолго до этого в 1874 г. выявилась опасность скорого столкновения двух азиатских держав из-за Тайваня и полная неготовность Китая к отражению подобной угрозы⁴⁵². Восстановить же контроль над Синьцзяном планировалось позже и мирными средствами. «Когда внутренние провинции Китая успокоятся, страны эти,

⁴⁴⁹ Воскресенский А.Д. «Илийский кризис» ... С. 262.

⁴⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6887. Л. 70.

⁴⁵¹ Hsu I.C.Y. The Ili crisis... P. 37.

⁴⁵² Ibid. P. 36; The Cambridge History of China... P. 87–88.

устрашенные нашим величием, будут сами искать нашего подданства», - считала часть китайских элит⁴⁵³.

В конечном счете возобладала позиция сторонников Цзо Цзунтана, и 23 апреля 1875 г. он был назначен руководителем предстоящей военной кампании⁴⁵⁴. Не последнюю роль в этом, судя по всему сыграл и высокий авторитет самого Цзо Цзунтана, восстановившего в конце 60 - начале 70-х гг. XIX в. контроль над провинциями Шэньси и Гансу, а также агрессивная позиция значительной части столичных элит, переоценивавших могущество Цинской империи и призывавших к активной борьбе с противниками, как внутренними, так и внешними⁴⁵⁵.

§ 5. Восстановление китайского господства в Восточном Туркестане и обострение русско-китайских отношений в Средней Азии в 1876–1878 гг.

Исход противостояния двух дворцовых группировок окончательно преопределила удачная военная кампания Цзо Цзунтана. Китайский военачальник потратил почти год на тщательную подготовку похода, действуя в соответствии со стратагемой «действовать медленно, но сражаться быстро»⁴⁵⁶. В начале 1876 г. российские пограничные власти отмечали усиление китайских войск, улучшивших как вооружение, так и дисциплину; стало очевидно, что «к решительным действиям китайцы готовятся деятельным образом»⁴⁵⁷. В июле 1876 г. генерал-майор Полторацкий докладывал об усилении китайцев в Синьцзяне⁴⁵⁸, а уже 17 августа Кауфман сообщал в Петербург, что Цзо Цзунтан занял Манас и вскоре начнет движение на Урумчи⁴⁵⁹. В октябре 1876 г. стало известно, что маньчжурские войска заняли

⁴⁵³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6887. Л. 72.

⁴⁵⁴ The Cambridge History of China... P. 91.

⁴⁵⁵ Ibid. P. 180.

⁴⁵⁶ The Cambridge History of China... P. 92.

⁴⁵⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6887. Л. 12.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 137.

⁴⁵⁹ Там же. Л. 101.

ключевые города в Западном Китае, что делало неизбежным скорое подавление дунганского восстания⁴⁶⁰.

Логичным продолжением похода Цзо Цзунтана должна была стать кампания против Кашгара. Понимая сложность сложившегося положения, Якуб-бек предпринял попытку заручиться поддержкой внешних сил для сохранения собственной власти путем значительных уступок. В Лондон отправился его представитель Саид Якуб и через Дугласа Форсайта⁴⁶¹ запросил организацию британского посредничества. Англичане с большим интересом восприняли подобное предложение, и 1877 г. предложили китайцам проект соглашения с Якуб-беком, предполагавший признание им китайского протектората при сохранении внутренней автономии, территориальное разграничение Китая и Кашгара, а также соглашение о взаимопомощи против третьей стороны⁴⁶², под которой понималась, конечно, Российская империя.

Часть китайских элит была готова принять подобные условия, которые бы позволяли, с их точки зрения, восстановить формальный контроль над западными окраинами, сдержать российское продвижение, но при этом избежать проведения военной кампании и сберечь финансы, необходимые для развития флота. Но против такой позиции решительно выступил Цзо Цзунтан, не только считавший, что подобное соглашение соответствовало лишь британским интересам в Восточном Туркестане, но и предпринявший меры для восстановления китайской власти. В то время, как англичане прорабатывали детали соглашения и готовились к организации встречи кашгарского и пекинского представителей, его войска открыли военную кампанию против Якуб-бека⁴⁶³.

Стоит сказать, что активизация британской политики по отношению к Восточному Туркестану было отнюдь не случайным. В то время как ситуация в

⁴⁶⁰ Там же. Л. 168–168 об.

⁴⁶¹ *Томас Дуглас Форсайт* (1827–1886), дипломат и сотрудник британской колониальной администрации в Индии.

⁴⁶² *Hsu I.C.Y. The Ili crisis...* P. 42.

⁴⁶³ *Ibid.* P. 42–43.

Синьцзяне в первой половине 1870-х гг. оставалась стабильной, в других районах центральноазиатского региона произошли значительные изменения. Покорение Хивы в 1873 г. и последовавшее за этим заключение русско-хивинского соглашения вызывали серьезное беспокойство британских властей, видевших в этих шагах активизацию российской экспансии⁴⁶⁴. Британский посланник О. Лофтус писал на этот счет, что «было очевидно, что имперское правительство решило постепенно поглотить и аннексировать всю Степь, включая область между Оксом⁴⁶⁵ и Каспием, а также между Хивой и персидской границей». Дальнейшие шаги, ведущие к подчинению туркменских племен, воспринималось не иначе как «прорыв к Афганистану»⁴⁶⁶. В 1876 г. была ликвидирована самостоятельность Кокандского ханства, включенного в состав Туркестанского генерал-губернаторства в качестве Ферганской области. Таким образом, воспринимаемая британскими властями в качестве нейтральной⁴⁶⁷ территория становилась частью Российской империи. «Таким образом, за двадцать с небольшим лет Россия сделала шаг в 600 миль в сторону Индии, оставив лишь 400 миль между своими аванпостами и британскими аванпостами. Южная граница России теперь фактически почти совпадала с северной границей Афганистана»⁴⁶⁸, – писал по этому поводу Ф.С. Робертс. Все эти факторы способствовали усилению интереса властей Британской Индии к событиям в Восточном Туркестане и поддержке Якуб-бека как самостоятельного правителя.

Однако военная кампания Цзо Цзунтана прошла на удивление скоротечно. Сочетание внутренних (недовольство населения высокими налогами) и внешних факторов (столкновение с имевшей хороший боевой опыт

⁴⁶⁴ Loftus A. The diplomatic reminiscences... P. 45–46.

⁴⁶⁵ Окс – древнегреческое название р. Амударья, использовавшееся в XIX в. в Великобритании.

⁴⁶⁶ Boulger D.Ch. England and Russia... P. 346.

⁴⁶⁷ Так, по словам британского посла О. Лофтуса нейтральная зона включала территории севернее афганской границы, в том числе под это определение попадали Бухара и Коканд. Подробнее... Loftus A. The diplomatic reminiscences... P. 44.

⁴⁶⁸ Roberts F.S. Forty-One Years in India... P. 107–108.

китайской армией) расшатало ситуацию в Йэтишаре, а неожиданная кончина Якуб-бека в мае 1877 г. и вовсе лишило мусульманское государство шансов на успех⁴⁶⁹. К концу 1877 г. Йэтишар пал, китайское владычество было восстановлено и в Кашгаре⁴⁷⁰. Любопытно, что Кауфман воспринял новость о падении государства Якуб-бека положительно, заявив, что «это излюбленное детище англичан, это могущественное, по их мнению, мусульманское государство, которое затруднит наше наступательное движение в Индию, пало»⁴⁷¹. В этом вопросе Туркестанский генерал-губернатор был последователен и предпочитал соседство с Цинской империей существованию неустойчивого мусульманского государства, рискующего стать протекторатом Великобритании.

Таким образом, к началу 1878 г. ситуация в Восточном Туркестане изменилась коренным образом. В 1876–1877 гг. китайские войска разгромили своих противников, восстановив власть пекинского правительства в регионе. Среди территорий, утраченных в ходе мусульманского восстания лишь Илийский край не находился под их контролем.

Изменение ситуации в Синьцзяне привело к росту напряженности между Россией и Китаем в Средней Азии. Победитель дунган и Якуб-бека Цзо Цзунтан занял довольно агрессивную позицию по отношению к России. После подавления мусульманского восстания китайский военачальник становится едва ли не самой влиятельной и авторитетной фигурой в Китае⁴⁷², к мнению которого не могли не прислушиваться при дворе. Он потребовал выдать скрывавшихся в Семиречье дунган, угрожая в противном случае вторгнуться в российские пределы⁴⁷³. Воодушевленные успехами в Синьцзяне, китайские генералы были готовы вступить в вооружённую борьбу с Россией, тем более

⁴⁶⁹ *Сергеев Е.Ю.* Большая игра... С. 149.

⁴⁷⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6909. Л. 12 об.

⁴⁷¹ *Кадников В.С.* Из истории Кульджинского вопроса... С. 899.

⁴⁷² *Bales W.L.* Tso Tsungt'ang... P. 376.

⁴⁷³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6909. Л. 21.

что им было известно, что основные силы русской армии задействованы в это время за тысячи километров от Илийского края⁴⁷⁴.

В ответ на недружественную политику местных китайских властей Кауфман прибегает к ответным мерам. В марте 1878 г. Туркестанский генерал-губернатор приказал усилить войска Семиреченской области и отдал распоряжение перейти границу «для успокоения нашего соседа», в случае вторжения китайских войск в пределы Кульджинского района⁴⁷⁵. Была прекращена поставка хлеба китайским войскам⁴⁷⁶, осуществлявшаяся с 1875 г. В Туркестане заговорили о необходимости изменения отношения к Поднебесной, которое выражалось бы в прекращении всяческой поддержки китайских войск, отклонении дальнейших переговоров о возвращении Кульджи или же выдвигании заведомо неприемлемых требований, а также в «более благоприятном отношении» к восставшему населению Западного Китая⁴⁷⁷.

Обсуждались и мероприятия, к которым стоит прибегнуть в случае попытки китайцев вытеснить русские войска из Илийского края. Предполагалось усиление войск непосредственно в Кульдже войсками Семиреченской области, что должно было бы быть достаточным для обороны границы, так как по географическим условиям существовал только один путь, ведущий из Урумчи к Илийской долине. «Вследствие такого характера границы Кульджинской долины собственно для обороны ее не потребуется много войск⁴⁷⁸», – считали российские военные.

Вскоре после падения государства Якуб-бека обострилась обстановка и в Афганистане. Еще в 1869 г. английские власти, встревоженные российским продвижением в Средней Азии, признали власть Шир-Али⁴⁷⁹ и предоставили тому значительную военную и финансовую помощь. Однако дальнейшего

⁴⁷⁴ Bales W.L. Tso Tsungt'ang... P. 377–378.

⁴⁷⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6909. Л. 39–39 об.

⁴⁷⁶ Там же. Л. 49.

⁴⁷⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6896. Л. 33 об.–34.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 35 об.

⁴⁷⁹ *Шир-Али-хан* (1825–1879) – эмир афганистанский, один из младших сыновей эмира Дост-Мухаммеда; с переменным успехом вел борьбу за власть со своими братьями.

развития эта история не получила; спустя несколько лет англичане уклонились от идеи оборонительного союза с Афганистаном, не заинтересованные в усилении личной власти афганского правителя. Ситуация в Афганистане изменилась в связи с осложнением обстановки на Балканах в 1877–1878 гг.

К лету 1878 г. сложилась неблагоприятная внешнеполитическая обстановка: оказавшись в изоляции Россия была вынуждена признать Сан-Стефанский мир прелиминарным, в Константинополе между Британией и Османской империей была подписана Кипрская конвенция – секретный договор об оборонительном союзе⁴⁸⁰. В условиях, когда столкновение с Англией становилось возможным, а по заявлению отдельных лиц, и вовсе неизбежным⁴⁸¹, было принято решение оказать давление на Британию, имитируя угрозу Индии и британской морской торговле. Но подготовить боеспособную эскадру, которая могла бы с успехом действовать на морских коммуникациях, не удалось, хотя действия России и вызывали беспокойство британских властей⁴⁸².

Что касается Афганистана, то учитывалась обеспокоенность британских властей безопасностью Индии, в результате чего любые изменения в регионе воспринимались болезненно, что толкало местные российские власти на демонстрацию военной угрозы на данном направлении. Общая численность войск в Туркестане составляла 12,5 тыс. человек, в мае 1878 г. было принято решение сформировать восемь резервных батальонов, увеличив таким образом численность пехоты на треть⁴⁸³. Был издан приказ по войскам округа о формировании трех отрядов для выступления к южным границам российских владений⁴⁸⁴. Англичане владели информацией об усилении российских войск и

⁴⁸⁰ Айрапетов О.Р. История внешней политики... С. 504–505.

⁴⁸¹ Loftus A. The diplomatic reminiscences... P. 263-264; Boulger D.Ch. England and Russia... P. 361.

⁴⁸² Айрапетов О.Р. Русский флот на Тихом океане... С. 62–65.

⁴⁸³ Айрапетов О.Р. История внешней политики... С. 506–507.

⁴⁸⁴ Васильев Д.В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт первый... С. 144.

их сосредоточении на границах Бухары, считая, что они действительно готовы к активным действиям⁴⁸⁵.

28 мая 1878 г. незадолго до начала работы Берлинского конгресса в Кабул со специальной миссией был отправлен генерал-майор Н.Г. Столетов, задачей которого было предложить Шир-Али союз на случай русско-английской войны. Посольство Столетова задумывалось как дипломатический демарш, дополняющий военные маневры и демонстрирующий угрозу Британской Индии⁴⁸⁶. Бесспорно, все эти шаги были продиктованы желанием Петербурга сделать Лондон более сговорчивым в восточном вопросе. Инструкции посланника были достаточно гибкими, и предполагали заключение соглашения с Афганистаном в случае неудачи работы Берлинского конгресса и начала войны с Англией⁴⁸⁷. Помимо этого, эмиру была доставлена партия оружия и боеприпасов⁴⁸⁸. Англичане внимательно наблюдали за деятельностью миссии Столетова через призму подготовки к российскому вторжению в Афганистан, что несло угрозу их колониальным владениям⁴⁸⁹. В результате вице-король Индии Э.Р. Литтон⁴⁹⁰ потребовал принять в Кабуле британскую делегацию, но получил отказ⁴⁹¹. Тогда Литтон с телеграфного одобрения Лондона решил направить миссию в Кабул в сопровождении 250 солдат, которая была остановлена на границе под угрозой применения силы⁴⁹². В то же время Берлинский конгресс к тому моменту завершил свою работу, и Туркестанский генерал-губернатор известил Столетова о необходимости воздержаться от помощи эмиру в случае столкновения с англичанами⁴⁹³, так как потеряла смысл демонстрация военной угрозы Индии. Однако глава миссии недопустимо превысил свои полномочия и

⁴⁸⁵ Boulger D.Ch. England and Russia... P. 362.

⁴⁸⁶ Васильев Д.В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт второй... С. 82.

⁴⁸⁷ Roberts F.S. Forty-One Years in India... P. 111.

⁴⁸⁸ Loftus A. The diplomatic reminiscences... P. 267.

⁴⁸⁹ Хонкирк П. Большая игра против России... С. 190.

⁴⁹⁰ Эдвард-Роберт Бульвер, граф Литтон (1831–1891) – английский дипломат, Вице-король Индии (1876–1880).

⁴⁹¹ Roberts F.S. Forty-One Years in India... P. 113.

⁴⁹² Хонкирк П. Большая игра против России... С. 191.

⁴⁹³ Айрапетов О.Р. История внешней политики... С. 509.

подписал договор, предполагавший военную поддержку со стороны России в случае конфликта Афганистана с внешним противником.

Британские власти не могли смириться с подобным положением вещей. Литтон в ультимативной форме потребовал от Шир-Али принять английскую миссию и пойти на ряд уступок. Не получив, ответа британские власти начали наступление на Кабул, началась Вторая англо-афганская война. Литтон был настроен преподать эмиру урок, и в то же время совершенно ясно показать Санкт-Петербургу, что никаких конкурентов в Афганистане Британия не потерпит⁴⁹⁴.

Последовавшее поражение Шир-Али, не получившего никакой поддержки со стороны России негативно сказалось по восприятию России в Афганистане, разочарование эмира и афганцев было безграничным⁴⁹⁵. События в Афганистане пошатнули позиции России, не сумевшей оказать поддержки своему союзнику и отстоять взятые на себя обязательства. Они стали одним из факторов, влияющих на российскую политику по отношению к Илийскому вопросу. С одной стороны, обстоятельства требовали осторожных действий, с другой – нельзя было допустить падения авторитета российской властей в глазах местных элит и населения, требовалось избежать шагов, которые могли быть расценены как уступки и проявление слабости.

§6. Дискуссии по поводу передачи Кульджи.

Восстановление контроля Цинской империи над Восточным Туркестаном и обострение русско-китайских отношений на границе привели к тому, что открыто зазвучали голоса тех, кто считал необходимым не только прекратить всяческую поддержку Китая, но и сохранить Илийский край за собой. Кауфман считал, что восстановление китайского господства в Восточном Туркестане не только не привело к улучшению условий для нашей торговли, но, наоборот,

⁴⁹⁴ Хопкирк П. Большая игра против России... С. 192.

⁴⁹⁵ Айрапетов О.Р. История внешней политики... С. 537.

заметно ее усложнило⁴⁹⁶. Значит, по его мнению, передача Кульджи Китаю противоречит интересам Российской империи в регионе. Он считал необходимым рассмотреть вопрос о присоединении Кульджи к России.

Сторонники включения Кульджи в состав Российской империи руководствовались следующими аргументами. Во-первых, они заявляли о стратегическом значении Илийского края, защищенного со всех сторон горными хребтами, являвшегося «естественным рубежом, оборона которого возможна с очень незначительными силами»⁴⁹⁷.

Во-вторых, Илийская долина представляла собой редкий для Средней Азии плодородный участок земли, годный для земледелия и колонизации⁴⁹⁸. Третьим аргументом в пользу удержания за собой Кульджи выставлялся ущерб авторитету России в глазах местного населения. «По понятиям азиатцев, знающих лишь политику грубой силы, возвращение занятого силой оружия края прежнему владельцу его есть признак слабости, так что отдача Кульджи китайцам была бы сочтена за поражение наше»⁴⁹⁹, – считало большинство военных.

Наконец, необходимость удержания Кульджи мотивировалась чувством «человеколюбия» к населению этого края, которое, в случае возвращения китайцам, рисковало подвергнуться участи, постигшей джунгар, «поголовно вырезанных, несмотря на обещанную им китайцами пощаду»⁵⁰⁰. Возвращение в такой ситуации Илийского края могло вызвать недоверие местного мусульманского населения к русской власти, считали в Ташкенте.

Положение китайцев в Синьцзяне было шатким, полагал Кауфман. Он считал, что в скором времени они снова потеряют свою власть в Восточном Туркестане, и России придется столкнуться со всеми прежними проблемами, связанными с мусульманским восстанием. «Ненависть к ним мусульманского

⁴⁹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6913. Л. 2.

⁴⁹⁷ РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

⁴⁹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6913. Л. 27.

⁴⁹⁹ РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 20 об.

населения, по-видимому, очень велика, и держатся они террором, – что, очевидно, долго продолжаться не может»⁵⁰¹, – констатировал Туркестанский генерал-губернатор. Подобного мнения придерживался и А.Н. Куропаткин, считавший, что китайцы «взялись занять страну со слишком слабыми силами»⁵⁰², вследствие чего не стоило ожидать скорого подчинения Кашгара.

Принятие точки зрения местных военных элит означало бы коренной перелом в подходе к Илийскому вопросу и переход от поддержки Китая к открытой конфронтации. Подобные взгляды не разделялись в МИД. По мнению Н.К. Гирса, резкие шаги со стороны российских военных усложнили бы и без того натянутые отношения с Китаем⁵⁰³.

В то время как военные обоих государств накаляли обстановку, предлагая в качестве решения Илийского вопроса различные меры вплоть до применения военной силы, дипломаты искали способ разрешения конфликта путем переговоров. После неудачи переговоров 1872 г. в Сергиополе на протяжении нескольких лет китайское правительство не ставило вопрос о передаче Цинской империи Кульджи. Китайские сановники избегали разговоров о Кульдже с представителями России⁵⁰⁴, понимая, что в этом вопросе им не удастся достичь прогресса, не взяв под контроль прилегающие к Илийскому краю территории. Кульджинский вопрос не стоял на повести дня до восстановления контроля над Синьцзяном.

Успехи Цзо Цзунтана в Восточном Туркестане вновь вывели Илийский вопрос на первый план в межгосударственных отношениях. Уже с лета 1876 г. последовали высказывания китайских властей, выраженные посланнику в Пекине, о необходимости вернуть Илийский край, но они ни к чему не привели по той причине, что маньчжурские войска еще не закрепились на западе

⁵⁰¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6913. Л. 12 об.

⁵⁰² *Куропаткин А.Н.* Кашгария... С. 216.

⁵⁰³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6896. Л. 39 об.

⁵⁰⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6887. Л. 82.

страны⁵⁰⁵. Только спустя два года, в июне 1878 г. китайцы официально обратились к секретарю дипломатической миссии А.И. Кояндеру⁵⁰⁶ с официальным запросом о сроках передачи им Кульджи. Цинское правительство планировало провести специальную встречу Цзо Цзунтана с местными российскими властями, на которой могла быть достигнута договоренность по спорному вопросу, и просили назначить уполномоченного для переговоров⁵⁰⁷.

Российская дипломатия не желала удержания Илийской долины. В ноябре 1878 г. Бюцов составил записку, в которой выражал позицию, которой придерживались в Министерстве иностранных дел. Он не сомневался в том, что отказ в возвращении Кульджи неизбежно привел бы к значительному ухудшению отношений с Китаем, что вызвало бы прекращение нашей торговли с Цинской империей и, по меньшей мере, вело к многократному росту расходов на охрану многокилометровой границы. В этой ситуации вероятным становилось и военное столкновение, не сулившее России никаких выгод. Покончить с Китаем одним ударом не представлялось возможным, а затяжной конфликт представлялся крайне невыгодным, учитывая каких затрат он потребовал бы. «Много ли мы можем сделать против них без напряжения сил, слишком значительного в сравнении с предстоящей целью?»⁵⁰⁸», – задавался вопросом российский дипломат.

Исходя из этого, возвращение Кульджи не ставилось под сомнение, но условия, на которых это будет осуществлено, подлежали обсуждению. Российская сторона считала, что теперь речь не должна была идти о безоговорочном возвращении Илийского края Китаю, как это было заявлено в

⁵⁰⁵ Там же. Л. 121.

⁵⁰⁶ *Кояндер Александр Иванович* (1846–1910) - российский дипломат. В 1872–1881 гг. – секретарь в дипломатической миссии в Пекине, в 1881–1883 гг. – первый секретарь российской дипломатической миссии в Пекине. В дальнейшем занимал ряд должностей в МИД, в 1902 - 1910 гг. – посланник Российской Империи в Португалии.

⁵⁰⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6909. Л. 135.

⁵⁰⁸ РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 20 об.

Пекине в 1871 г., ведь положение дел с тех пор существенно изменилось⁵⁰⁹. Саму возможность переговоров о возврате Кульджи российское руководство связало с выполнением ряда условий. Китайские пограничные власти должны были прекратить вмешательство в текущие дела Илийского края, положить конец поборам русских подданных и разграблению их торговых караванов в приграничных районах, наказать чиновников, виновных в злоупотреблениях в отношении русских подданных⁵¹⁰. Только после выполнения этих требований А.И. Кояндеру было предписано приступить непосредственно к переговорам о возврате Кульджи⁵¹¹.

Кроме того, было решено привязать возвращение Илийского края с выполнением китайской стороной целого ряда условий. Речь шла о расширении торговых прав в Западном Китае, возмещении затрат, понесенных в Кульдже с 1871 г. По словам Бюцова, «если домогательства наши будут удовлетворены, отдача Кульджи не будет бесплодной жертвой; потеря выгодной стратегической позиции будет вознаграждена возможностью развивать нашу торговлю»⁵¹².

Поднимался вопрос и о сохранении торговых привилегий в городах Кашгарии, полученных по договору 1872 г. с Якуб-беком. По мнению посланника в Пекине Бюцова «было бы более чем странно, если бы в уплату за все доказательства нашей дружбы и расположения к китайцам, они в чем-нибудь стеснили нашу торговлю в этих городах»⁵¹³.

Китайское правительство было удивлено и встревожено такой постановкой вопроса⁵¹⁴. По его мнению, это являлось отказом от декларируемой ранее позиции, согласно которой занятие Кульджи имело целью восстановление китайской власти. Однако отказаться от переговоров или

⁵⁰⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6909. Л. 117 об.

⁵¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6896. Л. 51 об.–53.

⁵¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6909. Л. 152.

⁵¹² РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 23 об.

⁵¹³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6909. Л. 109 об.–110.

⁵¹⁴ Bales W.L. Tso Tsung-t'ang... P. 377.

поручить их Цзо Цзунтану, известному своими резкими суждениями, китайские власти тоже не могли. В августе 1878 г. появились слухи об отправке посольства в Российскую империю с целью разрешить противоречия в русско-китайских отношениях в Средней Азии⁵¹⁵. В декабре того же года эти слухи подтвердились – китайское правительство делегировало для ведения переговоров миссию во главе с чиновником Чун Хоу, прибытие которой ожидали к концу 1878 г.⁵¹⁶.

* * *

Оккупация Илийского края была осуществлена летом 1871 г. по инициативе Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, который, опасаясь захвата таранчинского султаната Якуб-беком и дальнейшего ухудшения положения на границе, прибегнул к захвату Кульджи, не дожидаясь согласования этого шага с Пекином.

Китайское правительство, в свою очередь, не было готово в 1872 г. восстановить свою власть в Илийском крае. В результате первоначальный план захвата Кульджи с последующей передачей ее в руки маньчжурских представителей (по аналогии с ситуацией вокруг Урги в 1870 г.) оказался несостоятельным. Единственным приемлемым выходом из сложившейся ситуации было создание временной российской администрации в Кульдже.

Илийский край был включен в состав Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Комплекс мероприятий, проведенных в Кульдже в 1870-е гг. свидетельствует о временном характере российской власти. Осознавая нерешенность статуса Илийского края, российская администрация сохранила большую часть характерных для региона институтов, сконцентрировавшись на вопросах восстановления хозяйственной жизни и обеспечения спокойствия на границе. К заслугам российских властей можно отнести нормализацию социально-экономической обстановки в регионе, а

⁵¹⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6909. Л. 232.

⁵¹⁶ Там же. Л. 266 об.

также ряд шагов, предпринятых для культурного развития Кульджи. Однако очевидно, что все эти меры носили ограниченный характер ввиду неопределенности статуса Илийского края и сводились прежде всего к поддержанию стабильности. Тем самым окончательное решение оставалось за центральными властями, и российская администрация в Кульдже могла быть свернута в сжатые сроки, или же речь могла идти о расширении российского присутствия, введении новых порядков для полноценного инкорпорирования региона в состав империи.

Идея включения Кульджи в состав Российской империи рассматривалась лишь военными приграничных областей, позиция которых являлась наиболее радикальной в Илийском вопросе, и только в периоды обострения ситуации на границе. Министерство иностранных дел со своей стороны считало крайне нежелательным присоединение этой территории к России.

Вместе с тем российское правительство решило использовать Кульджу в качестве объекта торга при переговорах с китайскими представителями, преследуя цель, воспользовавшись ситуацией, создать условия для осуществления экономической экспансии в Восточном Туркестане. После того, как войска под командованием Цзо Цзунтана восстановили контроль над остальной территорией Синьцзяна, подавили дунганское восстание и ликвидировали государство Якуб-бека, возникла необходимость разрешения Илийского вопроса. Обстановка на границе накалялась, и существовал риск русско-китайских столкновений в Средней Азии. Вопрос о передаче Илийского края Китаю был поставлен в зависимость от выполнения Цинской империей ряда условий, прежде всего, касательно торговли. Таким образом, разногласия вокруг Кульджи могли быть решены только путем двусторонних переговоров, которые намечались на начало 1879 г.

Глава третья. Заключение Ливадийского договора 1879 г. и Санкт-Петербургского договора 1881 г.: разрешение Илийского кризиса.

В настоящей главе рассматривается комплекс вопросов, связанных с разрешением Илийского кризиса путем переговоров между Россией и Китаем, приведших к заключению Ливадийского договора в 1879 г. и Санкт-Петербургского (Кульджинского) соглашения, подписанного 12 февраля 1881 г., а также вопросы, связанные с наибольшим обострением двусторонних отношений, последовавшим в 1880 г. в связи с отказом пекинского правительства от ратификации договора 1879 г.

§ 1. Ливадийский договор 1879 г.

Для ведения переговоров о возврате Илийского края был командирован Чун Хоу, занимавший до этого высокие посты в дипломатической иерархии Цинской империи. Ему был присвоен высший дипломатический ранг Китая – тоудэн цинчай дачэнь (высочайше уполномоченный сановник высшего ранга), который ранее лишь дважды присваивался китайским послам – при заключении Нанкинского и Тяньцзиньского договоров с Англией⁵¹⁷.

25 февраля 1879 г. китайское правительство отправило ноту, в которой извещало Петербург об отправлении посольства с целью «пересмотреть трактаты, существующие между двумя империями»⁵¹⁸. Известие о скором прибытии китайского посла послужило причиной созыва очередного особого совещания, посвященного Западному Китаю. В ходе совещания был рассмотрен вопрос о важности Илийского края. Подчеркивалось стратегическое значение Кульджи, окруженной со всех сторон горными хребтами, что позволяло получить естественный рубеж для обороны на этом направлении. Также говорилось и о плодородии почв, позволявшем вести сельское хозяйство

⁵¹⁷ Воскресенский А.Д. Илийский кризис... С. 236.

⁵¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6913. Л. 85.

и не только обеспечивать население края, но и получить «значительный избыток в хлебе»⁵¹⁹.

Однако, как и в предыдущие годы, преобладала точка зрения о невозможности сохранения за собой Илийского края по военно-политическим (необходимость обороны границ и вероятность военного столкновения) и экономическим (ухудшение торговых отношений) причинам⁵²⁰. В результате участники совещания постановили оставить в силе решение о возврате Китаю Илийского края. Вместе с тем было заявлено, что «мы в праве были бы требовать от китайцев уступок, которые могли бы вознаградить нас за теряемые нами выгоды»⁵²¹. Исходя из этого, предстояло выработать программу, включавшую в себя конкретные условия, на которых должна была быть осуществлена передача Кульджи Китаю.

Речь шла о предъявлении китайской стороне ряда требований, преимущественно экономического характера, которые упрочили бы положение России в Восточном Туркестане. Условия эти не должны были быть излишне обременительными для Цинской империи, что могло бы трактоваться как отказ от возвращения Илийского края⁵²².

В итоге было решено предъявить на предстоящих переговорах китайскому послу Чун Хоу следующие требования:

- 1) Предварительное удовлетворение по всем претензиям, заявленным в 1878 г. посланником в Пекине;
- 2) Предварительный пересмотр торговых правил с обязательством допустить устройство консульств в Кульдже и Улусутае, Кобдо и других местностях Западной Монголии, где только потребует этого торговые интересы наши, и правом содержать при этих учреждениях вооруженный конвой из казаков;

⁵¹⁹ АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 189. Л. 72 об.–73.

⁵²⁰ Там же. Л. 73 об.–74 об.

⁵²¹ Там же. Л. 73 об.

⁵²² Там же. Л. 75–75 об.

3) Заключение особого договора о торговле русских купцов в Западном Китае с правом учреждения консульств;

4) Установление границы между Кульджинским округом, отходящим во владение Китая, и сопредельными с ним Семипалатинской и Семиреченской областями, причем укрепление Борохудзир и долина реки Текес с примыкающим к ней Музартским проходом должны отойти к России;

5) Исправление пограничной черты со стороны Чугучака, причем долина по течению Черного Иртыша должна отойти во владение России;

6) Определение границы со стороны Кашгара;

7) Возмещение издержек, понесенных в Кульдже нашими войсками;

8) Возмещение убытков, понесенных российскими подданными от разграбления факторий в Западном Китае;

9) Амнистия участвовавшим в восстании мусульманам⁵²³.

Среди выдвинутых условий второстепенное значение придавалось денежной компенсации и исправлению границы в районе Чугучака. То есть российская сторона подготовила для себя пространство для маневра с тем, чтобы «иметь возможность настаивать на выполнении более существенных требований наших по пограничным и торговым вопросам»⁵²⁴. После заключения договора и проведения новой границы предполагался отвод русских войск из Кульджи к укреплению Борохудзир. Также планировалось добиться от китайской стороны беспрепятственного перехода в русское подданство жителей Кульджинского края, выразивших такое желание⁵²⁵.

Решения совещания определили позицию России не только при подписании Ливадийского договора 1879 г, но и сохраняли актуальность и после отказа Китая от ратификации соглашения. Фактически, воплощали позицию Российской империи в Илийском вопросе, а принятые там решения в дальнейшем служили инструкциями дипломатам при ведении переговоров.

⁵²³ Там же. Л. 76–77 об.

⁵²⁴ Там же. Л. 78.

⁵²⁵ Там же. Л. 77 об.

В конце марта 1879 г. эти условия были сообщены китайскому представителю. Начались переговоры, которые с российской стороны вели Бюцов и А.Г. Жомини⁵²⁶. За ситуацией внимательно наблюдал и статс-секретарь Н.К. Гирс, сообщавший императору о ходе переговоров.

Китайская сторона была удовлетворена решением России возвратить Кульджинский край, и условия, сформулированные особым совещанием, не встретили протеста со стороны Чун Хоу. Н.К. Гирс докладывал императору: «Ход этих переговоров был удовлетворителен; требования наши по вопросам о торговле, об изменении границы и о вознаграждении русских подданных за понесенные ими убытки были приняты послом почти без возражений»⁵²⁷. Оставалось, по словам статс-секретаря, лишь уточнить размеры издержек и определить характер возмещения ущерба.

В это время военные круги Туркестана совершили еще одну попытку повлиять на ситуацию. Кауфман направил в Министерство иностранных дел составленную генерал-лейтенантом Колпаковским записку, содержание которой сводилось к необходимости в случае передачи китайцам Кульджи оставить за нами не только долину Текеса, но и значительную часть западной половины Илийской долины почти до Кульджи. Автор записки мотивировал необходимость присоединения этих участков тем, что они заняты кочевками подданных России киргизов, передача которых под власть Китая сократит доходы края и ослабит контроль над кочевым населением⁵²⁸. Кроме того, Колпаковский предлагал заселить эту территорию русскими переселенцами⁵²⁹, укрепив тем самым наше положение на границе. Несмотря на очевидную радикальность заявленных требований, они были поддержаны Туркестанским генерал-губернатором, который 14 апреля 1879 г. сообщал Д.А. Милютину, что

⁵²⁶ Жомини Александр Генрихович (1814–1888) — русский дипломат, в 1879 и 1880 гг. занимал должность товарища министра иностранных дел.

⁵²⁷ АВПРИ. СПб Главный архив. I—1. Оп. 781. Д. 189. Л. 39.

⁵²⁸ Там же. Л. 39–39 об.

⁵²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6913. Л. 94–94 об.

«было бы желательно при передаче Кульджинского района сделать исправление границы как предполагает генерал-лейтенант Колпаковский»⁵³⁰.

Доводы Колпаковского были признаны безосновательными и недостаточными для предъявления китайским представителям⁵³¹. Однако ввиду ожидавшегося прибытия в столицу Туркестанского генерал-губернатора было решено отложить окончательное соглашение с Чун Хоу о границе и рассмотреть идеи Кауфмана⁵³². С этой целью в июне 1879 г. состоялось особое совещание, посвященное политике Российской империи в Илийском вопросе.

Туркестанский генерал-губернатор выдвинул предложение отказаться от существенных территориальных претензий при условии получения иной выгоды со стороны Цинской империи, которая соответствовала бы нашим интересам в регионе. Кауфман предложил потребовать от Китая сумму в 60 миллионов рублей в качестве компенсации за все понесенные издержки, отказавшись от территориальных приобретений⁵³³. То есть предложение Кауфмана было, по сути, предъявлением заведомо неприемлемого условия с тем, чтобы вынудить китайцев отказаться от Илийского края.

Предложение Кауфмана о многократном повышении требуемой компенсации не встретило поддержки, и было решено ограничиться куда меньшей суммой. Еще до начала переговоров с Чун Хоу Министерство иностранных дел обратилось к Кауфману с просьбой дать оценку, понесенных издержек, связанных с оккупацией Илийского края. Отвечая весьма уклончиво, Туркестанский генерал-губернатор оценил их в сумму, примерно равную четырем миллионам рублей⁵³⁴. Подобная оценка была взята за основу при предъявлении китайской делегации.

Китайской стороне было заявлено о компенсации в размере пяти миллионов рублей, что, по мнению российских дипломатов, составляло

⁵³⁰ Там же. Л. 91 об.

⁵³¹ АВПРИ. СПб Главный архив. I—1. Оп. 781. Д. 189. Л. 39 об.

⁵³² Там же. Л. 40.

⁵³³ Там же. Л. 40 об.—41.

⁵³⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6913. Л. 109.

«достаточное удовлетворение, чтобы уравновесить возможный ущерб для нашего обаяния в Средней Азии»⁵³⁵.

Заявленные условия не встретили протеста со стороны китайской делегации. 20 сентября 1879 г. Чун Хоу от имени китайской стороны подписал договор, получивший название Ливадийского (по месту подписания). Глава китайской миссии был уверен в ратификации соглашения в четырехмесячный срок ⁵³⁶, ведь заключенный договор соответствовал главному требованию Цинской империи – возвращению Кульджи.

Согласно первой статье Ливадийского договора, Илийский край, временно занятый русскими войсками в 1871 г., возвращался Китаю. При этом западная часть края и долина р. Текес оставалась во владении России ⁵³⁷. Согласно второй статье договора участникам мусульманского восстания в Западном Китае объявлялась амнистия от имени Богдыхана⁵³⁸. Третья статья Ливадийского договора предоставляла право жителям Кульджи беспрепятственно переселиться в русские пределы. Шестая статья предполагала передачу Илийского края в двухмесячный срок после согласования территориального разграничения на месте специально командированными комиссарами. Седьмая статья договора фиксировала выплату китайской стороной пяти миллионов рублей в качестве компенсации за понесенные издержки. Указанная сумма должна была быть выплачена в течение года со дня ратификации договора обеими сторонами. Условия договора уточняли границу, которая должна быть установлена между двумя империями, в результате чего к России отходила значительная часть Кульджинского края.

Условия ведения торговли закреплялись в 10–12 статьях договора. Российские подданные получили право беспошлинной торговли в Монголии и Сынцзяне; было получено право на учреждение факторий в ряде городов

⁵³⁵ АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 189. Л. 44.

⁵³⁶ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история... С. 104.

⁵³⁷ Ливадийский договор 1879 г... С. 280–281.

⁵³⁸ Там же. С. 281.

Западного Китая. Оговаривалась ратификация договора в течение года, после чего текст соглашения подлежал всеобщему обнародованию.

Заключение Ливадийского договора представлялось, на первый взгляд, успехом российской дипломатии. Удалось включить в договор статьи, отвечавшие основным торговым интересам России по отношению к Западному Китаю. Однако не учитывался тот факт, что заключение подобного договора, являвшегося очередным неравным соглашением Цинской империи с европейской державой, способно изменить наши отношения с Китаем, привести к тому, что от многократно упоминаемой «дружественности» не останется и следа.

§2. Отказ Цинской империи от ратификации Ливадийского договора и обострение русско-китайских отношений**.**

Заключение Ливадийского договора, казалось, подводило черту под Илийским кризисом. Российское руководство было довольно достигнутыми результатами, ведь условия трактата значительно улучшали позиции России в Синьцзяне. В конце 1879 г. в Кульджу был командирован ургинский консул Я. П. Шишмарев, усилия которого были направлены на урегулирование вопросов на месте, территориальное межевание и передачу территории Китаю. В декабре 1879 г. он совершил поездку на подконтрольную маньчжурам территорию в Шихо, где провёл «дружественную и торжественную» встречу с китайскими властями; обстановка в приграничных районах характеризовалась как им «совершенно спокойная»⁵³⁹.

Однако заключение договора вылилось в ещё большее обострение отношений с Китаем. В январе 1880 г. поверенный в делах в Пекине сообщил в Петербург, что ратификация договора Китаем представлялась

**** При подготовке данного параграфа диссертации использовалась следующая публикация автора: *Зиборов Д.М.* «Записка об общих мерах на случай разрыва с Китаем» генерал-майора Л.Н. Соболева: план несостоявшейся войны с Цинской империей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. №8. С. 3294–3303.

⁵³⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 116. Л. 8–9.

маловероятной⁵⁴⁰. Вскоре эти данные подтвердились. Российским представителям в Пекине было поручено собирать более точные сведения о намерениях и действиях китайских пограничных властей и сообщать их в Министерство иностранных дел и туркестанскому генерал-губернатору⁵⁴¹. Предстояло выяснить, с чем связано подобная позиция Пекина.

До Петербурга дошли сведения, что «настроения против нас в Пекине воинственные»⁵⁴². 9 февраля 1880 г. на основании сведений, полученных из китайской столицы, военный министр сделал следующий вывод: «Дела с Китаем усложняются; в Пекине не хотят ратифицировать договор, заключенный китайским послом»⁵⁴³.

Более того, в марте 1880 г. появилась информация о военных приготовлениях маньчжурских войск. Из Урги телеграфировали о том, что китайские войска в Монголии и Маньчжурии усиливаются, а численность гарнизонов в городах увеличивается⁵⁴⁴. В связи с этим Кауфману и генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Кознакову⁵⁴⁵ предписывалось быть готовыми к любому развитию событий, отслеживать ситуацию на границе, но при этом «избегать всего, что могло бы иметь характер вызова китайцам»⁵⁴⁶. Не терять бдительность и соблюдать осторожность на границе предписывалось также и начальству Западно-Сибирского военного округа⁵⁴⁷. Таким образом, подписание договора с Цинской империей не стало благополучным завершением Илийского кризиса, как то воспринималось изначально в Петербурге, а, напротив, способствовало обострению противоречий между двумя государствами.

⁵⁴⁰ АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 190. Л. 4.

⁵⁴¹ Там же. Л. 3–3 об.

⁵⁴² АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 190. Л. 15.

⁵⁴³ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 255.

⁵⁴⁴ АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 190. Л. 13.

⁵⁴⁵ Кознаков Николай Геннадьевич (1823–1885) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, киевский губернатор (1864–1866), западно-сибирский генерал-губернатор (1875–1881).

⁵⁴⁶ АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 190. Л. 13 об.–16.

⁵⁴⁷ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 277.

Заключение Ливадийского договора привело к возобновлению дебатов двух соперничающих группировок в высших эшелонах власти Цинской империи. К сентябрю 1879 г. цинская дипломатия не понимала, на какие уступки можно пойти ради возвращения Кульджи. И уже во время переговоров в Пекине возобладало мнение, что, учитывая сложившуюся международную обстановку, в обмен на возвращение Илийского края можно было пойти на значительно меньшие уступки России. Соперничающие при дворе группировки: «партия мира» во главе с Ли Хунчжаном и «партия войны», возглавляемая Цзо Цзунтаном, придерживались противоположных позиций по поводу внешней политики Китая на среднеазиатском направлении. Ли Хунчжан, фактический руководитель внешней политики Китая, считал допустимыми территориальные уступки, оговорённые Ливадийским договором, и придерживался мнения о необходимости взаимоприемлемого исправления отдельных положений трактата до его ратификации. В то время как сторонники Цзо Цзунтана начали агрессивную кампанию против признания договора как такового, апеллируя к общественному мнению. Националистические воззрения набирали все больший вес, вплоть до прямых призывов к войне с Россией⁵⁴⁸.

Отдельные должностные лица, как, например, губернатор Цзинь Сюнь призывали Цзо решить Илийский вопрос силовым путем еще до переговоров 1879 г., аргументируя это невозможностью полноценного отпора со стороны России из-за турецкой войны⁵⁴⁹. Теперь же подобная позиция высказывалась активнее. Квинтэссенцией таких взглядов послужил доклад Чжан Чжидун⁵⁵⁰ трону, в котором ставился вопрос о пересмотре договора даже ценой войны с

⁵⁴⁸ Подробнее... *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия... С. 62–64.

⁵⁴⁹ *Bales W.L. Tso Tsungt'ang...* P. 379.

⁵⁵⁰ *Чжан Чжидун* (1837–1909) — китайский государственный деятель второй половины XIX — начала XX вв., губернатор провинции Шаньси. Наряду с Цзэн Гофанем, Ли Хунчжаном и Цзо Цзунтаном, Чжан Чжидун был одним из четырех самых известных чиновников данной эпохи.

Россией, вероятное поражение в которой может быть нивелировано путем вмешательства других иностранных держав⁵⁵¹.

При дворе возобладала точка зрения сторонников жесткой позиции по отношению к Ливадийскому договору. Высокопоставленные китайские чиновники, созванные вдовствующей императрицей Цыси⁵⁵², признали неприемлемыми новые границы и условия торговли, зафиксированные трактатом, и выразили готовность идти на конфликт ради пересмотра условий даже ценой войны с Российской империей.

В этих условиях Чун Хоу стал козлом отпущения. Он лишился всех постов, был обвинен в игнорировании инструкций и возвращении в Китай без разрешения из столицы⁵⁵³, посажен в тюрьму и приговорён к смертной казни, а позиции «партии войны» при дворе значительно усилились⁵⁵⁴. В Петербурге были обеспокоены подобным развитием событий. Д.А. Милютин писал о казне китайского представителя как о свершившемся факте⁵⁵⁵, который значительно осложняет дальнейшее взаимодействие с Китаем. Однако этого не случилось. Вероятно, декларируемое решение о казни посла являлось одним из элементов давления, имевшего целью доказать серьезность китайской позиции по поводу отказа от ратификации договора и решимость идти в этом вопросе до конца. Определенную роль могла сыграть позиция и западных держав, отправивших ноты протеста пекинскому правительству⁵⁵⁶. Дело дошло до личной просьбы королевы Виктории⁵⁵⁷, после чего Чун Хоу был помилован, но оставался в

⁵⁵¹ Воскресенский А.Д. Китай и Россия... С. 64.

⁵⁵² Вдовствующая императрица Цыси (Цы Си) (1835–1908) — вдовствующая Великая императрица цинского Китая, с 1861 по 1908 сосредоточившая в своих руках верховную власть. Регентша в 1861–1873 гг. (при малолетнем сыне Цзайчуне) и в 1875–1889 гг. (при малолетнем племяннике, императоре Цзайтяне).

⁵⁵³ Подробнее... Paine S.C.M. Imperial Rivals... P. 137–143.

⁵⁵⁴ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история... С. 102–107.

⁵⁵⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 50.

⁵⁵⁶ Воскресенский А.Д. Китай и Россия... С. 66.

⁵⁵⁷ Королева Виктория (1819–1901) — королева Великобритании с 20 июня 1837 года.

заклучении до окончания работы нового посольства⁵⁵⁸ (в августе из Пекина пришли известия о досрочном освобождении китайского дипломата⁵⁵⁹.)

В начала 1880 г. после полученных из столицы распоряжений изменился подход к Кульджинскому вопросу и в Ташкенте. Кауфман приказал генералу Б.Ф. Вартману⁵⁶⁰ не только собирать сведения об обстановке в Илийском крае, но и подготовить план как оборонительной, так и наступательной кампании, выяснив какое потребуется усиление войсками и в какое время и куда может быть направлен главный удар китайских сил; какое участие в обороне могут принять жители Кульджинского района. Настроен Туркестанский генерал-губернатор был решительно, призывая в случае начала боевых действий «нанести китайцам сильный удар, чтобы разом покончить дела»⁵⁶¹. Одновременно с этим он распорядился прекратить шаги, направленные на возвращении Кульджи Китаю и воздержаться от объявления этой меры местному населению⁵⁶².

Были отданы распоряжения, направленные на увеличение численности войск, находившихся в строю. Так, увольнение в запас казаков было отложено «в виду возможности и даже вероятности борьбы с Китаем»⁵⁶³, был отдан приказ о формировании трёх полков семиреченского казачьего войска⁵⁶⁴, в Кульджу выдвинулась Туркестанская стрелковая бригада общей численностью в 2975 человек⁵⁶⁵, с конца марта 1880 г. стягивались силы из Ташкента, Верного, Каракола⁵⁶⁶. 19 марта 1880 г. по приказу Кауфмана по войскам Туркестанского округа началось формирование запасных частей из нижних

⁵⁵⁸ The Cambridge History of China... P. 94.

⁵⁵⁹ Кондратенко Р.В. Морская политика... С. 50.

⁵⁶⁰ Вартман, фон Бернгард Фридрихович – российский военный деятель, генерал-майор с 28.03.1879.

⁵⁶¹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 2–6 об.

⁵⁶² Там же. Л. 3–5.

⁵⁶³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 116. Л. 12.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 23.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 30 об.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 33 об.

чинов, находившихся в пределах края⁵⁶⁷. Также он настойчиво предлагал усилить войска, как Туркестанского генерал-губернаторства, так и Западной Сибири⁵⁶⁸. В самой Кульдже Кауфман распорядился заготовить продовольствие на 5,000 человек и организовать постоянный сбор сведений о ситуации на границе⁵⁶⁹.

При этом некоторые из предполагаемых мер оказались невыполнимы в реалиях Туркестанского округа. Формирование новых казачьих полков оказалось невозможным по социально-экономическим причинам («некому будет пахать и сеять, неизбежным последствием чего будет голод»⁵⁷⁰), а предложение провести мобилизацию в Западно-Сибирском военном округе не нашло понимания в военном министерстве⁵⁷¹.

Более того Д.А. Милютин призвал Кауфмана соблюдать крайнюю осторожность, не провоцировать китайцев на враждебные действия и ни в коем случае не переходить границу. Что касается усиления войск округа, то военный министр сообщил о высочайше одобренном решении повременить до выяснения обстоятельств с формированием новых частей ввиду в том числе больших расходов на подобные мероприятия⁵⁷².

Во многом активность Кауфмана объяснялась тревожными сведениями, поступившими из приграничных районов. Так, в телеграмме от 7 марта 1880 г. Заведующий войсками Кульджинского района генерал-майор Левашов сообщал, что по сведениям, полученным в Кульдже, китайские войска численностью 20,000 идут в Шихо, 4,000 остаются в Турфане и Урумчи и 44,000 направляются в Кашгар, куда якобы прибыло до 200 англичан⁵⁷³. 20 марта 1880 г. уже сам Кауфман докладывал военному министру о скорой концентрации на границе 20 тысяч войск, вооружённых современным оружием

⁵⁶⁷ РГВИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 5–6.

⁵⁶⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 38.

⁵⁷⁰ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 116. Л. 26.

⁵⁷¹ Там же. Л. 88–88 об.

⁵⁷² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 45.

⁵⁷³ РГВИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 29. Л. 15–15 об.

и обученных английскими инструкторами⁵⁷⁴. В такой обстановке, по его мнению, могли потребоваться все силы Туркестанского военного округа⁵⁷⁵.

Поступающие сведения при этом не подвергались критическому анализу, и достоверность их нередко вызывала вопросы. Находившийся в тот момент в Кульдже (и периодически отправлявшийся на территорию, контролируемую китайцами) Шишмарев писал на этот счет: «Сведений у нас здесь очень много, но в большинстве случаев они оказываются ложными. Военные берут лишь те, по которым... двигаются массы солдат и почти все проходы кульджинского района заняты китайскими сильными пикетами»⁵⁷⁶. Реальная же обстановка, по словам Шишмарева, сильно контрастирует со слухами, доходившими до туркестанского генерал-губернатора: «Здесь затишье, суетятся лишь военные, готовясь к походу, ожидаются войска из Ташкента»⁵⁷⁷. Более того, он считал, что сведения о численности противника преувеличивают сами китайцы, целенаправленно распуская слухи о своих военных приготовлениях⁵⁷⁸.

Однако позиция ургинского консула оказалась в явном меньшинстве; среди туркестанского генералитета господствовали воинственные настроения. Так, полковник Ю.А. Сосновский⁵⁷⁹ призвал к стремительному удару со стороны Западной Сибири вглубь китайской территории на несколько сот километров в случае начала конфликта⁵⁸⁰. Полковник А.П. Проценко⁵⁸¹ призвал не только усилить войска Западной Сибири и Туркестана, но и перейти в наступление, не дав китайцам времени усилиться, и «постараться отбросить их владения за степь Гоби»⁵⁸². Несколько позже к войне с Китаем призвал

⁵⁷⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 46.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 51.

⁵⁷⁶ ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 156. Л. 17–17 об.

⁵⁷⁷ Там же Л. 17 об.

⁵⁷⁸ Маланова А.В. Восточная Сибирь... С. 254.

⁵⁷⁹ Сосновский Юлиан Адамович (1842–1897) — офицер Генерального штаба, востоковед, участник нескольких исследовательских экспедиций в Китай.

⁵⁸⁰ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 111. Л. 63 об.

⁵⁸¹ Проценко Александр Петрович (1836–1892) — русский военный и государственный деятель, с 1878 г. губернатор и командующим войсками Семипалатинской области.

⁵⁸² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 116. Л. 156 об.

находящийся в Урге (т.е. на территории Цинской империи) полковник Н.М. Пржевальский⁵⁸³. По его мнению, стремление избежать войны нанесло бы значительный урон российским позициям в регионе, тогда как китайские войска не представляют значимой военной силы. Соответственно стоило бы начать движение войск со стороны Туркестана, Монголии и Маньчжурии с возможной организацией похода на Пекин⁵⁸⁴.

Результатом подобных предложений стал озвученный 20 апреля 1880 г. Кауфманом военному министру амбициозный план ведения военной кампании против Китая в Средней Азии, согласно которому предполагалось сформировать летучие отряды для действий в тылу китайской армии, усилить войска Туркестанского военного округа по меньшей мере одной пехотной дивизией, двумя кавалерийскими полками и артиллерией из внутренних округов и приступить к наступательным действиям в том же году, не дожидаясь нападения противника. Кауфман считал, что «чем скорее война начнётся, тем лучше», так как в этом случае китайцы не смогут собрать достаточное количество войск и не будут обладать огромным численным перевесом. Политическая цель предстоящей кампании должна была выражаться в ликвидации китайской власти в Джунгарии и Кашгарии и формировании там российских протекторатов. Кроме того, агрессивная политика по отношению к Синьцзяну должна была продемонстрировать силу Российской империи в регионе и оказать давление на англичан по афганскому вопросу⁵⁸⁵.

Таким образом, в 1880 г. в ходе рассуждений о необходимых действиях российской стороны в случае неблагоприятного развития событий и начала войны в Восточном Туркестане кристаллизовалась идея, взятая за основу в качестве политической цели – создание на территории Джунгарии и Кашгарии подконтрольных государственных образований после ликвидации там

⁵⁸³ Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) – русский офицер, путешественник, географ и натуралист, почётный член Русского географического общества, руководитель ряда научно-исследовательских экспедиций в Центральной Азии.

⁵⁸⁴ Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем... С. 293–306.

⁵⁸⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 90–104.

китайской власти. Подобный сценарий, предусматривавший опору на местные мусульманские силы, рассматривался в различных формах вплоть до середины XX в.⁵⁸⁶ в качестве крайней меры во время обострения российско-китайских (а позднее советско-китайских) отношений.

На фоне тревожных слухов и сведений звучали и противоположные оценки ситуации на границе. Командированный на китайскую территорию капитан Быков сообщал, что местность вблизи нашей границы охвачена паникой вследствие распространившихся слухов о прибытии на границу большого количества русских войск. Находившиеся же в окрестностях китайские войска не представляли, по его мнению, никакой опасности ввиду низкой дисциплины и курения опиума⁵⁸⁷. Не верил в нападение китайцев и Шишмарев, писавший в мае 1880 г., что китайцы не решатся на нападение с имевшимися силами⁵⁸⁸.

Тем временем продолжали поступать противоречивые сведения о сосредоточении китайских войск вблизи нашей границы. В июне 1880 г. туркестанский генерал-губернатор сообщал Д.А. Милютину следующее: «Последние сведения говорят о передвижении в Кашгар войск из других городов, об увеличении гарнизонов, разработки дорог, устройстве складов провианта, фуража, возведении новых укреплений»⁵⁸⁹. Маньчжуры сосредоточили, по одним сведениям, в районе Кульджинского края до 100 тысяч человек⁵⁹⁰, по другим же данным, приготовления китайских войск в приграничных районах носили оборонительный характер⁵⁹¹. Получение достоверных сведений было затруднено. Кауфман писал военному министру,

⁵⁸⁶ Подробнее... Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г. Синьцзян... С. 209–244.

⁵⁸⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 108 об.–109 об.

⁵⁸⁸ ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 156... Л. 19–19 об.

⁵⁸⁹ РГВИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об.

⁵⁹⁰ Айрапетов О.Р. История внешней политики... С. 536.

⁵⁹¹ РГВИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–10.

что «лазутчикам пробираться почти невозможно»⁵⁹², из-за чего нередко приходилось опираться на непроверенные слухи.

Обострение Илийского вопроса со всей очевидностью выявило несостоятельность российской разведки в регионе. Некоторую информацию о положении дел близ границы можно было получить благодаря отправке офицеров (как в случае с капитаном Быковым) или доверенных лиц из числа местного населения (как поступил Шишмарев). Однако подобные вылазки не давали значительного объема информации и, конечно же, не позволяли судить о реальных масштабах военных приготовлений Китая.

Глава азиатского отделения Главного штаба Л.Н. Соболев⁵⁹³ докладывал, что по сведениям из Пекина китайское правительство решилось развязать войну, но отсрочило начало конфликта с целью лучше к ней подготовиться. Полковник сетовал на то, что по линии МИД не приходило практически никаких сведений о военных приготовлениях в Китае, а те немногие факты, которые они сообщили, являлись пересказом информации, поступавшей от других европейских миссий. Его беспокоил тот факт, что российские власти не обладали информацией о численности, расположении, организации, вооружении и целях вероятного противника⁵⁹⁴.

В связи с этим в июне 1880 г. было принято решение об отправке секретной миссии из двух офицеров Главного Штаба Н.Я. Шнеура и В.А. Бодиско под общим руководством полковника (с августа 1880 г. — генерал-майора) Л.Н. Соболева. Офицерам предстояло совершить поездку в европейские страны и США, затем посетить Японию и Китай и по завершению представить доклад уже на территории России. Они во взаимодействии с военными и военно-морскими агентами, а также представителями МИД в европейских столицах должны были собрать следующие сведения:

⁵⁹² Там же. Л. 1 об.

⁵⁹³ *Соболев Леонид Николаевич* (1844–1913) — русский военный и государственный деятель, с 1868 г. на службе в Туркестане, в дальнейшем премьер-министр Болгарии.

⁵⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 1–1 об.

- информация о закупке оружия, судов и военных материалов у европейских стран;
- военные заказы частным европейским предприятиям;
- сведения об иностранцах, поступающих на военную службу (отдельно запрашивалась информация о деятельности полковника Чарльза Джорджа Гордона⁵⁹⁵);
- сведения о состоянии китайской армии (численность сил, организация частей, их пополнение и дислокация, степень тактического образования в пехоте, кавалерии и организации; вооружение и снаряжение войск, склады продовольствия, вещей и боевых припасов, арсеналы, крепости и их вооружение и т.д.)
- информация о возможности снабжать российские войска на Дальнем Востоке продовольствием из Америки в случае начала конфликта⁵⁹⁶.

Таким образом, на некоторое время задача исследования китайских вооруженных сил стала приоритетной для разведывательных органов Российской империи, что подтверждает озабоченность угрозой прямого столкновения в Центральной Азии, Маньчжурии, Приморье⁵⁹⁷.

Командировка Н.Я. Шнеура длилась с 4 августа 1880 г. до 18 июня 1881 г. В ходе миссии В.А. Бодиско было решено перенаправить в США, где он имел хорошие связи, а оттуда — в Китай. Поэтому поездку по Европе Шнеур совершил самостоятельно, посетив Вену, Берлин, Гамбург, Антверпен, Роттердам и ряд других городов. Итоги поездки по Европе были подведены в объемном докладе от 4 октября 1880 г., главный смысл которого заключался в подтверждении данных о масштабных закупках для нужд китайской армии⁵⁹⁸.

⁵⁹⁵ Чарльз Джордж Гордон (1833–1885) — британский генерал XIX века, известный под именем «Китайского Гордона», «Гордона Хартумского» или «Гордона-Паши». Активный участник колониальной политики Британской империи в Азии и Африке, генерал-губернатор Судана, где и погиб в ходе восстания «Махди».

⁵⁹⁶ Там же. Л. 21 об.–24.

⁵⁹⁷ Фалько С.А. Деятельность российской разведки в Китае ... С. 227.

⁵⁹⁸ Гоков О.А., Фалько С.А. Жизненный путь... С. 297–298.

На основе этих сведений Шнеур сделал неутешительный вывод о том, что «вся китайская армия будет иметь к весне современное оружие»⁵⁹⁹.

Из Сан-Франциско так же приходили тревожные вести. Опираясь на данные по закупкам вооружений и боеприпасов, российские разведчики пришли к неутешительному выводу, который был выражен фразой – «китайцы выставят против нас громадные массы отлично вооружённых людей»⁶⁰⁰. Впрочем, достоверность этих сведений вызывала сомнения и требовала подтверждения на месте.

Однако ввиду заключения Петербургского договора 1881 г. деятельность миссии была переориентирована, и сбор сведений о китайской армии не был доведен до логического конца; работа осталась незавершённой. Так, изначально планировалось, что полученные сведения будут проверены непосредственно в Китае, но к моменту прибытия туда Шнеура вопрос утратил актуальность, в результате чего он был командирован в Индию, откуда вернулся в Россию⁶⁰¹.

В целом же можно сделать вывод о том, что сведения, полученные в ходе миссии Шнеура и Бодиско рисовали ситуацию в мрачных тонах. По большому счету во внимание брались лишь численные показатели, свидетельствовавшие о готовящихся масштабных закупках. Причем истинность этих сведений проверить на месте не удалось.

С другой стороны, нельзя не отметить, что масштабные закупки на Западе для нужд китайской армии, наряду с прочими действиями создавали впечатление серьезной и планомерной работы по модернизации вооружённых сил. Военные приготовления Китая казались значительно более опасными, чем они были на самом деле. Закрытость и малоизученность страны и нехватка объективных данных для анализа вели к преувеличению мощи китайской армии. Так, например, спустя несколько лет после завершения Илийского кризиса непосредственно перед началом войны с Японией преимущества

⁵⁹⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 61.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 63.

⁶⁰¹ Подробнее... *Гоков О.А., Фалько С.А.* Жизненный путь... С. 299–303.

китайской армии как по численности, так и по вооружению казались очевидными. Немецкий Генеральный штаб и ряд военных советников не сомневались в превосходстве Китая⁶⁰². Однако начавшаяся война выявила несостоятельность подобных прогнозов. В действительности же преимущества китайцев ограничивались людскими ресурсами и объемами современного вооружения. Во всем остальном войска оказались несостоятельными.

Китай имел огромную армию, однако к 1880 г. лишь отдельные подразделения имели на вооружении современные винтовки и орудия⁶⁰³; большая ее часть была вооружена устаревшим оружием и применяла устаревшую тактику. Отсутствовало организационное единство армии, единое командование и управление. Войска находились в подчинении губернатора провинции, в которой были расквартированы и действовали разрозненно. Китайская армия делилась на небольшие тактические единицы (примерно соответствовавшие батальону в пехоте и эскадрону в кавалерии), которые не были приспособлены для ведения слаженных широкомасштабных боевых действий. Артиллерия как самостоятельный род войск отсутствовала; редкие подразделения имели орудия. Подготовленный резерв отсутствовал⁶⁰⁴.

Подготовка личного состава оставляла желать лучшего. Попытки применения западноевропейского опыта и подготовки квалифицированных кадров были крайне ограничены и не приводили к заметным результатам; британская программа подготовки войск и вовсе была свёрнута в 1870-х гг.⁶⁰⁵. Китайские военнослужащие неохотно перенимали европейский опыт, не считая его показательным в местных условиях, комплексная подготовка, по сути, отсутствовала⁶⁰⁶. Не претерпела изменений, несмотря на мнения западных советников, архаичная система управления, организации и комплектования

⁶⁰² The Cambridge History of China... P. 269.

⁶⁰³ Powell R.L. The rise of Chinese military power... P. 39.

⁶⁰⁴ Савельев А.Е. Японо-китайская война 1894–1895 гг... С. 12.

⁶⁰⁵ The Cambridge History of China... P. 204.

⁶⁰⁶ Ibid. P. 230.

армии⁶⁰⁷. По большому счету, это была все та же средневековая армия Китая, несколько лучше вооружённая за счет закупок западного современного оружия. Ни организация и управление, ни система комплектования, ни уровень подготовки солдат и офицеров не соответствовал времени.

В то же самое время, когда Шнеур и Бодиско приступили к исполнению своей миссии, направленной на сбор данных о военных приготовлениях Китая, в Туркестане шло активное перемещение войск и составление планов грядущей кампании. В июне 1880 г. из Ташкента в Кульджу прибыла Туркестанская стрелковая бригада, значительно усилившая местные войска⁶⁰⁸. На границе был сформирован так называемый авангард кульджинского отряда во главе с полковником Куропаткиным, задача которого состояла в обороне перевалов, организации разъездов и сборе сведений о намерениях китайцев. При этом в случае нападения неприятеля кульджинский отряд должен был немедленно перейти в наступление и вести военные действия в китайских пределах имеющимися силами⁶⁰⁹. 7 июня 1880 г. Куропаткин представил своему начальнику план действий в случае начала конфликта, который предполагал перенос конфликта за территорию Кульджинского округа. «Полный успех должен вести к уничтожению китайской армии, значит и китайского владычества во всей Джунгарии и Кашгарии»⁶¹⁰, заключал Куропаткин.

Напряженность на границе достигла своего апогея в августе 1880 г. Находившийся в Кульдже Шишмарев высказывал в это время опасения насчет действий местных российских начальников, которые, по его мнению, жаждали войны и были готовы начать ее в отсутствие в Туркестане Кауфмана, руководствуясь малейшим поводом к началу активных действий⁶¹¹. Семиреченский губернатор сообщал Кауфману о тревожных слухах, согласно которым продолжалось активная концентрация китайских войск в Восточном

⁶⁰⁷ Ibid. P. 246.

⁶⁰⁸ Айрапетов О.Р. История внешней политики... С. 536.

⁶⁰⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 123 об.–126.

⁶¹⁰ РГВИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 26. Л. 146 об.

⁶¹¹ ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 156. Л. 22.

Туркестане. По его сведениям, в Хами Цзо Цзунтан собрал всех амбаней⁶¹² для совещаний с участием европейцев⁶¹³.

Многим современникам война казалась неизбежной⁶¹⁴. По другую сторону границы также к ней готовились. По крайней мере Цзо Цзунтан отправился в войска и всячески демонстрировал свою готовность восстановить контроль над Илийским краем силой оружия. В июне 1880 г. он прибыл в Хами, стремясь придать уверенности своей армии и дать своим войскам ощущение, что он собирается сражаться. Велась активная подготовка войск, и эта активность не осталась незамеченной местным населением, распространявшим слухи об усилении китайцев⁶¹⁵. Командующий всенародно поклялся бороться с «русскими захватчиками не на жизнь, а на смерть». Китайский военачальник, отправляясь в войска, захватил с собой гроб, стремясь продемонстрировать свою решимость вести боевые действия до конца⁶¹⁶. Отмечалась высокая дисциплина и подготовка войск Цзо Цзунтана, значительная часть которых была уже вооружена современным оружием⁶¹⁷.

Вызывали опасения российского правительства и слухи о содействии, которое оказывали европейцы, прежде всего, англичане, китайской армии. Генерал Абрамов докладывал Кауфману, что в Шихо прибыли китайские войска, среди которых находились английские инструкторы⁶¹⁸. Кауфман в это время в очередной раз просил усилить войска округа частями из Западной Сибири, после чего приступить к активным действиям в том же году, не дожидаясь усиления китайцев и их вторжения в российские пределы⁶¹⁹. В телеграмме, адресованной военному министру, он конкретизировал идею

⁶¹² *Амбань* — должностное лицо в Цинской империи, управитель административной области, города.

⁶¹³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 158.

⁶¹⁴ *Пашков И.П.* Россия и Китай и Кульджинский вопрос... С. 17.

⁶¹⁵ *Bales W.L.* Tso Tsung'ang... P. 384.

⁶¹⁶ *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история... С. 114.

⁶¹⁷ *Обухов В.Г.* Битва за Беловодье... С. 376.

⁶¹⁸ РГВИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 29. Л. 7.

⁶¹⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 118–118 об.

создания вассальных государств на территории Джунгарии и Кашгарии, указав вероятные кандидатуры правителей этих образований: «Будущими ханами намечены мною в Дунганское владение бывший предводитель инсургентов Боян-Ху⁶²⁰, с которым я имел случай познакомиться во время последней поездки своей в Кульджу, а в Кашгарию – Бек-Кули-Бек – сына умершего Якуб-бека Кашгарского»⁶²¹.

В Петербурге, однако заняли выжидательную позицию, не дав согласие на предлагаемые Туркестанским генерал-губернатором меры. Милютин в категоричной форме выразил несогласие с предложениями туркестанского генерал-губернатора, заявив, что подобные идеи могут казаться «правильными с исключительной точки зрения местного туркестанского начальства». Тогда как общее политическое положение и условия других окраин приводили к иному выводу⁶²².

Безусловно, на данном этапе именно фигура военного министра являлась ключевой в определении вектора развития российской политики по Илийскому вопросу. И ранее, в 1860–1870-х гг., события, происходившие на среднеазиатских окраинах, в том числе и в Илийском крае, находились в поле зрения военного министерства, тем более что местные генерал-губернаторы были представителями этого ведомства, обладали широкими полномочиями и в ряде случаев действовали на свой страх и риск без санкции из столицы. Но тогда значительную вовлеченность в решение приграничных вопросов демонстрировал и МИД в лице А.М. Горчакова и П.Н. Стremoухова. Теперь же позиция военного министра зачастую являлась определяющей при решении внешнеполитических вопросов. К 1880 г. участие Горчакова в руководстве

⁶²⁰ Мухаммед Аюб Биянху (также Бо Янху или Боян-Ху) (1830–1882) – один из лидеров борьбы дунган Цинского Китая в 1862–1877 годах, к 1868 году возглавивший дунганских повстанцев. В 1877 г. Биянху вместе с последним отрядом в 5 тысяч человек бежал в Российскую империю.

⁶²¹ Там же. Л. 134.

⁶²² РГВИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 26. Л. 194.

внешней политикой стало номинальным⁶²³, по словам немецкого посланника он «начал утрачивать вменяемость; его мысль стала бессвязной»⁶²⁴. Отчасти руководство Министерством иностранных дел взял на себя Н.К. Гирс – с 1875 г. товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом на правах директора; с 18 мая 1880 г. он стал руководителем внешнеполитического ведомства⁶²⁵, однако, по словам П.А. Валуева, ему не хватало «плотности»⁶²⁶, и его реальное влияние на внешнюю политику было ограниченным. Характерно, что Глава МИД в начале 1880-х гг. пересылал депеши и отчеты дипломатических представителей военному министру⁶²⁷. В этих условиях, начиная с Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и особенно после Берлинского конгресса влияние Д.А. Милютина стало преобладающим при решении внешнеполитических вопросов. «Следует принять во внимание, что в настоящий момент самым влиятельным советником короны является военный министр. Рядом с графом Милютиным его коллеги совершенно отступают на второй план... Ни один министр иностранных дел не скажет ему, что он вызывает недоверие держав»⁶²⁸, – писал фон Швейниц в марте 1879 г. Таким образом, довольно сдержанная позиция военного министра, отвергнувшего предложения туркестанских властей о начале военной кампании, по Илийскому вопросу была определяющей на протяжении 1880 г.

В столице возлагали надежды на визит нового китайского посланника Цзена, отправившегося из Лондона в Петербург, который должен был разъяснить позицию Китая⁶²⁹. 31 августа 1880 г. граф Гейден сообщил Кауфману об отсутствии необходимости в формировании новых частей и

⁶²³ Швейниц Л. фон. При дворе Александра II... С. 355.

⁶²⁴ Там же. С. 369.

⁶²⁵ Очерк истории Министерства иностранных дел... С. 169.

⁶²⁶ Швейниц Л. фон. При дворе Александра II... С. 355.

⁶²⁷ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 346.

⁶²⁸ Там же. С. 295.

⁶²⁹ АВПРИ. СПб Главный архив. I-1. Оп. 781. Д. 190. Л. 19.

проведении мобилизации впредь до выяснения ситуации дипломатическим путем⁶³⁰.

Умиротворяющими оказались и сведения, собранные в приграничных районах Китая, которые в сентябре 1880 г. передал Кауфману Колпаковский. По его данным, китайские войска были не слишком многочисленны, а главное плохо вооружены, не дисциплинированы и слабо подготовлены. Информация о наличии в армии европейских инструкторов также не подтвердилась⁶³¹.

Несмотря на обилие слухов и ряд активных действий, судя по всему Цзо Цзунтан не стремился к развязыванию войны. Своей активностью он намеревался оказать давление на собственное правительство, а также продемонстрировать соседу решимость идти до конца. В своих расчетах Цзо Цзунтан исходил из специфики международного и внутривластного положения Российской империи в 1880 г. Он считал, что прошедшая Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к значительным людским и материальным потерям, оказавшимися напрасными ввиду решений Берлинского конгресса. Отношения с двумя сильнейшими государствами Европы – Великобританией и Германией оставались напряжёнными, финансовая ситуация была далека от идеала, внутри страны активизировался политический террор. Все это делало крайне нежелательным участие России в полномасштабном конфликте в Азии, и Цзо был уверен, что в Петербурге будут вынуждены пойти на уступки ради того, чтобы избежать войны⁶³².

Версию о том, что активность Цзо являлась прежде всего демонстрацией готовности к решительным мерам, а не реальной подготовкой к войне подтверждают и имеющиеся данные о численности всех китайских сил в Синьцзяне (всего насчитывалось 20,570 пехотинцев и 2,500 кавалеристов⁶³³), а также сведения Шишмарева и Быкова, свидетельствовавшие об отсутствии

⁶³⁰ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 147–147 об.

⁶³¹ Там же. Л. 148–151.

⁶³² Bales W.L. Tso Tsungt'ang... P. 385.

⁶³³ Ibid. P. 384.

реальной военной угрозы к востоку от Кульджи. Более того, когда напряженность в русско-китайских отношениях начала снижаться, и новый китайский посланник был благосклонно встречен в Петербурге, Цзо советовал своему правительству провести видимую подготовку к войне в Приамурье для придания большей убедительности военным приготовлениям⁶³⁴. Командующий войсками Восточного Сибирского военного округа Д.Г. Анучин⁶³⁵ писал военному министру, что для защиты края от нападения не то, что регулярной армии, а «только разбойников» у него в наличии имелось лишь 4 батальона, вооруженных «не вполне соответственно современным требованиям науки»⁶³⁶. Подобную угрозу рассматривали в Петербурге, признав в ходе особого совещания невозможность предпринять что-либо эффективное для защиты территории от нападения китайцев⁶³⁷.

Кроме того, российские власти признавали и уязвимость дальневосточных территорий в случае атаки с моря. Опорный пункт России в Приморье — Владивосток — появился в 1860 г., когда здесь высадился первый небольшой десант в составе 40 человек с военного транспорта «Манджур». В 1865 году сюда также на военном транспорте были доставлены первые переселенцы. Бухта Владивостока замерзала на 4 месяца в году, город был уязвим с суши

Во Владивостоке не было пресной воды, ощущалась нехватка рабочих рук и крестьянского населения в округе, в результате чего казенные учреждения приходилось снабжать морем. Единственным преимуществом была относительная близость разведанных запасов неплохого по качеству угля. В связи с этим в 1875 г. опорным пунктом русской эскадры на Тихом океане стал японский Нагасаки. Крейсера проводили здесь большую часть года, а

⁶³⁴ Ibid. P. 386.

⁶³⁵ *Анучин Дмитрий Гаврилович* (1833–1900) — генерал от инфантерии, Восточно-Сибирский генерал-губернатор с 1879 г.

⁶³⁶ *Авилов Р.С.* Владивостокская крепость... С. 27.

⁶³⁷ *Милютин Д.А.* Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 285.

Владивосток оставался лишь местом их летней стоянки⁶³⁸. Инфраструктура для обороны города считалась недостаточной, и обсуждался вопрос о переносе военного порта из Владивостока в залив Святой Ольги⁶³⁹.

Тем не менее, и Китай был крайне уязвим с моря, что продемонстрировали события Опиумных войн. Архивные материалы с красноречивым названием «Десант на Пекин»⁶⁴⁰ отражают амбициозный сценарий действий флота на Дальнем Востоке, который рассматривался в морском министерстве летом 1880 г., когда С.С. Лесовский⁶⁴¹ написал записку⁶⁴² на имя Великого князя Константина Николаевича, курировавшего морское направление, в которой он провел анализ действий англо-французского флота в ходе войны с Китаем и захвата Пекина в 1860 г.

Особое внимание Лесовский уделил составу, вооружению и тактике действий союзников. При этом он сразу же предупредил Великого князя о том, что китайцы спустя двадцать лет после описываемых событий будут «другими», а значит, в случае войны с ними Россия должна сосредоточить больше сил, чем в 1860 году союзники для достижения успеха.

Копия этой записки была направлена для ознакомления Д.А. Милютину. В свою очередь, военный министр пришел к выводу, что такая операция должна готовиться и проводиться под руководством Морского министерства, о чем он и пишет вице-адмиралу А.А. Пещурову⁶⁴³, в тот момент временно руководившему этим ведомством. При этом в качестве десанта Д.А. Милютин

⁶³⁸ Айрапетов О.Р. Русский флот на Тихом океане... С. 58–62.

⁶³⁹ Кондратенко Р.В. Морская политика... С. 34.

⁶⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 653. Л. 1–34.

⁶⁴¹ Лесовский Степан Степанович (1817–1884) — адмирал русского императорского флота (1881). В 1863–1864 гг. Командующий эскадрой направленной в США с целью не допустить вмешательства Великобритании и Франции в Гражданскую войну Севера и Юга. В 1876–1880 гг. морской министр, ушёл по собственному желанию с целью возглавить тихоокеанскую эскадру.

⁶⁴² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 653. Л. 1–2 об.

⁶⁴³ Пещуров Алексей Алексеевич (1834–1891) — русский вице-адмирал. В 1880–1882 гг. временно управлял Морским министерством.

предлагал использовать 4-ю стрелковую бригаду или часть 15-й пехотной дивизии из состава Одесского военного округа.

В зашифрованной телеграмме Лесовского, назначенного командовать эскадрой на Тихом океане в случае начала войны с Китаем, делается важное замечание: подкрепления должны прибыть на Дальний Восток до начала боевых действий. Расчёты показали, что всего необходимо перевезти около 40 000 пудов различных грузов, необходимых для войны в этом регионе. Кроме того, необходимо было затратить 900 000 рублей ежемесячно и 16 больших морских пароходов. Учитывались и возможные затруднения при проходе судов из Черного моря через Босфор и Суэцкий канал. Кроме того, в случае объявления войны для похода к Тихому океану потребовались бы и боевые корабли для охраны этих судов с десантом (не было однозначного ответа и на вопрос, какие суда могли быть использованы для транспортировки десанта). При самом благоприятном раскладе войска ввиду отдалённости Дальнего Востока смогли начать боевые действия не ранее весны следующего года, то есть, лишь через несколько месяцев⁶⁴⁴.

В итоге пришли к выводу о невозможности проведения подобной операции без тщательной и продолжительной подготовки. Кроме того, стало очевидным, что «такое предприятие вызовет расход от 200 до 300 миллионов рублей, с другой же стороны значительно и на продолжительное время ослабит нашу европейскую армию, что при настоящих обстоятельствах могло бы неблагоприятно отразиться на общем нашем положении в Европе и создать нам даже весьма опасные осложнения»⁶⁴⁵.

В конечном счете действия флота свелись к отправке к берегам Китая эскадры под командованием вице-адмирала С.С. Лесовского, которая своим присутствием должна была оказать давление на Китай во время переговоров, а

⁶⁴⁴ Там же. Л. 22–23.

⁶⁴⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 45. Л. 88–89.

также иметь возможность атаковать китайские порты в случае начала войны⁶⁴⁶. Ввиду отдаленности региона и отсутствия железнодорожного сообщения с центральной частью страны, Россия не имела возможность осуществить военную демонстрацию на суше и могла рассчитывать в этом плане лишь на действия флота.

В то же время русская Тихоокеанская эскадра была слаба и укрепить ее в короткий срок опять было нечем: в 1877 г. 4 небольших русских крейсера в Нагасаки находились под постоянным контролем со стороны 12 британских кораблей. К 1880 г. произошло лишь незначительное усиление - морские силы России на Тихом океане были ничтожны⁶⁴⁷. В этих условиях единственным вариантом оставалась концентрация кораблей с других направлений и отправка их к берегам Китая.

Лучшие корабли, жертвуя другими направлениями, морское ведомство направляло на Дальний Восток. Причем в ходе своего движения ввиду отсутствия собственных баз они пользовались портами, контролируруемыми Великобританией, которую сложно было заподозрить в симпатии к России в ходе Илийского кризиса.

Ко времени обострения российско-китайских отношений на Тихом океане завершали плавание клипера «Джигит» и «Крейсер», им на смену направлялся отряд контр-адмирала А.Б. Асланбегова в составе полуброненосного фрегата «Минин», крейсера «Азия», клиперов «Разбойник» и «Наездник». Вскоре туда из Средиземного моря был направлен броненосный фрегат «Князь Пожарский». Эти корабли, а также «Наездник», «Разбойник» и «Абрек» составили к июню 1880 г. северный отряд и дожидались прибытия кораблей из Кронштадта (клипера «Стрелок», «Пластун», «Забияка», крейсера «Европа» и «Африка»).

Их вероятным противником могли быть несколько десятков небольших кораблей, которые едва ли могли оказать серьёзное сопротивление и угрожать

⁶⁴⁶ АВПРИ. СПб Главный архив. I—1. Оп. 781. Д. 190. Л. 29–30 об.

⁶⁴⁷ Айрапетов О.Р. Русский флот на Тихом океане... С. 69.

Владивостоку. Тем не менее, имелась информация о модернизации флота противника ввиду заказа в Англии броненосцев с крупнокалиберной артиллерией.

В конце августа 1880 г. корабли эскадры прибыли к берегам Китая, где произвели сильное впечатление на местные власти, которыми осознавалась уязвимость столицы с моря, а также превосходство российского флота. Предполагалось, что собственных сил Лесовскому хватит для оккупации прибрежных районов, а при поддержке сухопутными силами со стороны Маньчжурии, речь могла идти и о занятии Кореи⁶⁴⁸.

Уже на месте С.С. Лесовский получил свежие сведения от поверенного в делах в Пекине и от посланника в Токио, а также провел встречу с начальником английской эскадры. Полученная информация в целом вселяла надежду в благополучное разрешение кризиса, и во второй половине сентября он прибыл во Владивосток. При этом российской эскадре предписывалось действовать аккуратно, учитывая интересы европейских держав и Японии. Так, устанавливать блокаду китайских портов предписывалось только в случае начала боевых действий и только после консультаций с начальниками иностранных эскадр.

Тем не менее, отсутствие значительного продвижения в ходе переговоров в Петербурге осенью 1880 г., противоречивая информация, поступающая из Пекина, Токио и приграничных областей России требовали принятия соответствующих мер предосторожности. Были предприняты шаги для оборудования порта Владивостока. В сентябре-октябре 1880 г. на совещаниях, проводивших при участии представителей военного и морского ведомств, а также в переписке с начальником Главного штаба и дипломатами обсуждались меры как оборонительного, так и наступательного характера, размах которых зависел от снабжения и выделяемых сил для проведения операций на Тихом океане. Лишь сближение позиций сторон на переговорах в конце октября

⁶⁴⁸ *Gundry R.S. China and Her Neighbours... P. 213–214.*

приостановило подготовительные работы, и в середине ноября эскадра ушла на зимовку в японские порты⁶⁴⁹.

Осенью 1880 г. несколько снизилась напряжённость и на российско-китайской границе в Средней Азии. В Петербурге открылся новый раунд переговоров, на которые возлагались большие надежды. К тому же в середине ноября нападение китайцев и начало боевых действия представлялись уже маловероятными из-за погодных условий и невозможности преодоления горных перевалов. Цзо Цзунтан был отозван в Пекин в качестве «советника трона». С одной стороны, это могло быть воспринято как признание его заслуг⁶⁵⁰, с другой стороны подобный шаг должен был снизить напряжённость на границе в условиях благоприятно начавшихся переговоров и минимизировать риски столкновения, грозившего вылиться в полноценную войну⁶⁵¹.

На зиму в Кульджинском районе осталась меньшая часть отряда, в составе 15 рот, 16 орудий, 7 сотен⁶⁵². Также была приостановлена торговля товарами⁶⁵³, которые могли быть использованы китайцами в случае начала конфликта. Все внимание сторон было сконцентрировано на известиях из российской столицы; заинтересованность в дипломатическом решении конфликта и погодные условия на границе исключали развязывание конфликта до весны следующего года.

Однако переговоры в Петербурге шли тяжело. Д.А. Милютин в начале декабря выразил опасения по поводу невозможности достичь соглашения с Китаем и избежать войны. Активизировалась работа в Главном штабе, результатом которой стала записка генерала Соболева, содержание которой было высочайше одобрено 23 декабря 1880 г. в качестве «общих соображений для подробнейшей разработки исполнительного плана действий».

⁶⁴⁹ Подробнее... *Кондратенко Р.В.* Морская политика... С. 32–56.

⁶⁵⁰ *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия... С. 68.

⁶⁵¹ *Hsu I.C.Y.* The Ili crisis... P. 108.

⁶⁵² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 156–157.

⁶⁵³ Там же. Л. 161–162.

Соболев признавал, что война с Китаем стала бы одной из самых трудных политических и военных задач, и ее невозможно было бы решить одним ударом. Скорая победа была бы возможной, по мнению генерала, только в случае быстрой высадки десанта численностью до трех корпусов в Печилийском заливе с целью овладеть Пекином. В связи с невозможностью нанесения решающего удара Китаю Соболев предложил сконцентрировать силы на трех театрах боевых действий: западном (Восточный Туркестан), восточном (Маньчжурия) и морском (акватория Тихого океана и прибрежные районы Китая).

Западному Китаю придавалось второстепенное значение, ведь даже максимально возможное продвижение войск и занятие Хами, на которое потребовалось, по расчётам Соболева не менее двух лет, и которое повлекло бы за собой расходы, исчисляемые десятками миллионов рублей, не решало бы стоявших перед Россией задач. Ввиду невозможности достичь «серьёзной политической цели» на данном направлении, которая склонила бы пекинское правительство к заключению выгодного для России мира, российские войска на данном направлении должны были ограничиться «активно-оборонительными действиями», стараясь нанести китайской армии Цзо Цзунтана поражение где-либо поблизости к границе, затем принять все меры к созданию новых двух мусульманских государств: Кашгарского и Дунганского. Для этой цели предполагалось создание из войск Туркестанского и Западно-Сибирского округов корпуса численностью в 21,000 человек при 76 орудиях, разделенного на три отряда: Западно-Сибирский, Кульджинский и Ферганский.

Восточный театр военных действий рассматривался в качестве ключевого. Предполагалось использовать войска Восточной Сибири, численностью в 17,500 человек не только для обороны обширной границы, но и для наступательных действий вглубь территории Цинской империи. Наступление в Маньчжурии, которая была охарактеризована как «колыбель Императорской династии, правящей Китаем и источник комплектования

главной армии», и занятие Гирина, по словам Соболева, составило бы «весьма чувствительную материальную и нравственную потерю» для китайского правительства, вынужденного после этого пойти на уступки.

Что касается действий флота, то тихоокеанская эскадра должна была охранять морскую границу от нападений со стороны китайцев, содействуя обороне войск, и наносить возможно больший ущерб китайцам блокадой берегов и бомбардировкой населенных пунктов. Для этих действий предполагалось усилить эскадру Лесовского пехотным полком или бригадой, которые исполняли бы роль морской пехоты⁶⁵⁴.

§3. Позиция Великобритании: миссия полковника Ч.Д.

Гордона***.**

Дискуссионным остается вопрос о роли иностранных держав в обострении российско-китайских отношений в 1880 г. С одной стороны, отношения с европейскими державами к тому моменту, прежде всего с Великобританией, оставляли желать лучшего. Существует версия, что Англия, и в некоторой степени Германия, подстрекали Китай к активизации внешней политики и началу конфликта. Великобритания не была заинтересована в усилении позиций России в Восточном Туркестане и ее контроле над Кульджинским краем. Еще в середине 70-х гг. дипломатическую поддержку Англии получила группировка Цзо Цзунтана, которая рассматривала западное направление (а следовательно, и развитие сухопутных вооружённых сил) в качестве приоритетного во внешней политике⁶⁵⁵, что было выгодно для Англии, не заинтересованной в укреплении военно-морских сил Китая. Британские советники играли ведущую роль в попытках модернизации китайской армии в

***** При подготовке данного параграфа диссертации использовалась следующая публикация автора: *Зиборов Д.М.* Илийский кризис и позиция Великобритании в 1880 г.: миссия полковника Ч.Д. Гордона. // Клио. 2024. №12 (216). С. 134–137.

⁶⁵⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 45. Л. 88–101 об.

⁶⁵⁵ История Китая с древнейших времен... С. 255.

1870-е гг.⁶⁵⁶. Отчасти подстрекал пекинское правительство к войне британский представитель Р. Харт⁶⁵⁷, настаивая на крупных военных закупках в Англии⁶⁵⁸.

Российские военные учитывали тот факт, что начало войны с Китаем может спровоцировать столкновение с Великобританией. Военный атташе в Лондоне генерал-майор Горлов предлагал в случае начала войны с Цинской империей, поддерживаемой англичанами, открыть боевые действия в британских колониях, действуя на коммуникациях противника. Военно-морской атташе в Великобритании ратовал за атаку английских тихоокеанских баз в Азии и Австралии⁶⁵⁹.

С другой стороны, не в интересах Британмм было начало полномасштабной войны с участием Китая, что наносило ущерб английским торговым интересам в регионе ⁶⁶⁰. Не было и иллюзий по поводу боеспособности китайской армии, и британская программа обучения была прекращена за несколько лет до описываемых событий, не принеся значительных успехов⁶⁶¹.

В этой связи особый интерес представляет миссия полковника Ч.Д. Гордона, известного в Азии британского военного деятеля. Он был участником Крымской войны, осады Севастополя. В 1857–1860 гг. служил в англо-французских войсках в Китае. После заключения Тяньцзиньского мира объехал значительную часть Китайской империи. В 1862 г. китайские власти заключили соглашение о закупке военного оборудования; английским офицерам было разрешено поступать на военную службу Китая. Одним из них был

⁶⁵⁶ Подробнее... The Cambridge History of China... P. 204–211.

⁶⁵⁷ Роберт Харт (1935 – 1911) — британский дипломат, официальный представитель Британской империи при правительстве Цинского Китая, в 1863 – 1911 гг. — второй генеральный инспектор Императорской морской таможенной службы Китая (Imperial Maritime Customs of China).

⁶⁵⁸ Кондратенко Р.В. Морская политика... С. 45.

⁶⁵⁹ Сергеев Е.Ю. Большая игра... С. 149–151.

⁶⁶⁰ Воскресенский А.Д. Китай и Россия... С. 70; Gundry R.S. China and Her Neighbours... P. 214.

⁶⁶¹ The Cambridge History of China... P. 204.

майор Гордон, позже возглавивший «Всегда побеждающую армию»⁶⁶², которой удалось отстоять прибрежные города, которым угрожала опасность. При поддержке цинских войск во главе с Ли Хунчжаном она перешла в наступление, восстание тайпинов было подавлено. В дальнейшем британский офицер покинул Китай и проходил службу на Балканах, в Индии и Египте, а в 1877 г. был назначен генерал-губернатором Судана⁶⁶³. Тем не менее, он был широко известен в Китае и сохранил старые связи.

17 июня 1880 г. Ч.Д. Гордон получил от сэра Роберта Харта, генерального инспектора Императорской морской таможенной службы Китая и одного из влиятельнейших европейцев в стране, телеграмму с приглашением в Пекин, где представилась «возможность сделать действительно полезную работу в больших масштабах». Автор телеграммы советовал Гордону взять длительный отпуск и прибыть в Китай в качестве частного лица⁶⁶⁴.

Для Гордона было очевидным, что это приглашение было связано с Илийским кризисом и касалось боеспособности китайской армии - вопроса, получившего огромное значение ввиду вероятного конфликта с Россией. Сам Гордон считал, что истинным заказчиком его приглашения выступал Ли Хунчжан, с которым у него сложились доверительные отношения со времен подавления восстания тайпинов, однако это предположение, как выяснилось позднее, оказалось ошибочным⁶⁶⁵.

Гордон подал прошение об отставке, и известие об этом было напечатано в британской прессе. Сам он, однако, утверждал, что это произошло за два дня до его приглашения в Пекин⁶⁶⁶. Так или иначе, в Китай Гордон отправился в

⁶⁶² «Всегда побеждающая армия» — китайское военное формирование, численностью более 2,000 человек, обученное и вооружённое по европейскому образцу в 1860—1864 гг. в Шанхае под руководством европейцев и американцев. Одним из ее руководителей и был Ч.Д. Гордон.

⁶⁶³ Подробнее... *Elton G.E.* First baron, General Gordon... P. 48–92; *Garrett R.* General Gordon. P. 48–87.

⁶⁶⁴ *Boulger D.Ch.* The life of Gordon... P. 49.

⁶⁶⁵ *Ibid.* P. 50.

⁶⁶⁶ *Gordon C.G.* Letters of general C.G. Gordon... P. 207.

статусе частного лица, находившегося в шестимесячном отпуске, не связанного с британским правительством. Также он взял на себя обязательство не поступать на военную службу⁶⁶⁷, дабы не скомпрометировать британские власти.

26 июня 1880 г. Гордон покинул Бомбей, обозначив цель своего визита следующим образом: ««Мое неизменное желание — убедить китайцев не вступать в войну с Россией как в их собственных интересах, так и ради интересов всего мира, особенно интересов Англии. В случае начала войны я не могу ответить, как мне действовать в настоящее время, но я должен горячо желать скорейшего мира. Как я уже сказал, моим постоянным желанием является убедить китайцев не воевать с Россией. Мне кажется, что спорный вопрос не может иметь такой жизненной важности, чтобы соглашение не могло быть достигнуто путем уступок с обеих сторон. Удастся ли мне быть услышанным или нет, не от меня зависит. Однако я протестую против того, чтобы меня считали человеком, желающим войны в любой стране, и тем более в Китае»⁶⁶⁸.

Гордон прибыл в Гонконг 15 июля, встретился с губернатором Д.П. Хеннесси⁶⁶⁹, совершил краткосрочный визит в китайский город Кантон. Оттуда он направился в Шанхай и Чифу, где получил письмо от сэра Роберта Харта, в котором тот просил его отправиться в Пекин и навестить Ли Хунчжана в Тяньцзине. На месте он был тепло встречен своим старым знакомым. При этом до Гордона дошли слухи о подготовке военного переворота, в случае успеха которого фактическим руководителем страны становился Ли Хунчжан, а самому британцу предстояло возглавить мятежную армию. В этом он видел

⁶⁶⁷ Ibid. P. 208.

⁶⁶⁸ Boulger D.Ch. The life of Gordon... P. 52.

⁶⁶⁹ Сэр Джон Поуп Хеннесси — британский государственный, в разные годы занимавший пост губернатора Маврикия, Барбадоса и Наветренных островов, Багамских островов, Сьерра-Леоне, 8-й губернатор Гонконга (23 апреля 1877 г. — 30 марта 1883 г.).

интриги немецкого посланника фон Брандта ⁶⁷⁰, к которому, впрочем, примкнули и некоторые европейские дипломаты, в частности Томас Фрэнсис Уэйд ⁶⁷¹. Подобный ход развития событий исключал милитаризацию Китая, и с высокой степенью вероятности вверг бы страну в междоусобный конфликт, что не соответствовало ни британским интересам, ни позиции самого Ли Хунчжана. Гордон исключил собственное участие в подобном мероприятии ⁶⁷².

Затем Гордон выступил при императорском дворе в присутствии принца Чуня – одного из лидеров «партии войны». Он заявил, что видит силу Цинской империи в торговле, а не в войсках, так как китайцы, по его словам, испытывают «большое презрение к военной доблести». «Я восхищаюсь администраторами, а не генералами» ⁶⁷³, – заявил он при дворе.

Гордон выразил желание остаться в Китае в случае начала войны, но при условии, что будут разрушены пригороды Пекина. А сам город будет приведен в надлежащее состояние обороны, тогда как император и двор покинут столицу. Он выразил опасения насчет возможности удержать Пекин, а занятие русскими войсками столицы позволило бы им диктовать свои условия ⁶⁷⁴. Более того, он советовал в принципе отказаться от Пекина как столицы, ведь Китай, по его словам, никогда не сможет вступить в войну с какой-либо первоклассной державой из-за близости города к морю ⁶⁷⁵.

Ч.Д. Гордон отметил слабость китайских фортов и кораблей, а также громоздкость и несовершенство всей их военной организации. По его предположениям, вслед за началом военных действий в Кульдже последует вторжение в Маньчжурию со стороны Амура и появление вражеской армии в

⁶⁷⁰ *Макс Август Сципион фон Брандт* – немецкий дипломат, востоковед; в 1875–1893 гг. – посланник Германской империи в Китае.

⁶⁷¹ *Томас Фрэнсис Уэйд* – британский дипломат и синолог, участник Первой опиумной войны. В 1845–1883 гг. служил на различных торговых и дипломатических должностях в Китае.

⁶⁷² *Elton G.E. First baron, General Gordon...* P. 282.

⁶⁷³ *Boulger D.Ch. The life of Gordon...* P. 57.

⁶⁷⁴ *Garrett R. General Gordon.* P. 162.

⁶⁷⁵ *Boulger D.Ch. The life of Gordon...* P. 57–58.

течение двух месяцев у ворот Пекина. В этих условиях китайцам стоило бы избегать решительных сражений с иностранными войсками, в которых они почти наверняка будут разбиты⁶⁷⁶.

В случае военного столкновения Гордон рекомендовал маньчжурам не концентрироваться на защите Пекина, а начать вести партизанскую войну с Россией, которая в этом случае ничего не сможет сделать с Китаем⁶⁷⁷. Стратегия должна была заключаться в том, чтобы никогда не вступать в генеральные сражения, прибегая лишь к ночным вылазкам и действиям на коммуникациях противника без использования артиллерии, замедляющей скорость перемещения манёвренных отрядов⁶⁷⁸. Таким образом, речь шла в ведении нерегулярной войны, в которой численность, бережливость и отвага дадут китайцам преимущество⁶⁷⁹. Подобный совет при всей своей продуманности вряд ли склонял пекинское правительство к началу войны, и кратковременный визит британского советника, похоже, стал важным фактором в формировании более осторожного взгляда на положение дел среди государственных деятелей, находившихся у власти.

Выполнив таким образом свою двойную задачу (предостережение китайских элит от прямого столкновения с Россией и критика идеи военного переворота во главе с Ли Хунчжаном), Гордон без промедления покинул Пекин. Когда он прибыл в Шанхай 29 августа 1880 г., его ждала еще одна официальная телеграмма, гласившая, что «отпуск отменен, отставка не принята». После чего путь офицера лежал в Аден⁶⁸⁰.

Таким образом, позиция Лондона заключалась не в разжигании прямого военного конфликта России и Китая, а в дипломатической поддержке пекинского правительства в стремлении добиться пересмотра Ливадийского

⁶⁷⁶ *Gundry R.S. China and Her Neighbours...* P. 209–210.

⁶⁷⁷ *Russia in the East...* P. 99.

⁶⁷⁸ *Boulger D.Ch. The life of Gordon...* P. 58.

⁶⁷⁹ *Gundry R.S. China and Her Neighbours...* P. 210.

⁶⁸⁰ *Boulger D.Ch. The life of Gordon...* P. 60. Аден — город в Йемене на берегу Аденского залива, в 1839–1967 гг. административный центр британского протектората Аден, перевалочная база на морском пути в Индию.

договора. Исходя из этого, выглядит вполне логичным тот факт, что непосредственно перед прибытием в Петербург на переговоры новый китайский уполномоченный представитель Цзен был проконсультирован в Лондоне⁶⁸¹.

Таким образом, в течение 1880 г. обеими сторонами предпринимались шаги, направленные на демонстрацию готовности отстаивать свою позицию до конца, в том числе и ценой войны. И Россия, и Китай активно прибегали к мерам демонстративного характера, дабы убедить противоположную сторону в серьезности своих намерений. Особенно активную позицию занимали местные элиты в лице прежде всего Кауфмана и Цзо Цзунтана. Российский генералитет рассматривал отказ ратифицировать Ливадийский договор и военные приготовления Китая как вызов Российской империи. Был разработан ряд проектов, предусматривавших начало боевых действий против Китая с целью склонить пекинское правительство к подтверждению Ливадийского договора. Китайцы отвечали активизацией военных закупок, жесткой публичной риторикой и перемещениями войск внутри страны. На определённом этапе угроза столкновения вооружённых сил России и Китая в Средней Азии стала очевидной, а, учитывая удалённость региона от центров обеих империй и градус напряжения на границе, конфликт мог начаться и стихийно без санкции центральных властей.

Но в конечном счете руководители обеих империй не пошли на крайние меры и пришли к выводу о нежелательности военного столкновения. Обе стороны посчитали возможным прибегнуть к еще одной попытке дипломатического разрешения противоречий, в результате чего в 1880 г. возобновились переговоры (на этот раз в российской столице), которые должны были привести к мирному выходу из сложившейся ситуации.

§4. Санкт-Петербургский договор 1881 г.

⁶⁸¹ *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия... С. 69–70.

13 марта 1880 г. Гирс информирует поверенного в делах в Пекине о намерении принять китайскую делегацию, отправившуюся из Лондона, и выслушать заявления, которые ей поручено сделать российскому правительству⁶⁸². Министерство иностранных дел избегало обострения отношений с Китаем и стремилось действовать осмотрительно в этом вопросе.

Первоначально российская сторона не рассматривала иных вариантов, кроме как ратификации Ливадийского договора. Предполагалось подтверждение заключенного в 1879 г. соглашения, без которого обсуждение иных вопросов не имело смысла. «Ранее этого мы ни к каким переговорам не приступим»⁶⁸³, - говорилось в секретном отношении поверенному в делах в Пекине. Внесение же изменений в договор «на основаниях равносильных с обеих сторон уступок» предполагалось представить в форме дополнительного соглашения⁶⁸⁴.

Позицию России учитывали в Пекине. Китайскому посланнику предписывалось в случае отказа России вернуть Илийский край на условиях, отличных от требований Ливадийского договора, попытаться заключить «временное соглашение». Официально же было заявлено, что Цзен направлен в Россию «вне зависимости от Илийского вопроса»⁶⁸⁵.

Главная цель, стоявшая перед китайской делегацией, состояла в полном возвращении Илийского края. Важным признавалось и недопущение значительного расширения прав для русской торговли в Западном Китае, что предусматривалось Ливадийским договором. Сам же посланник предполагал, что уступчивость возможно проявлять только в вопросе о денежном вознаграждении⁶⁸⁶.

Китайский посланник Цзен Цзицзэ до этого в течение ряда лет работал в Европе и был одним из немногих китайских дипломатов, имевших опыт

⁶⁸² АВПРИ. СПб Главный архив. I—1. Оп. 781. Д. 190. Л. 18.

⁶⁸³ Там же. Л. 19.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 19—19 об.

⁶⁸⁵ *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история... С. 143.

⁶⁸⁶ Там же. С. 144.

ведения переговоров с западными державами. Современники выделяли такие качества Цзена как непреклонность и жесткость, но, в то же время, его отличало умение вовремя пойти на компромисс⁶⁸⁷. Кроме того, Цзен был одним из первых китайских дипломатов, пытавшихся совместить европейские правила ведения переговоров с китайскими традициями⁶⁸⁸. Он был одним из немногих цинских представителей хорошо знакомых с европейской дипломатией.

17 июля 1880 г. китайская делегация прибыла в столицу Российской империи. В дороге ее сопровождал представитель британского дипломатического корпуса Х. Маккартни. По прибытии в Петербург он связался с британским посольством, которое выделило первого секретаря Д. Планкетта для оказания поддержки миссии Цзена⁶⁸⁹. Очевидно, что Англия пристально следила за решением Илийского вопроса, оказывая поддержку цинским дипломатам.

В то же время посредничество Британии нельзя назвать деструктивным шагом, направленным на срыв переговоров. Русско-китайская война не входила в планы Англии⁶⁹⁰, в интересах которой было мирное разрешение ситуации. Проанализировав последствия блокады китайских портов и то, каким образом она скажется на англо-китайской торговле, британцы приняли решение о необходимости консультирования цинских дипломатов на переговорах⁶⁹¹, о чем ранее просили в Пекине.

Англичане не только консультировали цинских дипломатов, но и стремились оказать давление на пекинское правительство. В русле этой политики в сентябре 1880 г. глава британского внешнеполитического ведомства Д. Грэнвилл предписывал английскому представителю в Пекине воздержаться от советов, направленных на ратификацию Цинской империей Ливадийского соглашения, но в то же время склонять китайское правительство к

⁶⁸⁷ Там же. С. 123–130.

⁶⁸⁸ Hsu I.C.Y. China's entrance into the Family of Nations... P. 207.

⁶⁸⁹ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история... С. 157.

⁶⁹⁰ Russia in the East... P. 107.

⁶⁹¹ Hsu I.C.Y. The Ili crisis... P. 112.

переговорам⁶⁹². В интересах Британии было бы такое решение, которое не приводило бы к усилению позиции России в Западном Китае. Исходя из этого, ратификация Ливадийского договора, улучшавшего позиции России, выглядела нежелательной. Лучшим решением, по мнению британских дипломатов, было бы заключение нового соглашения, не столь выгодного для России как договор 1879 г.

Франция также не была заинтересована в развязывании конфликта в Китае, предпочитая мирное решение конфликта⁶⁹³. Германия же, напротив, видела возможность упрочить свои позиции на Дальнем Востоке в случае замораживания торговых отношений Китая с европейскими державами в ходе войны. Именно поэтому немецкое правительство благосклонно отнеслось к идее вооружения Цинской империи современным оружием. Российские дипломаты неоднократно упоминали о поставках вооружения, идущих из Гамбурга в Китай в течение 1880 г⁶⁹⁴.

23 июля Цзен впервые встретился с российскими дипломатами. Он заявил, что Чун Хоу подписал договор, содержащий невыполнимые постановления, поэтому китайская сторона желала бы подвергнуть условия договора новому обсуждению. Одновременно он заявил о помиловании своего предшественника, опровергнул сведения, предъявленные ему российской стороной, касавшиеся военных приготовлений Китая в Средней Азии и заявил, что разрыв с Россией не входил в планы пекинского правительства⁶⁹⁵. Заявленная позиция, судя по всему, удовлетворила российскую сторону. Д.А. Милютин записал в дневнике, что «дела с Китаем, по-видимому, принимают мирный оборот»⁶⁹⁶. Предполагалось, что подписание договора, устраивающего обе стороны, не встретит значительных затруднений, и было принято решение о возобновлении переговоров.

⁶⁹² Russia in the East... P. 108.

⁶⁹³ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история... С. 119–120.

⁶⁹⁴ Russia in the East... P. 115.

⁶⁹⁵ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история... С. 162–164.

⁶⁹⁶ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 315.

Посчитав вопрос о Чун Хоу исчерпанным, стороны приступили к конкретному изложению своих позиций. Китайская была выражена в меморандуме Цзена, состоящем из трех пунктов: 1) В Ливадийском договоре есть статьи, с которыми Китай не может согласиться; 2) В договоре есть статьи, нуждающиеся в редактировании, иначе они становятся трудновыполнимыми для Китая; 3) Ряд положений договора повторяет принятые ранее условия⁶⁹⁷.

Позиция Китая сводилась к необходимости полного возвращения Илийского края и рассмотрению торговых вопросов только после решения территориальных споров. Именно сохранение за Россией участка Илийской долины и служило основным камнем преткновения для разрешения вопроса. Китайцы придавали особенное значение долине Текеса и Музартскому проходу. В то же время туркестанские власти считали необходимым сохранить их за собой⁶⁹⁸. Военный министр, узнав о позиции цинских дипломатов, записал в дневнике, что «прочие замечания Цзена на некоторые статьи договора не представляют для нас особенной важности и могли бы легко быть улажены»⁶⁹⁹.

13 августа 1880 г. состоялось особое совещание, посвященное Илийскому вопросу, которому предстояло внести коррективы в программу действий, выработанную в предыдущем году. Во многом его решения пересматривали позицию, характерную для мартовского совещания 1879 г. Во-первых, было одобрено мнение генерал-адъютанта Г.В. Мещеринова⁷⁰⁰ и полковника Соболева, которые считали, что Музартский перевал не имел для России того значения, которое «придавали ему доселе в Туркестанском крае»⁷⁰¹. Исходя из

⁶⁹⁷ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история... С. 166.

⁶⁹⁸ Russia in the East... P. 112.

⁶⁹⁹ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 317.

⁷⁰⁰ Мещеринов Григорий Васильевич (1827–1901) – русский генерал от инфантерии, Западно-Сибирский генерал-губернатор (1881–1882), в дальнейшем Командующий войсками Казанского военного округа.

⁷⁰¹ АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 190. Л. 47–47 об.

этого, участники совещания согласились с тем, что можно уступить в этом вопросе⁷⁰².

Во-вторых, было принято решение пойти навстречу Цзену по вопросу об уменьшении количества новых консульских постов, установленных Ливадийским договором⁷⁰³. Главный вывод, к которому пришли участники совещания, заключался в необходимости «избежать, по возможности, не теряя нашего достоинства», войны с Китаем⁷⁰⁴. Эта первостепенная задача красной нитью проходит через все правительственные дискуссии и переписку дипломатов в 1880 г. В основе такого подхода лежало сразу несколько факторов.

С одной стороны, российское руководство стремилось не допустить войны с государством, имевшим наиболее протяженную с нами границу, слабо защищенную войсками в условиях отсутствия железнодорожного сообщения. По мнению правительства, война с Китаем не сулила никаких преимуществ, способных окупить затраты на нее⁷⁰⁵.

С другой стороны, ведение новой широкомасштабной войны вскоре после завершения кампании на Балканах нанесло бы непоправимый удар по экономике Российской империи. Кроме того, принимая решение о невозможности ведения войны с Китаем, участники совещания учитывали и внешнеполитическую обстановку, сложившуюся в это время. Туркестанские власти учитывали вероятность обострения афганского вопроса. В военном ведомстве осознавали, что при неблагоприятном развитии событий может возникнуть необходимость задействовать все имевшиеся в наличии войска округа⁷⁰⁶. Приходилось держать в уме и Ахалтекинскую экспедицию М.Д.

⁷⁰² Там же. Л. 47 об.

⁷⁰³ Там же. Л. 48 об.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 49 об.

⁷⁰⁵ Там же. Л. 50.

⁷⁰⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 51.

Скобелева, к реализации которой приступили в конце 1880 г.⁷⁰⁷, а также события на Балканском полуострове⁷⁰⁸.

В таких условиях конфликт с Цинской империей мог привести к непредвиденным последствиям. «Война с Китаем, затронув коммерческие интересы европейских государств и Америки, легко могла бы вызвать новое раздражение против нас и побудить заинтересованные правительства принять сторону китайцев»⁷⁰⁹, - понимали в высших эшелонах власти. Очевидно, что российское руководство имело перед глазами печальный пример Берлинского конгресса, который свел на нет значительную часть условий Сан-Стефанского договора. Естественно, что правительство желало избежать повторения подобной ситуации и разрешить конфликт с Цинской империей без участия посредников.

Компенсируя уступки по территориальным вопросам, было решено сделать упор на увеличении денежной компенсации, «чтобы уступчивость наша не была использована китайцами в смысле слабости нашей»⁷¹⁰. Решения особого совещания были изложены китайским представителям в ноте от 16 августа 1880 г.⁷¹¹. Однако изменение позиции России не привело к скорому подписанию договора.

⁷⁰⁷ Кондратенко Р.В. Морская политика... С. 47.

⁷⁰⁸ В 1880 г. обострилась проблема черногоро-турецкого территориального разграничения. В связи с этим европейские державы высказались за необходимость проведения морской демонстрации для оказания давления на Порту, в которой была задействована часть сил российского флота; проведение демонстрации в Адриатическом море хронологически совпадало с отправкой кораблей к берегам Китая. Подробнее... Струнина-Бородина Н.Г. Проблемы черногоро-турецкого территориального разграничения по итогам Берлинского конгресса 1878 г. (в освещении журнала «Нива» в начале 1880-х годов) // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы: проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность: [сборник статей]. Ред. Никифоров К.В. М: Институт славяноведения РАН. 2019. С. 325–341. Данные события привлекали пристальное внимание российских властей. Так военный министр сделал 30 апреля 1880 г. следующую запись: «дела в Албании принимают угрожающий оборот. Можно опасаться возобновления общей передрыги на Балканском полуострове». Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 293.

⁷⁰⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 49–49 об.

⁷¹⁰ Там же. Л. 50.

⁷¹¹ Там же. Л. 50 об.

Возник, на первый взгляд, второстепенный вопрос о месте проведения завершающей стадии переговоров. Гирс настаивал на переносе переговоров в Пекин, куда было решено отправить Бюцова⁷¹². В основе этого решение лежало желание избежать повторения истории Ливадийского договора. Проведение переговоров в китайской столице, по мнению Гирса, исключало повторный отказ от ратификации соглашения⁷¹³. В то же время китайская сторона высказалась резко против подобных изменений. Основной причиной позиции Китая выглядит возможность затягивания переговоров при их проведении в Санкт-Петербурге ввиду отсутствия прямого телеграфного сообщения, из-за чего доставка сообщений в Пекин занимала порядка десяти дней, что давало гораздо больше времени на обдумывания условий⁷¹⁴. В итоге переговоры были продолжены в Петербурге, где российскую сторону после отъезда Гирса в Ливадию в свите Александра II представлял Жомини⁷¹⁵.

В ходе переговоров октября – ноября 1880 г. не удалось достичь существенного прогресса. Несмотря на сделанные уступки, предложенные условия не устраивали китайского посланника. Цзен настаивал на полном уничтожении Ливадийского договора. Только после этого шага, возможно было, по его мнению, приступить к рассмотрению торгово-экономических условий. Не делал дальнейших уступок и Жомини⁷¹⁶. Переговоры заходили в тупик.

Возможно, здесь проявилось неумение Жомини вести переговоры с оппонентом, занимающим неуступчивую позицию. По крайней мере, именно на это указывает Д.А. Милютин в своем дневнике. Давая весьма нелестную характеристику российскому представителю, военный министр писал, что «разговоры бар. Жомини не отличаются ловкостью и выдержкой, это не

⁷¹² Там же. Л. 51 об.

⁷¹³ *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история... С. 176.

⁷¹⁴ Там же. С. 177–178.

⁷¹⁵ Там же. С. 173.

⁷¹⁶ Там же. С. 202–208.

дипломатические переговоры с азиатцем, а легкая салонная болтовня»⁷¹⁷. Отчасти это подтверждается и тем фактом, что переговоры возобновились только после возвращения Гирса. 29 ноября он посетил китайскую миссию и вел диалог с Цзеном⁷¹⁸, который, впрочем, не привел к конкретным результатам, но позволил сдвинуть дело с мертвой точки.

30 ноября 1880 г. состоялось особое совещание, посвященное китайским делам. По предложению Гирса, было принято ключевое решение – не настаивать на ратификации Ливадийского договора, который ввиду принятых уступок потерял всякий смысл, а заключить новое соглашение⁷¹⁹. Таким образом, российская сторона закрепила еще одну уступку, на которой настаивал Цзен – ликвидацию договора 1879 г.

Следующий удар по первоначально условиям, закрепленным в 1879 г., нанесло высказывания Министра финансов⁷²⁰, заявившего, что он «готов со своей стороны отказаться от всех преимуществ, выговоренных для нашей торговли в Ливадийском договоре, лишь бы только не доводить дело до разрыва с Китаем, так как новая война на Дальнем Востоке потребует весьма значительных расходов, которые окончательно могут подорвать наше финансовое положение, крайне расстроенное последней войной нашей с Турцией»⁷²¹.

Позиция министра основывалась на объективных показателях в финансовой сфере. Чрезвычайные военные расходы в 1879 г. составили 429,3 млн рублей, в 1878 г. – 408,1 млн рублей, в 1879 г. – 132,1 млн рублей⁷²². В 1880 г. чрезвычайные расходы составили 128 млн рублей⁷²³, которые по большей

⁷¹⁷ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 332.

⁷¹⁸ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история... С. 208–209.

⁷¹⁹ АВПРИ. СПб Главный архив. I-1. Оп. 781. Д. 190. Л. 81–81 об.

⁷²⁰ С октября 1880 г. этот пост занимал А.А. Абаза. Вероятно, именно о нем идет речь. В Журнале особого сообщения имя министра финансов среди лиц, принимавших участие в совещании, не упоминается.

⁷²¹ АВПРИ. СПб Главный архив. I-1. Оп. 781. Д. 190. Л. 81–81 об.

⁷²² Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. С. 634–639.

⁷²³ Всеподданнейший отчет государственного контролёра за 1880 год... С. 6.

части были израсходованы на среднеазиатском направлении (прежде всего в ходе Ахалтекинской экспедиции, которая была еще далека от завершения). Военные расходы считались «изнурительными и совершенно непосильными»⁷²⁴ для финансовой системы страны. Они и ранее составляли около трети всех государственных расходов, а с наступлением Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. более чем утроились и дошли в 1877 г. до 571 и в 1878 г. до 560 млн. рублей, превысив таким образом сумму всего расходного бюджета государства в предшествующие годы⁷²⁵.

Расходы военного министерства положили конец профицитному периоду, открыв дорогу хроническому бюджетному дефициту, который удалось преодолеть лишь к 1888 г.⁷²⁶ В этих условиях, министр финансов А.А. Абаза⁷²⁷ считал необходимым сократить военные расходы, составляющие около трети расходной сметы бюджета⁷²⁸. Дефицит бюджета в 1876 г. доходил до 145,2 млн рублей, в 1877 г. – 572,3 млн рублей, в 1878 г. – 450,3 млн рублей 1879 г. 1880 г. – 179,6 млн рублей⁷²⁹. Несмотря на все усилия по снижению расходов 31 декабря 1880 г. был заявлен дефицит в 50 млн рублей. А.В. Головин⁷³⁰, А.А. Абаза и государственный контролер были едины во мнении, что неизбежно сокращение расходов на армию и снижение требований военного ведомства⁷³¹. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к ухудшению положения населения, нанесла удар по уровню жизни, ускорила инфляцию, привела к росту внешнего и внутреннего долга. Военные расходы

⁷²⁴ Там же. С. 8.

⁷²⁵ Всеподданнейший отчет государственного контролёра за 1879 год... С. 6.

⁷²⁶ Степанов В.Л. Цена победы... С. 118.

⁷²⁷ Абаза Александр Агеевич (1821–1895) — российский государственный деятель; государственный контролёр (1871–1874), министр финансов (1880–1881).

⁷²⁸ Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1881 год... С. 10–11.

⁷²⁹ Степанов В.Л. Цена победы... С. 111.

⁷³⁰ Головин Александр Васильевич (1821–1886) — российский государственный деятель, действительный тайный советник (01.01.1879). Министр народного просвещения (1861–1866), член Государственного совета, с 1870 года присутствовал в департаменте государственной экономии.

⁷³¹ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 342.

не только прервали процесс оздоровления финансов, но и ввергли страну в кризис, преодоление которого затянулось на годы⁷³².

Другим фактором, делавшим нежелательным наступательный характер действий по Илийскому вопросу, была ситуация в вооруженных силах в целом. Остро стоял вопрос с перевооружением армии. Только в 1879 г. было выделено более 25 млн рублей на перевооружение артиллерии, в 1880 г. еще 14 млн рублей ушло на расходы по артиллерии, заготовку малокалиберных винтовок и организацию крепостей. При этом расходы на артиллерийские заготовки превышали почти в 1,5 раза цифры мирного времени⁷³³. К 1882 г. в целом удалось переоснастить артиллерию отечественными и немецкими орудиями, а процесс перевооружения растянулся на все 1880-е гг.⁷³⁴

Внешнеполитическая деятельность в немалой степени сковывалась и внутривнутриполитическими проблемами, связанными с народовольческим террором. Любопытно, что в первые дни 1881 г. Д.А. Милютин, во многом державший к тому моменту нити управления российской внешней политикой, председательствовал на совещании с участием высших должностных лиц империи, посвященном мерам в отношении университетов⁷³⁵. Таким образом, он оказался вовлечен и в решение острых внутривнутриполитических задач; народовольческий террор учитывался и британским представителем в Петербурге⁷³⁶ и немецким посланником, в мемуарах которого можно встретить следующие слова: «Правительственные органы больше не справляются с поддержанием порядка»⁷³⁷.

В Средней Азии ключевым оставался вопрос с Туркменией. Выход английских войск из Афганистана и неудача 1879 г. заставляли русское командование ускорить подготовку к экспедиции, тем более что текинцы стали

⁷³² Подробнее... *Степанов В.Л.* Цена победы... С. 116–119.

⁷³³ Всеподданейший отчет Военного министерства за 1880 г... С. 51.

⁷³⁴ *Айрапетов О.Р.* История внешней политики... С. 501.

⁷³⁵ *Милютин Д.А.* Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 345–346.

⁷³⁶ *Loftus A.* The diplomatic reminiscences... P. 269–270.

⁷³⁷ *Швейниц Л. фон.* При дворе Александра II... С. 269.

появляться в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, призывать к восстанию. 1 марта 1880 г. был высочайше утвержден план кампании, началась подготовка к новому походу и строительству Закаспийской железной дороги. К 23 декабря 1880 г. крепость Геок-Тепе была блокирована, началась кровопролитная осада⁷³⁸.

Таким образом, ситуация, сложившаяся к началу 1881 г. никак не благоприятствовала проведению агрессивной политики по отношению к Китаю. Приоритетом российской внешней политики было сохранение мира, о чем в дальнейшем было заявлено в циркуляре Министерства иностранных дел от 4 марта 1881 г., определявшего принципы внешней политики нового Императора, Александра III⁷³⁹.

В таких реалиях условия Ливадийского договора исчезали на глазах. Российские дипломаты сделали уступки по территориальным и торгово-экономическим аспектам, был снят вопрос о необходимости ратификации договора 1879 г.; лишь в вопросе о сумме компенсации позиция оставалась неизменной – увеличение оговоренной годом ранее суммы⁷⁴⁰. В итоге переговоры с китайской делегацией свелись к постатейному рассмотрению Ливадийского договора и изменению его положений. «Условия эти до того смягчены против Ливадийского договора, что, кажется, со стороны Цзена уже

⁷³⁸ Подробнее... *Айрапетов О.Р.* История внешней политики... С. 543–552.

⁷³⁹ «Россия, подобно всем другим государствам, должна была для своего образования выдержать борьбу, которая закалила ее силы и ее народный дух. Ныне она достигла своего естественного развития; ей нечего желать, нечего домогаться от кого бы то ни было; ей остается лишь упрочивать свое положение... Внешняя политика Его Величества будет миролюбивою по существу. Россия остается верна державам, с которыми связывают её издавна установившиеся дружба и сочувствие, и будет отвечать взаимностью на добрые отношения к ней всех государств... Россия полагает, что её цели тесно связаны с всеобщим миром, основанным на уважении к праву и к договорам. Прежде всего она должна заботиться о себе самой и не оставлять своей внутренней работы иначе, как для защиты своей чести и безопасности. Государь Император ставит себе целью сделать Россию мощной и преуспевающей, ей во благо и не во зло другим». Подробнее... Очерк МИД... С. 170

⁷⁴⁰ АВПРИ. СПб Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 190. Л. 83–83 об.

не может быть никаких возражений: мы уступаем ему по всем пунктам»⁷⁴¹, - записал Д.А. Милютин.

В этих условиях не оставалось иного выхода, кроме как добиваться увеличения выплачиваемой китайцами компенсации. В условиях пересмотра всех важных условий договора в пользу Китая лишь увеличение суммы могло трактоваться в качестве вознаграждения за территориальные и торговые уступки⁷⁴².

В декабре 1880 г. – январе 1881 г. стороны уточняли формулировки нового договора, который приобрел законченный вид к началу февраля 1881 г. Д.А. Милютин с облегчением воспринял новость о согласовании условий нового договора, считая, что «теперь уже можно вполне рассчитывать на мирную развязку наших недоразумений с Китаем»⁷⁴³. 12 февраля 1881 г. договор, получивший название Санкт-Петербургского, был подписан в кабинете статс-секретаря Гирса.

§5 Условия Санкт-Петербургского договора 1881 г. и его оценка современниками.

Согласно Ст. 1 Санкт-Петербургского договора провозглашалось восстановление китайской власти в Илийском крае⁷⁴⁴. Ст. 2 подтверждала закрепленную Ливадийским договором 1879 г. амнистию участникам восстания и отказ пекинского правительства от преследования лидеров выступления⁷⁴⁵. Ст. 3 договора предоставляла право желающим в течение года беспрепятственно переселиться в российские пределы⁷⁴⁶.

По условиям Санкт-Петербургского договора Россия получала денежную компенсацию за понесенные издержки в размере девяти миллионов рублей (Ст.

⁷⁴¹ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 340.

⁷⁴² Воскресенский А.Д. Дипломатическая история... С. 224.

⁷⁴³ Милютин Д.А. Воспоминания. С. 347.

⁷⁴⁴ Русско-китайские отношения... С. 55.

⁷⁴⁵ Там же.

⁷⁴⁶ Там же.

б)⁷⁴⁷ вместо пяти миллионов, предусмотренных договором 1879 г. На этом заканчивались преимущества для российской стороны, по сравнению с Ливадийским договором 1879 г.

Ст. 7 оговаривала сохранение за Россией западной части Илийского края⁷⁴⁸, но она была существенно меньше территории, оговорённой договором 1879 г. Ст. 10 договора значительно сокращала число городов, в которых российская сторона могла назначать консулов⁷⁴⁹. Ст. 12 сократила зону беспошлинной торговли для русских подданных.

Были значительно урезаны права русских торговцев, сокращалось число мест, в которых допускалось учреждение факторий. Сухопутная торговля, являвшаяся приоритетным направлением политики в отношении Китая, как показали последующие события, не получила, вопреки надеждам российской стороны, преимуществ, позволяющих ей конкурировать с морской торговлей западных держав. Не оправдались и надежды на использования Восточного Туркестана в качестве транзитного коридора для доставки товаров вглубь Китая: путь через Кяхту оставался более выгодным⁷⁵⁰. Лишь в самом Илийском крае и приграничных областях Синьцзяна позиции русских торговцев были преобладающими⁷⁵¹. Территориальные вопросы в дальнейшем не вызывали разногласий, и зафиксированная Санкт-Петербургским договором пограничная черта существует по сей день, но уже в качестве китайско-казахстанской границы.

Комиссаром по передаче Илийского края был назначен генерал-майор А.Я. Фриде⁷⁵², задача которого состояла в уступке территории Китаю без кровопролития и массовой миграции населения в российские пределы. И если

⁷⁴⁷ Там же. С. 56.

⁷⁴⁸ Там же. С. 56.

⁷⁴⁹ Там же. С. 57.

⁷⁵⁰ *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история... С. 256.

⁷⁵¹ *Хохлов А.Н.* Дунганское восстание в Китае... С. 15–16.

⁷⁵² *Фриде Алексей Яковлевич* (1838–1896) – российский генерал, участник походов в Средней Азии. С 16 апреля 1880 г. состоял в качестве начальника военно-походной канцелярии при командующем войсками Туркестанского военного округа.

избежать массового насилия удалось, то вопрос о переселении стоял остро. Несмотря на призывы оставаться в местах проживания ⁷⁵³ и отсутствие серьезной работы по организации переселения (о чем упоминал Я.П. Шишмарев в письме Е.К. Бюцову⁷⁵⁴), тысячи людей стремились перебраться в пределы Российской империи. Проблеме миграции значительной части населения Илийского края и ее обустройству на территории Семиречья, посвящен целый пласт научной литературы⁷⁵⁵, и она не находится в фокусе настоящего исследования, являясь, прежде всего, внутренним вопросом туркестанских властей в 1880-е гг. Отметим лишь тот факт, что по своим масштабам переселение китайских подданных на территорию России значительно превосходило миграции 1860-х гг. Можно с уверенностью утверждать, что Илийский край покинула значительная, если не большая часть жителей⁷⁵⁶. При этом российские власти стремились превратить переселенцев в лояльных подданных и предпринимали конкретные шаги для предотвращения их ухода в китайские пределы, стремясь найти им место в социальной структуре региона⁷⁵⁷.

В ноябре 1881 г. Шишмарев встретил китайских представителей на границе; 10 ноября они достигли Ташкента ⁷⁵⁸ и формально подтвердили ратификацию договора в Пекине, после чего вопрос о передаче Кульджи вошел в практическую плоскость⁷⁵⁹. С этого момента начинался отсчёт трехмесячного срока для урегулирования вопросов на границе⁷⁶⁰.

Для передачи Кульджи была сформирована комиссия, куда вошли представители военного ведомства (Фриде) и Министерства иностранных дел

⁷⁵³ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 199.

⁷⁵⁴ ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 156. Л. 25.

⁷⁵⁵ Подробнее... Васильев Д.В., Асанова С.А. Приют для страждущих... С. 45–46.

⁷⁵⁶ В литературе встречаются различные цифры. По самым скромным оценкам, озвученным Г.А. Колпаковским в Россию переселилось не менее 80 тысяч человек. В.А. Моисеев приводит цифры в 107 тысяч. Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 206.

⁷⁵⁷ Васильев Д.В., Асанова С.А. Приют для страждущих... С. 44–45.

⁷⁵⁸ ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 156. Л. 25.

⁷⁵⁹ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 199.

⁷⁶⁰ ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 156. Л. 25.

(Шишмарев); 10 марта 1882 г. в Кульдже между сторонами был подписан протокол о передаче края пекинским властям⁷⁶¹. После этого русские войска покинули Кульджинский край, и в апреле 1882 г. населенные пункты Илийской долины заняла китайская армия⁷⁶². Вспыхнувшие беспорядки были быстро пресечены маньчжурскими войсками⁷⁶³. В Илийском крае была восстановлена китайская власть.

В самой Кульдже сохранялось некоторое российское присутствие. До 1895 г. функционировала школа переводчиков⁷⁶⁴. Россия также сохранила за собой действовавшая на протяжении последующих лет телеграфную линию⁷⁶⁵, построенную после занятия края.

Условия Санкт-Петербургского договора 1881 г. вызвали неоднозначную реакцию в высших эшелонах власти. Военный министр Д.А. Милютин на этот раз разделял точку зрения своих подчиненных. Он записал в дневнике, что «от Ливадийского договора не остается почти ни одного клочка»,⁷⁶⁶ тем самым давая понять, что считает, что на переговорах мы прибегли к излишним уступкам. Его позицию разделяли многие лица, хорошо знакомые с Туркестаном: Куропаткин, Пржевальский, китаевед академик В.П. Васильев и многие другие оценивали Петербургский договор как неоправданную уступку Китаю⁷⁶⁷.

Общественность также неоднозначно отнеслась к уступкам российских властей. Так, в черновиках Ф.М. Достоевского в начале 1881 г. можно встретить следующие слова, реконструирующие подход либералов: «Окраины — всё это вздор, всё это мелочи и с другого боку, всё мелочи, Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам. Среднеазиатские владения подарим Англии. А там какую-нибудь

⁷⁶¹ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 200–203.

⁷⁶² ГА РФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 156. Л. 25.

⁷⁶³ Русский инвалид. 1882. № 148. С. 2.

⁷⁶⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2035. Л. 1–284.

⁷⁶⁵ Там же. Д. 709. Л. 50.

⁷⁶⁶ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2... С. 338.

⁷⁶⁷ Моисеев В.А. Россия и Китай... С. 199.

киргизскую землю это просто забудем. Россия-де в Европе, и мы европейцы, и преследуем цели веселости. А более никогда и ничего, вот и всё...»⁷⁶⁸. Далее он пишет: «Сибирь — продать по частям на сруб — уступить Китаю...»⁷⁶⁹. Несмотря на отсутствие прямого указания логично предположить, что подобную реакцию Достоевского вызвали начавшиеся переговоры о пересмотре договора, отступление России от условий заключённого соглашения и территориальные уступки Цинской империи. Передача Кульджи критиковалась также и с гуманистической точки зрения. Так, известный исследователь Средней Азии И.В. Мушкетов считал, что передача региона Китаю означала гибель для тысяч мусульман илийской долины⁷⁷⁰.

Озвучивалась на страницах печати еще до разрешения Илийского кризиса и противоположная точка зрения. Так, на страницах «Голоса» известный путешественник, член географических обществ нескольких европейских стран, перед этим вышедший в отставку в чине генерал-майора М.И. Венюков доказывал, что Илийский край было бы правильным вернуть Китаю, добившись от него уступок. В целом Венюков призывал не преувеличивать возможные негативные последствия от восстановления китайской власти, и критиковал в этой связи подход местного военного руководства. «Нам же все эти уступки не стоили почти ничего»⁷⁷¹, — подытожил он. Схожей позиции придерживался и автор статьи «Следует ли уступить Китаю Кульджу?», считавшей, что России следовало вернуть территорию Цинской империи в обмен на выполнение ряда требований.

Наиболее подробно и взвешенно на страницах печати отразил свою позицию В.П. Васильев в статье «Настоящий восточный вопрос», размещенной в шести частях в газете «Голос» еще до окончательного разрешения вопроса. Васильев привел ряд аргументов за и против возврата Илийского края

⁷⁶⁸ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений... С. 73.

⁷⁶⁹ Там же. С. 79.

⁷⁷⁰ Мушкетов И.В. К вопросу о Кульдже... С. 163–164.

⁷⁷¹ Венюков М.И. Территориальные приобретения и уступки России во второй половине XIX столетия (Окончание) // Голос. 1878. №14. С. 2.

(склоняясь в большей степени все-таки к довольно жесткому подходу), придя в конечном счете к следующему выводу: «Изложив таким образом все главные мнения pro и contra по кульджинскому вопросу, можем, кажется, беспристрастно сказать, что общественное мнение не может разрешить эту путаницу и должно положиться на соображения правительства»⁷⁷².

В то же время дипломатические круги считали, что заключение подобного мирного договора все же лучше, чем обострение отношений с Китаем. Даже Н.П. Игнатьев, для которого характерна достаточно жесткая позиция по отношению к Китаю, считал, что сохранение дружественных отношений с Цинской империей «более ценны, чем несколько тысяч квадратных миль гор и пустынь, которые бы перешли от Китая во владение России»⁷⁷³.

Что касается Китая, то там заключение Санкт-Петербургского договора восприняли как первую дипломатическую победу над европейской державой за весь XIX в. Миссия Цзена воспринималась как небывалый успех, ведь ему удалось добиться пересмотра ранее заключенного договора в пользу Китая⁷⁷⁴.

Кроме того, Илийский кризис стал катализатором изменений подхода китайских властей к Восточному Туркестану. Обособленность региона в административном плане, сохранение традиционных институтов управления теперь воспринимались как угроза господству династии Цин. Восстания 1860-х гг., утрата контроля над Синьцзяном, дорогостоящее и трудоёмкое восстановление власти, угроза вмешательства европейских стран привели к осознанию необходимости реорганизации системы управления и проведении социально-экономических преобразований. Уже в начале 1880-х гг. был проведён ряд мер, способствовавших развитию хозяйственной и культурной

⁷⁷² Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос VI часть... С. 1–3.

⁷⁷³ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 433. Л. 11 об.

⁷⁷⁴ Hsu I.C.Y. China's entrance into the Family of Nations... P. 196.

жизни, подверглась пересмотру финансовая система, пересмотрены принципы взаимодействия власти и общества⁷⁷⁵.

Изменился и сам подход к Восточному Туркестану. До этого он представлял собой специфический и обособленный регион, власть Пекина над которым нередко была чисто номинальной. В 1884 г. по предложению Цзо Цзунтана была проведена административная реформа, превратившая Синьцзян в обычную китайскую провинцию с введением типичных для государства институтов и механизмов управления⁷⁷⁶. Причем новая административная система пережила не только своего создателя Цзо Цзунтана, но и саму династию Цин⁷⁷⁷.

При этом разрешение кризиса, воспринимаемое как дипломатическая победа, способствовало укреплению «политики самоусиления». Силовое подавление мусульманских восстаний и отказ России от большей части Илийского края укрепили позиции правящей династии, привели к переоценке собственных возможностей и вселили уверенность в возможность противостоять внешней угрозе, хотя объективно для этого не хватало оснований⁷⁷⁸. В китайских элитах возобладали «самоуверенность, неоправданный оптимизм и высокомерие»⁷⁷⁹. Последствия не заставили себя долго ждать. Уже в 1882 г. в правительственных кругах звучали призывы к войне с Францией⁷⁸⁰. В результате были предприняты активные действия в Северном Вьетнаме, что вылилось во франко-китайскую войну 1884–1885 гг., завершившуюся поражением Китая, признанием французского контроля над северным Вьетнамом и согласием на торговые привилегии в приграничных провинциях.

⁷⁷⁵ Bales W.L. Tso Tsung-t'ang... P. 387.

⁷⁷⁶ The Cambridge History of China... P. 96.

⁷⁷⁷ Bales W.L. Tso Tsung-t'ang... P. 387–388.

⁷⁷⁸ Hsu I.C.Y. The Ili crisis...P. 189.

⁷⁷⁹ Ibid. P. 191.

⁷⁸⁰ Ibid. P. 191–193.

«Излишняя самоуверенность и воинственность Китая означали поражение и потерю сюзеренитета над зависимым государством Аннам, и эта чрезмерная самоуверенность и гордость могли быть связаны с илийской победой»⁷⁸¹, – писал Сюй о негативных последствиях заключения Санкт-Петербургского договора для династии Цин.

Практически в то же время разразилась Японо-китайская война 1894–1895 гг., продемонстрировавшая несостоятельность прогноза, согласно которому противник будет полностью разгромлен. Иллюзии военно-морского превосходства Китая стремительно развеялась быстрым наступлением Японии на Корею, Маньчжурию и собственно Китай. Впечатляющие победы японцев как на суше, так и на море привели к военной катастрофе, открывшей противнику дорогу на Пекин⁷⁸². В результате между сторонами был подписан Симоносекский договор, согласно которому Китай признавал полную и безусловную независимость и автономию Кореи, что создавало благоприятные возможности для японской экспансии на полуостров; передавал Японии остров Формоза (Тайвань), острова Пэнху и Ляодунский полуостров; уплачивал денежную компенсацию; открывал ряд портов для торговли; предоставлял японцам право строительства промышленных объектов в Китае, ввоза туда промышленного оборудования⁷⁸³. Последний пункт открывал широкие возможности для экономического проникновения иностранного капитала в Китай. Захват Тайваня сделал Японию единственной неевропейской колониальной державой в Азии, что также заметно ускорило рост имперских амбиций и территориальных притязаний империи⁷⁸⁴.

В конечном счете дипломатическая победа привела китайское руководство к «головокружению от успехов». Последовавшая за ней активная, а подчас и агрессивная политика привела к серьезным военным поражениям. За

⁷⁸¹ Ibid. P. 192.

⁷⁸² The Cambridge History of China... P. 269–273.

⁷⁸³ Японско-китайский мирный договор... С. 1–13.

⁷⁸⁴ Подробнее... Головачёв В.Ц. Симоносекский договор... С. 20–30.

ними последовала попытка сближения с Россией, приведшая к усилению ее влияния в регионе. Довершили картину Боксерское восстание и последующая оккупация Пекина. Таким образом, с одной стороны Санкт-Петербургский договор 1881 г. привел к восстановлению контроля над Синьцзяном, в результате чего сформировались западные границы Китая, существующие по сей день, но с другой стороны это не только привело к переоценке собственных возможностей, но и способствовало «духу самоуспокоенности», усилению консервативных, антизападных настроений, что в итоге подготовило почву для падения династии⁷⁸⁵.

Илийский кризис стал катализатором изменений и для России. Он со всей очевидностью продемонстрировал неэффективность методов российской разведки на китайском направлении. Необходимость получать достоверные сведения о Китае и её армии требовали коренных изменений в деятельности разведывательных органов России в этом регионе. Масштаб приготовлений и ход военных реформ, проводимых в Китае, стали главным объектом внимания российской разведки. Анализ полученных данных позволил получить обширную информацию об изменениях в китайской армии и уровне её боеготовности. Несомненно, что в последующие после Кульджинского кризиса годы ценность такой информации стала гораздо выше. Оценив уроки событий 1880–1881 гг. в Кульдже, российское руководство пришло к выводу, что именно Китай (при поддержке Великобритании), являлся наиболее опасным противником в Дальневосточном регионе. Такая точка зрения продержалась вплоть до окончания Японо-китайской войны в 1895 г. Это вызвало значительную активизацию русской агентуры в Китае.

Так, при императорской российской миссии в Пекине, была организована военная агентура, началась деятельность разведки, только что образованного в 1884 г., как следствие Илийского кризиса, Приамурского военного округа, основной задачей которого стало всестороннее изучение Маньчжурии как

⁷⁸⁵ Hsu I.C.Y. The Ili crisis... P. 193.

вероятного театра боевых действий. Задачей Западносибирского военного округа стала активизация разведки в Восточном Туркестане, велась работа и по линии МИД – в Кашгаре небезуспешно действовала агентура российского консула Петровского. На порядок возросло и финансирование разведывательной деятельности на территории Китая⁷⁸⁶.

Таким образом, кризис вокруг Кульджи в 1880–1881 гг. заставил МИД, военное ведомство, морское министерство пересмотреть свое отношение к Китаю, как к военному противнику. Следствием этого явилась, заметная активизация деятельности ведомственных разведок. Началось системное изучение армии Цинского Китая и театра вероятных военных действий в Маньчжурии и китайском Туркестане, о чем свидетельствует резкое увеличение разведмиссий разведчиков-генштабистов в эти области⁷⁸⁷.

Илийский кризис значительно повлиял и на политику Российской империи на Дальнем Востоке, выявив слабость сухопутных сил, размещенных вдоль границы, тем более что безлюдные районы Восточной Сибири были не в состоянии обеспечить их необходимым количеством продовольствия и резервов даже в мирное время. В результате уже 1 июня 1882 г. было высочайше утверждено решение о переселении крестьян в Амурскую и Приморскую области с пособием из казны. Стало очевидно, что существовавший к началу 1880-х г. состав эскадры в 3–5 судов не позволяет эффективно действовать даже против Китая, чей флот должен был в скором времени модернизироваться и увеличиться количественно, в результате его стали рассматривать в качестве опасного морского противника. Была отвергнута идея о переносе порта в залив Святой Ольги, в морском ведомстве осознали необходимость обустройства угольных станций на пути в Тихий океан⁷⁸⁸.

⁷⁸⁶ Подробнее... *Фалько С.А.* Деятельность российской разведки... С. 220–230.

⁷⁸⁷ Цит. по *Фалько С.А.* Деятельность российской разведки... С. 228.

⁷⁸⁸ *Кондратенко Р.В.* Морская политика... С. 57–60.

Военные приготовления в Средней Азии обнажили и логистические трудности, делавшие невозможной быструю переброску значительных сил для войны с серьезным противником. К началу 1880 г. в русском Туркестане отсутствовали железные дороги. При том, что одним из наиболее активных сторонником сооружения линии, которая связала бы Ташкент с существующей железнодорожной системой Российской империи, был генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман. По его поручению генерал-майор саперных войск К.С. Безносиков провел еще в 1873 г. исследования на местности и подготовил проект железной дороги от Оренбурга. Обоснованность выбранного направления подтвердили научные экспедиции в 1877, 1878, 1879 гг. То есть в 1870-е гг. вопрос строительства железной дороги в Средней Азии неоднократно поднимался на уровне властей региона, была собрана необходимая техническая документация, однако имевшиеся проекты не были утверждены.

Сдерживающим фактором для финансирования подобного дорогостоящего предприятия являлась сомнительная экономическая целесообразность данного проекта. Торговое значение Туркестанского края было неочевидным для выделения средств на подобный инфраструктурный проект. Ввиду отсутствия финансирования и некупаемости проекта в ближайшей перспективе на первый план выходили военно-стратегические соображения⁷⁸⁹.

В результате строительство первой в регионе железной дороги было связано с проведением второй Ахал-Текинской экспедиции. 9 июня 1880 г. последовало Высочайшее повеление на проведение железной дороги от восточного побережья Каспийского моря вглубь пустыни, и первый участок протяженностью 26 верст был сооружен уже к 4 сентября 1880 г.; до крупного города (Самарканда) дорога и вовсе была проложена к началу 1889 г.⁷⁹⁰

⁷⁸⁹ Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство... С. 34.

⁷⁹⁰ Фурсов В.Н., Тестов В.Н. Возведение и функционирование Транскаспийской... С. 113–116.

Строительство же дороги до Ташкента было перенесено вопреки позиции туркестанского генерал-губернатора, который как никто другой осознавал логистические трудности, сопутствующие проведению любой значительной кампании в регионе. Так, в ходе особого совещания в 1880 г., осознав, что нет смысла отстаивать необходимость сохранения за собой Музарта и долины Текеса ввиду уступчивости российской позиции, он выдвинул идею об отказе от территорий в обмен на значительную денежную компенсацию, которая покрывала бы расходы на строительство железнодорожной ветки до Ташкента. Туркестанский генерал-губернатор предложил новый вариант граничной линии, однако при этом заметил, что никакая граница «не обеспечивает нас от вторжения китайской армии, ныне перевооружаемой и усиливаемой. Единственное, что могло бы еще восстановить равновесие – это немедленное сооружение Оренбургско-ташкентской железной дороги: Не лучше ли сохранить полную дружбу с Китаем, возвратив ему всю Илийскую провинцию, за исключением незначительного участка земли, где уже устроились казачьи поселения – Чунжа, Подгорное и Охотничье или Нарынкол, а взамен нашей уступки получить с Китая вознаграждение за понесенные нами затраты на вооружение и такую сумму, которая дала бы возможность Министерству финансов гарантировать железную дорогу к Ташкенту?»⁷⁹¹.

Таким образом, хотя у нас и нет оснований утверждать, что строительство железных дорог связано Илийским вопросом, логично предположить, что проблемы, выявившиеся в ходе кризиса, связанные с обеспечением безопасности Туркестана, подтолкнули власти к решению логистических вопросов и активизации развития транспортной инфраструктуры в регионе.

* * *

После восстановления китайской власти в Восточном Туркестане российские дипломаты взяли курс на проведение переговоров по Илийскому

⁷⁹¹ Цит. по *Моисеев В.А.* Россия и Китай... С. 198.

вопросу и заключение соглашения, улучшавшего позиции России в Западном Китае.

С этой целью в 1879 г. состоялись переговоры с китайским дипломатом Чун Хоу, завершившиеся подписанием Ливадийского договора в сентябре того же года. Российской стороне удалось добиться заключения соглашения на выгодных для себя условиях, в первую очередь, по территориальным и торгово-экономическим вопросам. При этом в должной мере не учитывалась внутривосточная борьба в Пекине различных группировок, среди которых после подавления мусульманского восстания все большее влияние приобретали сторонники жесткой линии в отношении России. В результате условия Ливадийского договора, не отвечавшие интересам Китая, были с негодованием восприняты правительственными кругами и общественностью, что привело к отказу Пекина от ратификации соглашения, подписанного официальным представителем страны.

Отказ Китая от ратификации соглашения привел к обострению и без того напряженной ситуации в приграничных областях. Туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман и ряд других высокопоставленных военных предлагали отказаться от курса, направленного на поддержание добрососедских отношений с Китаем, и провести военную кампанию для принуждения Пекина к соблюдению соглашения. Отсутствие достоверной информации о реальном состоянии китайской армии привело к активизации разведывательной деятельности, что положило начало систематическому сбору данных о положении дел в Китае. Одновременно шла работа по подготовке военной кампании, результатом которой стал проект полковника Соболева, принятый в конце 1880 г. в качестве общего плана ведения боевых действий в случае начала войны.

Готовность силой отстаивать национальные интересы демонстрировали и китайские военачальники, пекинское правительство прибегло к масштабным военным закупкам. Ситуация накалялась и грозила вылиться в

полномасштабный военный конфликт, чего за почти двухсотлетнюю историю русско-китайских отношений не случалось.

В то же время обе стороны были куда больше заинтересованы в мирном разрешении конфликта, чем в начале боевых действий. Исходя из этого, российские дипломаты не стали чинить препятствий для возобновления (а фактически открытия заново) переговоров с китайскими представителями. В Петербурге надеялись добиться ратификации Ливадийского договора, внося, возможно, незначительные изменения.

Однако на этот раз позиция китайской стороны, поддержанная европейскими, в первую очередь, британскими дипломатами, оказалась гораздо более жесткой, чем годом ранее. Она сводилась к необходимости не ратифицировать Ливадийский договор, а заключить новое соглашение, которое бы шаг за шагом ликвидировало бы те пункты, принятие которых не рассматривали в Пекине.

В ходе переговоров, длившихся более полугода (с июля 1880 г. по февраль 1881 г.), российская сторона была вынуждена последовательно отступать от первоначально выработанной линии. Объяснялось это непреклонностью позиции китайского посла Цзена и стремлением пусть даже ценой значительных уступок избежать обострения отношений с Цинской империей ввиду сложной внутри- и внешнеполитической обстановки, делавшей нежелательным и обременительным начало новой войны.

В основе подобного подхода лежало понимание невозможности завершить в короткий срок войну, которая не сулила серьезных выгод. Нежелательным выглядела даже необходимость в случае ухудшения отношений усиливать пограничные отряды на огромном протяжении российско-китайской границы. Стремление всеми силами избежать военного конфликта объяснялось еще и тяжелой финансовой ситуацией, сложившейся после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и опасением консолидации

европейских держав против нашей страны в случае войны с Китаем, как это случилось на Берлинском конгрессе 1878 г.

В итоге российская сторона была вынуждена пойти на целый ряд уступок по важнейшим вопросам ради заключения договора, приемлемого для Пекина. Санкт-Петербургский договор 1881 г. содержал менее выгодные условия по сравнению с Ливадийским соглашением 1879 г., но позволял решать главную задачу – разрешение Илийского вопроса и нормализацию отношений с Китаем.

Заключение.

К 1864 г. России удалось добиться от Цинской империи заключения выгодных соглашений, касавшихся межгосударственных отношений в Средней Азии. За Российской империей было закреплено право на все территории, которые контролировались войсками, признавались недавние завоевания. Кроме того, удалось добиться улучшений в условиях ведения торговли. В Петербурге не планировали расширять границы империи в Средней Азии в восточном направлении, удовлетворившись достигнутыми результатами.

Однако в это время в приграничных регионах Китая вспыхивает мощное восстание мусульманских народов Цинской империи, приведшее к изменению обстановки в центральноазиатском регионе. Ослабленное внутривнутриполитическими неурядицами и внешнеполитическими поражениями государство было не в состоянии с ним справиться и утратило контроль над западными провинциями, где возникает ряд самостоятельных государственных формирований. Восстание наносит ощутимый удар по торговым интересам России в регионе, а также способствует возникновению нестабильной ситуации на границе.

Особую обеспокоенность вызывала политика кашгарского правителя Якуб-бека, наиболее сильного лидера на отколовшейся от Китая территории. В нем видели фигуру, способную не только объединить под своей властью Западный Китай, но и стать символом борьбы для новых подданных Российской империи. Опасались и попадания Якуб-бека под английское влияние, ведь в этом случае на границе возникал бы британский протекторат, что виделось нежелательным для России.

Военные, как это нередко и случалось в Средней Азии, выступали за вмешательство в события в Синьцзяне, подавление восстания, или даже включение неконтролируемых Пекином территорий в состав России. Это, по их мнению, улучшило бы ситуацию на границе, позволило бы нормализовать торговлю и поднять авторитет страны в глазах местного населения. Однако

Министерство иностранных дел выступило категорически против подобных шагов, считая невозможным вмешательство без достоверной информации о силе восстания при ограниченных собственных силах в регионе.

Подобное несоответствие позиций военных и дипломатов являлось одной из характерных черт политики Российской империи в Илийском вопросе, особенно на начальном этапе. Пограничные военные власти, в лице, прежде всего, Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана и Семиреченского губернатора Г.А. Колпаковского, выступали за активную политику в Восточном Туркестане, позволявшую даже присоединить утерянные Китаем территории к России. Министерство иностранных дел стремилось же придерживаться куда более осторожной стратегии, оглядываясь на возможные осложнения в отношениях, как с Цинской империей, так и с Англией, в случае наступательных действий в Западном Китае.

Если во второй половине 1860-х гг. Россия не вмешивалась в ход событий в Синьцзяне, то к началу 1870-х гг. намечается отход от политики нейтралитета, которая не дала результата. К этому время особое значение приобретает Кульджа. России не удавалось дипломатическими путями наладить отношения с возникшим здесь таранчинским султанатом, а главное – Кауфман опасался его захвата Якуб-беком, что привело бы к возрастанию роли правителя Йэттишара, а, следовательно, и к усилению позиций Англии.

Исходя из этого, было принято решение о проведении военной кампании против Илийского султаната в 1871 г., однако, по инициативе Туркестанского генерал-губернатора, она была проведена раньше намеченного срока, без согласования с Петербургом и Пекином. То есть, военные в Туркестане прибегли к активным действиям, не заручившись поддержкой правительства. Подобные шаги уже неоднократно применялись до этого. В 1865 г. Черняев без санкции Петербурга занял Ташкент, а в 1868 г. Кауфман, несмотря на возражения Министерства иностранных дел, присоединил Самарканд. Думается, что все эти события есть звенья одной цепи.

Но в Петербурге не имели планов по расширению территории за счет Китая, что неизбежно привело бы к ухудшению отношений с Пекином, поэтому Илийский край не был включен в состав империи на общих основаниях. В Кульдже была создана российская администрация, носившая временный характер. Она не вмешивалась в вопросы местного самоуправления, законодательства (за исключением отмены рабства), не проводила мероприятий, существенно менявших уклад жизни местных народов. Не была проведена полноценная унификация с Туркестанским генерал-губернаторством системы управления и права. Российские власти понимали временный характер управления Илийским краем и не вводили существенных изменений. В дальнейшем планировалась передача Илийской долины китайским представителям. При этом отдельными должностными лицами, прежде всего, из числа военных, рассматривался вопрос о включении Кульджи в будущем в состав империи, в случае неспособности китайцев восстановить свою власть в приграничных землях.

Однако китайские войска к 1878 г. восстановили контроль над всеми западными провинциями, за исключением оккупированной русскими войсками Кульджи. После некоторых дебатов российское руководство склонилось к необходимости возврата Илийского края. Тем не менее, российская сторона посчитала возможным воспользоваться ситуацией и связать возвращение Илийского края с выполнением ряда требований экономического характера. В результате в 1879 г. был подписан Ливадийский договор на весьма выгодных для России условиях. Китай обязался выплачивать денежную компенсацию за издержки, понесенные в результате оккупации Кульджи, улучшить условия для ведения торговли, а также передать России западную часть Илийского края, включавшую стратегически важные горные перевалы.

Однако закрепить подобный успех не удалось. Сыграла свою роль сложная внутрисполитическая обстановка в Китае, характеризовавшаяся борьбой различных дворцовых группировок, придерживавшихся

противоположных взглядов на внешнюю политику Цинской империи. Заключение Ливадийского договора вызвало новый виток этой борьбы, в которой одержала победу «партия войны». Китайцы отказались ратифицировать соглашение, что привело к кризису двусторонних отношений.

1880 год выдался наиболее острым для русско-китайских отношений в Средней Азии. Обе стороны готовились к боевым действиям, демонстрируя решимость отстаивать свои интересы. Однако мирное разрешение Илийского кризиса было в интересах обеих империй, имевших самую протяженную в мире на тот момент межгосударственную границу.

Кроме того, Илийский кризис выявил ряд проблем, таких как недостаточная защищенность приграничных территорий, отсутствие организованной разведывательной деятельности, слабость военной и гражданской инфраструктуры, отсутствие железных дорог, характерных как для российских владений в Средней Азии, так и для всей восточной части империи. Разрешение кризиса положило начало работе по разрешению некоторых из них.

Черту под Илийским кризисом подвело заключение в феврале 1881 г. Санкт-Петербургского договора, пересматривавшего многие условия Ливадийского соглашения. Была значительно сокращена часть Илийского края, остававшаяся в руках России, отменены условия торговли, оговоренные Ливадийским договором. Однако назвать заключение договора в Санкт-Петербурге в 1881 г. поражением российской дипломатии, было бы преувеличением. Был увеличен размер выплат Китаем с 5 до 9 миллионов рублей, что позволяло несколько компенсировать уступки по другим пунктам. А самое главное – удалось избежать значительного ухудшения отношений с Китаем, а, весьма вероятно, и войны.

После завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. еще один масштабный конфликт не входил в планы России. Финансовая система находилась в плачевном состоянии; денег на ведение полномасштабной войны

в государстве не было. Сама война не сулила никаких значительных выгод, а быстрая победа делалась маловероятной из-за удаленности и протяженности театра боевых действий. Конфликт с Китаем из-за Илийского края ухудшил бы и без того не лучшее международное положение России. Условия Петербургского соглашения 1881 г. не наносили существенного ущерба позициям России в регионе. Во многом, стороны вернулись к ситуации, существовавшей до начала восстания в Западном Китае.

Подобное разрешение Илийского вопроса представляется нам логичным и соответствующим интересам России в регионе. В конкретной исторической обстановке, сложившейся к началу 1880-х гг., оно выглядит безальтернативным, несмотря на противоположный взгляд местных российских властей и генералитета, видевших в заключении договора неоправданную уступку, наносившую вред позициям Российской империи в Средней Азии.

Список источников и литературы.

Архивные источники.

Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ)

1. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 1106, 2035.
2. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 1. Д. 1701.
3. Ф. Санкт-Петербургский Главный архив. I–1. Оп. 781. Д. 174, 180, 181, 183, 185, 189, 190.

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ)

4. Ф. 862 (Бюцов Е.К). Оп.1. Д. 31, 33, 35, 106, 156, 164.
5. Ф. 730 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. Д. 433.

Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА)

6. Ф. 203 (А.В. Каульбарс). Оп. 1. Д. 9, 12, 13.
7. Ф. 400 (Главный штаб. Азиатская часть. 1836–1918 гг.) Оп. 1. Д. 305, 646, 653.
8. Ф. 447 (Китай). Оп. 1. Д. 5, 9.
9. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 2. Д. 6809, 6828, 6839, 6842, 6888, 6896, 6909, 6913.
10. Ф. 1392 (Походная канцелярия Командующего войсками Туркестанского военного округа). Оп. 1. Д. 26, 29.
11. Ф. 1396 (Штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 45, 52, 77, 111, 116, 117.

Законодательные источники.

12. Дополнительный договор между Россией и Китаем // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное издательство политической литературы. 1952. С. 74–84.
13. Ливадийский договор 1879 г. // Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора. М.: Памятники исторической мысли. 1995. С. 280–291.

14. Санкт-Петербургский договор 1881 г. // Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора. М.: Памятники исторической мысли. 1995. 439 с.

15. Трактат, заключенный между Россией и Китаем о торговле в Кульдже и Чугучаке // Русско-китайские отношения. 1689–1916. М.: Издательство восточной литературы. 1958. С. 26–29.

16. Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы // Русско-китайские отношения. 1689–1916. М.: Издательство восточной литературы. 1958. С. 46–49.

17. Японско-китайский мирный договор (Симоносеки) 17 апреля 1895 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 г. СПб.: Тип. А.М. Менделевича. 1906. С. 1–13.

Делопроизводственная документация.

18. «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. 2003. № 1 (61). С. 5–21.

19. Извлечение из донесений Г.Л. Колпаковского о занятии Кульджинского района в 1871 г. // Русский Туркестан: Сб. изд. по поводу политехн. выст. Вып. 3. Под ред. В.Н. Троцкого. СПб. 1872. С. 217–232.

20. Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в. Документы и извлечения // Сост. Моисеев С.В. Барнаул: Азбука. 2008. 236 с.

21. Туркестан в имперской политике России. Монография в документах // отв. ред. Т.В. Котюкова. М.: Кучково поле. 2016. 880 с.

22. Russia in the East 1876–1880. The Russo-Turkish war and the Kuldja crisis as seen through the letters of A.G. Jomini to N.K. Giers. Edited by Charles and Barbara Jelavich. Leiden. 1959. 173 p.

23. Статистические материалы. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1880 г. СПб.: Типография Гогенфельден и Ко. 1882. С. 1–136.

24. Всеподданнейший отчет государственного контролёра за 1879 год. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В Канцелярии. 1880. 165 с.

25. Всеподданнейший отчет государственного контролёра за 1880 год. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В Канцелярии. 1881. 175 с.

26. Министерство финансов. 1802–1902: Ист. обзор главнейших мероприятий фин. ведомства. Ч.1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг. 1902. 692 с

27. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1902. 206 с.

Материалы периодической печати.

28. Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос I часть // Голос. 1877. №64. С. 1–2.

29. Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос II часть // Голос. 1878. №25. С. 1–2.

30. Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос III часть // Голос. 1878, №351. С. 1.

31. Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос IV часть // Голос. 1878. №354. С. 1.

32. Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос V часть // Голос. 1878. №355. С. 2.

33. Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос VI часть // Голос. 1879. №3. С. 1–3.

34. Венюков М.И. Территориальные приобретения и уступки России во второй половине XIX века // Голос. 1878. №12. С. 1–2.

35. Венюков М.И. Территориальные приобретения и уступки России во второй половине XIX века (Окончание) // Голос. 1878. №14. С. 1–2.

36. Военные действия в кульджинских пределах (С 12-го по 16-е июня) // Туркестанские ведомости. 1871. №26. С. 104–105.
37. Военные действия в кульджинских пределах // Туркестанские ведомости. 1871. №27. С. 107–109.
38. Из действующего отряда (Корреспондент Туркестанских Ведомостей) // Туркестанские ведомости. 1871. №25. С. 101.
39. Латкин Н. «По поводу кульджинского края» // Голос. 1878. №288.
40. Мушкетов И.В. К вопросу о Кульдже // Туркестанские ведомости. 1879. №41. С. 163–164.
41. О Кульдже. Краткий очерк политических событий в Кульдже со времени восстания мусульман против китайцев. Ч. I // Туркестанские ведомости. 1871. №15. С. 60–61.
42. О Кульдже. Краткий очерк политических событий в Кульдже со времени восстания мусульман против китайцев. Ч. II // Туркестанские ведомости. 1871. №16. С. 63–65.
43. О новейших исследованиях в Кашгарии // Русский инвалид. 1886. № 186. С. 3–4.
44. Посещение г. генерал-губернатором При-Илийского края // Туркестанские ведомости. 1871. №37. С. 147–148.
45. Последние военные действия в Кульдже (из донесений генерал-лейтенанта Колпаковского) // Туркестанские ведомости. 1871. №25. С. 101.
46. Русская торговля в Кульдже // Туркестанские ведомости. 1872. № 15. С. 59–60.
47. С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №19. С. 77–78.
48. С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №23. С. 93.
49. С кульджинской границы // Туркестанские ведомости. 1871. №24. С. 97–98.

50. Следует ли уступить Китаю Кульджу? // Новое время, 1878. №720. С. 2–3.

51. Распоряжения Семиреченского областного начальства // Туркестанские ведомости. 1871. №28. С. 111–112.

Источники личного происхождения.

52. Аристов Н.А. О Кульдже // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник под ред. Н.А. Маева. Вып. II. СПб.: Издание Туркестанского статистического комитета. 1873. С. 202–221.

53. Бабков Н.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1859–1875 гг. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 575 с.

54. Беллью Г.В. Кашмир и Кашгар: дневник Английского посольства в Кашгаре в 1873–1874 г. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза». 1877. 309 с.

55. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии. 1985. С. 97–218.

56. Васильев В.П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими // Русский вестник. 1872. Т. 99. С. 130–192.

57. Верещагин В.В. На войне в Азии и Европе. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°. 1898. 370 с.

58. Веселовский Н. Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г., под видом купца Хорошева // Живая старина. Вып. II, III. Год XVII. СПб. 1908. С. 169–173.

59. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 27. Л.: Наука. 1984. 463 с.

60. Дьяков А. Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 годах в Илийском крае // Записки

восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 18. СПб.: Тип. Академии наук. 1908. С. 233–282.

61. Каульбарс А.В. Поездка в Кульджу // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник под ред. Н.А. Маева. Вып. II. СПб.: Издание Туркестанского статистического комитета. 1873. С. 232–249.

62. Копцева А. Походные заметки сестры милосердия о кульджинском походе 1871 г. / Туркестанские ведомости. 1873. №16. С. 63–64.

63. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб. 1879. 435 с.

64. Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 // Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2003. 688 с.

65. Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–начало 1873 // Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2006. 734 с.

66. Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. В двух томах. Т. 1. М.: «Захаров». 2016. 512 с.

67. Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. В двух томах. Т. 2. М.: «Захаров». 2016. 544 с.

68. П.Р. Несколько дней в Кульдже // Военный Сборник. 1866. №9. С. 133–157.

69. Пантусов Н.Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871–1881 гг. Казань. Унив. тип. 1881. 226 с.

70. Певцов М.В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М.: ГИГЛ. 1949. 325 с.

71. Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. I. СПб.: Военная типография. 1893. С. 293–303.

72. Путинцев М. «Миссионерская проповедь может послужить поводом к возмущению магометанского населения...» // Восток Свыше: духовный, литературно-исторический журнал выпуск LVII. 2021. № 3. С. 14–31.

73. Швейниц Л. фон. При дворе Александра II. Мемуары германского посла. СПб.: Евразия. 2022. 414 с.

74. Gordon C.G. Letters of general C.G. Gordon to his sister M.A. Gordon. London: Macmillan. 1902. 304 p.

75. Loftus A. The diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus. 1862–1879. Ser. 2. Vol. 2. London–Paris–Melbourne: Cassel and Company. 1894. 353 p.

76. Roberts F.S. Forty-One Years in India: From Subaltern to Commander-In-Chief. In two volumes. Vol. 2. London: Richard Bentley and Son. 1897. 511 p.

Литература.

1. Авилов Р.С. Владивостокская крепость. Ч. 1: назло надменному соседу: 1860–1905 гг. Владивосток: Дальнаука. 2013. 383 с.

2. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 3: Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М.: Кучково поле. 2018. 901 с.

3. Айрапетов О.Р. Русский флот на Тихом океане с XVIII века до 1904 года // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. №5. С. 42–115.

4. Алдабекова Н.А. Зарождение русско-китайских торговых связей в Центрально-азиатском регионе в конце XVIII – середине XIX вв. // И не распалась связь времен... М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература». 1993. С. 136–150.

5. Алексеев М.Н. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече. 2010. 480 с.

6. Антонов Н. К истории заключения Русско-китайского договора 1851 г. в Кульдже // Документы опровергают: против фальсификации русско-китайских отношений. М.: Мысль. 1982. С. 148–164.

7. Асанова С.А. Смыслы российского присутствия в Центральной Азии на примере Кульджи // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. №5. С. 64–76.
8. Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Т. XLVI, ч. 2. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН). 2016. С. 209–244.
9. Басханов М.К. Османская Турция и государство Якуб-бека // Двадцать третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Часть 2. М.: Институт востоковедения АН СССР. 1991. С. 50–56.
10. Басханов М.К. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата. 1990. С. 100–134.
11. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив. 2015. 240 с.
12. Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. №5 (109). С. 33–38.
13. Бунаков Е.В. Из истории русско-китайских отношений в первой половине XIX в. // Советское востоковедение. 1956. №2. С. 96–104.
14. Васильев Д.В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт первый: «Индийский поход» К. П. Кауфмана // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2 (42). С. 140–154.
15. Васильев Д.В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт второй: посольство Н.Г. Столетова // Вестник Оренбургского государственного

педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3 (43). С. 69–85.

16. Васильев Д.В. Бремя империи: административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2018. 636 с.

17. Васильев Д.В. Поступь империи. Политика России в Центральной Азии: XIX – начало XX в. М., СПб.: Нестор-История. 2022. 636 с.

18. Васильев Д.В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: Изд-во Института бизнеса и политики (ИБП). 2015. 302 с.

19. Васильев Д.В. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 34–46.

20. Васильев Д.В., Почекаев Р.Ю., Асанова С.А.; общ. ред.: Д.В. Васильев. Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России: вторая половина XIX в.: к 300-летию Российской империи, 1721–2021. СПб: Нестор-История. 2021. 236 с

21. Волынец А.Н. Деревянные пушки Китая. Россия и Китай – между союзом и конфликтом. М.: Эксмо. 2017. 448 с.

22. Воскресенский А.Д. «Илийский кризис» в русско-китайских отношениях второй половины XIX в.: новое в изучении Китая. Часть 5. М. 1990. С. 16–25.

23. Воскресенский А.Д. «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература». С. 273–273.

24. Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора. М.: Памятники исторической мысли. 1995. 439 с.

25. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Муравей. 2004. 600 с.
26. Гоков О.А., Фалько С.А. Жизненный путь офицера Генерального штаба: Николай Яковлевич Шнеур на службе России (1848–1894) // Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред. сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XIX. М.: Модест Колеров. 2016. С. 280–329.
27. Гоков О.А. Особенности военной разведки России на мусульманском Востоке (1856–1890-е гг.) // Canadian-American Slavic Studies. 2011. Volume 45. Number 1. P. 36–75.
28. Голиков А.П. История Цинской империи в Китае (XVII–XX вв.) в картах и таблицах. Часть 1. Карты // Ойкумена. Регионоведческие исследования [электронный ресурс] // <https://ojkum.ru/blog/projects/179-istoriya-tsinskoj-imperii-v-kitae-xvii-xx-vv-v-kartakh-i-tablitsakh-chast-1-karty.html> (Дата обращения 01.05.2024)
29. Голиков А.П. История Цинской империи в Китае (XVII– XX вв.) в картах и таблицах. Часть 2. Карты // Ойкумена. Регионоведческие исследования [электронный ресурс] <https://ojkum.ru/blog/projects/14-qing-china-02-maps.html> (Дата обращения 01.05.2024)
30. Головачёв В.Ц. Симоносекский договор и борьба Китая против уступки Тайваня (1894–1895) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2008. №5. С. 20–30.
31. Горшенина С. Теория естественных границ и завоевание Кульджи: автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // Ab Imperio. 2014. №2. С. 102–165.
32. Громов А.В. Трофей Кульджинского похода русской армии (1871 г.) в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и

войск связи (Санкт-Петербург) // Военно-исторический журнал. 2019. №.10 (714). С. 55–56.

33. Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М. 1982. С. 423–459.

34. Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН. 1998. 202 с.

35. Единархова Н.Е. Торгово-экономические связи России с Китаем (70-е годы XIX в.) // Экономические и политические связи народов России и стран Востока во второй половине XIX – начале XX вв. Иркутск. 1981. С. 36–48.

36. Зайончковский П.А. К вопросу завоевания Средней Азии // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2008. С. 29–95.

37. Зеньковский С.А. Русско-китайский конфликт 1880 г. // На темы русские и общие: сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк. 1965. С. 256–279.

38. Зиборов Д.М. Посольство А.В. Каульбарса в Кульджу в 1870 г. // Человеческий капитал. 2023. №8 (176). С. 36–46.

39. Зиборов Д.М. «Записка об общих мерах на случай разрыва с Китаем» генерал-майора Л.Н. Соболева: план несостоявшейся войны с Цинской империей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. №8. С. 3294–3303.

40. Зиборов Д.М. Илийский кризис и позиция Великобритании в 1880 г.: миссия полковника Ч.Д. Гордона. // Клио. 2024. №12 (216). С. 134–137.

41. Зиборов Д.М. Кульджинская кампания генерала Г.А. Колпаковского и завоевание Илийского края в 1871 г. // Клио. 2023 №9 (201). С. 48–56.

42. Зиборов Д.М. Научно-разведывательная составляющая посольства А.В. Каульбарса в Кашгар в 1872 г. // Вопросы политологии. 2023. Том 13. №8 (96). С. 3749–3757.
43. Исиев, Д.А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864–1877). М.: Наука. 1981. 90 с.
44. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в десяти томах // глав. ред. Тихвинский С.Л. Т. VI. М.: Наука. 2014. 886 с.
45. История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. М.: Международные отношения. 2018. 240 с.
46. Кадников В.С. Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. № 6. С. 893–909.
47. Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников: (вторая половина XIX в.) Алма-Ата: Наука. 1988. 242 с.
48. Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: Издательско-торговый дом «ЛеКо». 2006. 344 с.
49. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография. 1890. 370 с.
50. Маланова А.В. Восточная Сибирь в годы Илийского кризиса (1871–1881) // Вестник ИрГТУ. 2014. №5 (88). С. 251–254.
51. Мамедова Э.М. Из истории торговых отношений Туркестана и Синьцзяна (1850–1917 гг.) // Научные работы и сообщения. Кн. 4. Ташкент. 1961. С. 363–370.
52. Моисеев В.А. К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 2. Сборник научных статей под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Азбука. 2000. С. 85–94.
53. Моисеев В.А. О некоторых причинах и последствиях политики невмешательства России в ход восстаний в Синьцзяне в 1864–1866 гг. // Третьи

востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы III региональной конференции. Барнаул: Издво БГПУ. 2000. С. 27–31.

54. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Азбука. 2003. 346 с.

55. Моисеев С.В. Миссия А.В. Каульбарса в Йэттишире и подписание русско-кашгарского торгового договора в 1872 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул: Изд-во БГПУ. 2001. С. 21–26.

56. Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука. 2006. 203 с.

57. Моисеев С.В. Кокандский фактор во взаимоотношениях России и государства Йэттишар // Россия и международные отношения в Центральной Азии (региональный аспект): Сб. Науч. Ст. Под редакцией В.А. Моисеева. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета. 2001. С. 83–90.

58. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке М.: Изд-во АН СССР. 1956. 899 с.

59. Обухов В.Г. Битваза Беловодье: Большая игра начинается. М.: Крафт+. 2016. 680 с.

60. П.К. Действия против Кульджинского султана // Исторический вестник. СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1899. Т. 8. С. 485–493.

61. Пашков И.П. Россия и Китай и кульджинский вопрос // Русская мысль. 1880. № 9. С. 52–69.

62. Почекаев Р.Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. М.: Изд-во Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ). 2019. 422 с.

63. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд-во Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ). 2017. 381 с.

64. Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М.: Изд-во Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ). 2020. 324 с.

65. Почекаев Р.Ю. Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. Т. XLVI, ч. 2. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН). 2016. С. 531–542.

66. Почекаев Р.Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Серия 2: Гуманитарные науки Т. 20. № 4 (181). 2018. С. 152–156.

67. Проскурин В.Н. Жизнь и судьба генерала Колпаковского. Алматы: Service Press. 2018. 364 с.

68. Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН. 2012. 582 с.

69. Рыбачёнок И.С. Н.Н. Обручев о геополитических интересах России // Россия: Международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки. М.: Институт российской истории РАН. 2003. С. 69–122.

70. Савельев А.Е. Японо-китайская война 1894–1895 гг. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4. С. 9–18.

71. Сергеев Е.Ю. Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016. 456 с.

72. Степанов В.Л. Цена победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6. С. 99–119.

73. Струнина-Бородина Н.Г. Проблемы черноморско-турецкого территориального разграничения по итогам Берлинского конгресса 1878 г. (в освещении журнала «Нива» в начале 1880-х годов) // Славяне и Россия: Россия,

Болгария, Балканы: проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность: [сборник статей]. Ред. Никифоров К.В. М.: Институт славяноведения РАН. 2019. С. 325–341.

74. Сутеева К.А. Некоторые аспекты административной и социальной политики России в Илийском крае Синьцзяна в 1871–1881 гг. // Идеология и политика. Ч. 2. М. 1986. С. 125–131.

75. Тагеев Б.Л. Кульджинский поход // Альманах армии и флота. СПб. 1902. С. 62–73.

76. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т. 2. М.: АИРО-XXI. 2018. 560 с.

77. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типография П.П. Меркулева. 1875. 361 с.

78. Фалько С.А. Деятельность российской разведки в Китае в 70–80-х гг. XIX в.: проблема оценки вооруженных сил Цинской империи // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2010. № 908: Сер. Історія. Вип. 42. С. 220–230.

79. Фалько С.А. Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.) // Клио: Журнал для учёных: Journal for scientists. 2015. № 2 (98). С. 136–145.

80. Фурсов В.Н., Тестов В.Н. Возведение и функционирование Транскаспийской магистрали в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Выпуск 27. С. 113–116.

81. Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент. Изд-во САГУ. 1957. 250 с.

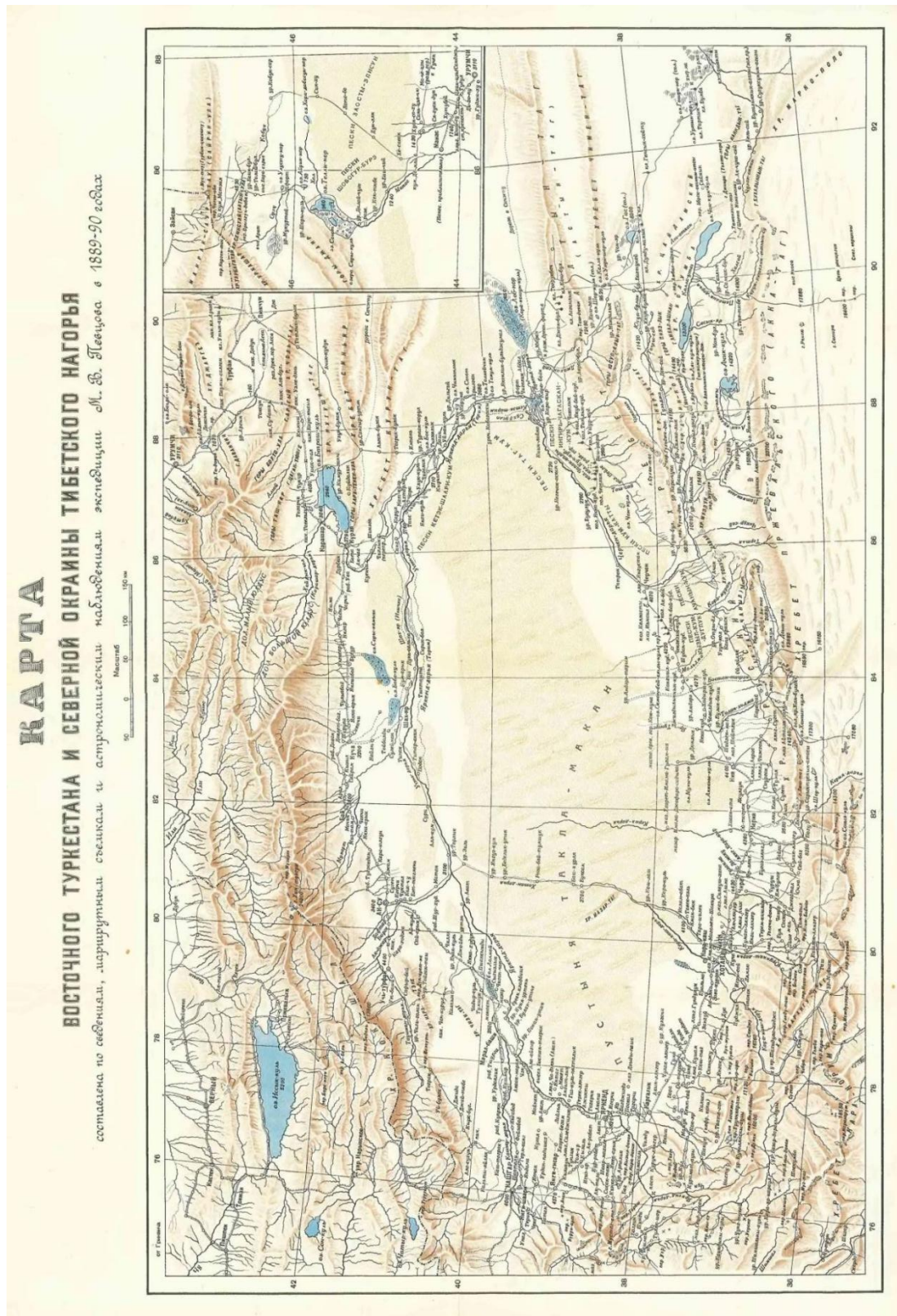
82. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Изд-во восточной литературы. 1960. 272 с.

83. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука. 1965. 467 с.

84. Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик. 2004. 654 с.
85. Хохлов А.Н. Дунганское восстание в Китае 1860–1870-х годов и поездка академика В.П. Васильева в Кульджу в 1890 году // Восточный архив. 2013. № 2 (28). С.7–19.
86. Хохлов А.Н. Торговля – приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // И не прервалась связь времен... М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература». 1993. С. 197–229.
87. Центральная Азия в составе Российской империи // Отв. Ред. Абашин С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова. Н.Е. М.: Новое литературное обозрение. 2008. 451 с.
88. Bales W.L. Tso Tsungt'ang. Shanghai: Kelly and Walsh. 1937. 436 p.
89. Boulger D.Ch. England and Russia in Central Asia. Vol. 2. London: Allen & Unwin. 1879. 426 p.
90. Boulger D.Ch. The life of Gordon: Major-General, R.E., C.B: Turkish field-Marshal, Grand Cordon Medjidieh, and Pasha; Chinese Titu (Field-Marshal), Yellow Jacket Order. London: T. Fisher Unwin. 1891. 184 p.
91. Boulger D.Ch. The Life of Yakoob Beg, Athalik Ghazi, and Badaulet, Ameer of Kashgar. London. 1878. 194 p.
92. Elton G.E. First baron, General Gordon. London: Collins. 1954. 447 p.
93. Garrett R. General Gordon. London: Arthur Barker. 1974. 240 p.
94. Gundry R.S. China and Her Neighbours: France in IndoChina, Russia and China, India and Thibet. London: Chapman and Hall. 1893. 408 p.
95. Hodong Kim. Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford: Stanford University Press, 2004. 295 p.
96. Hsu Immanuel (Hsu I.C.Y.) China's entrance into the Family of Nations. Cambridge. 1960. 255 p.

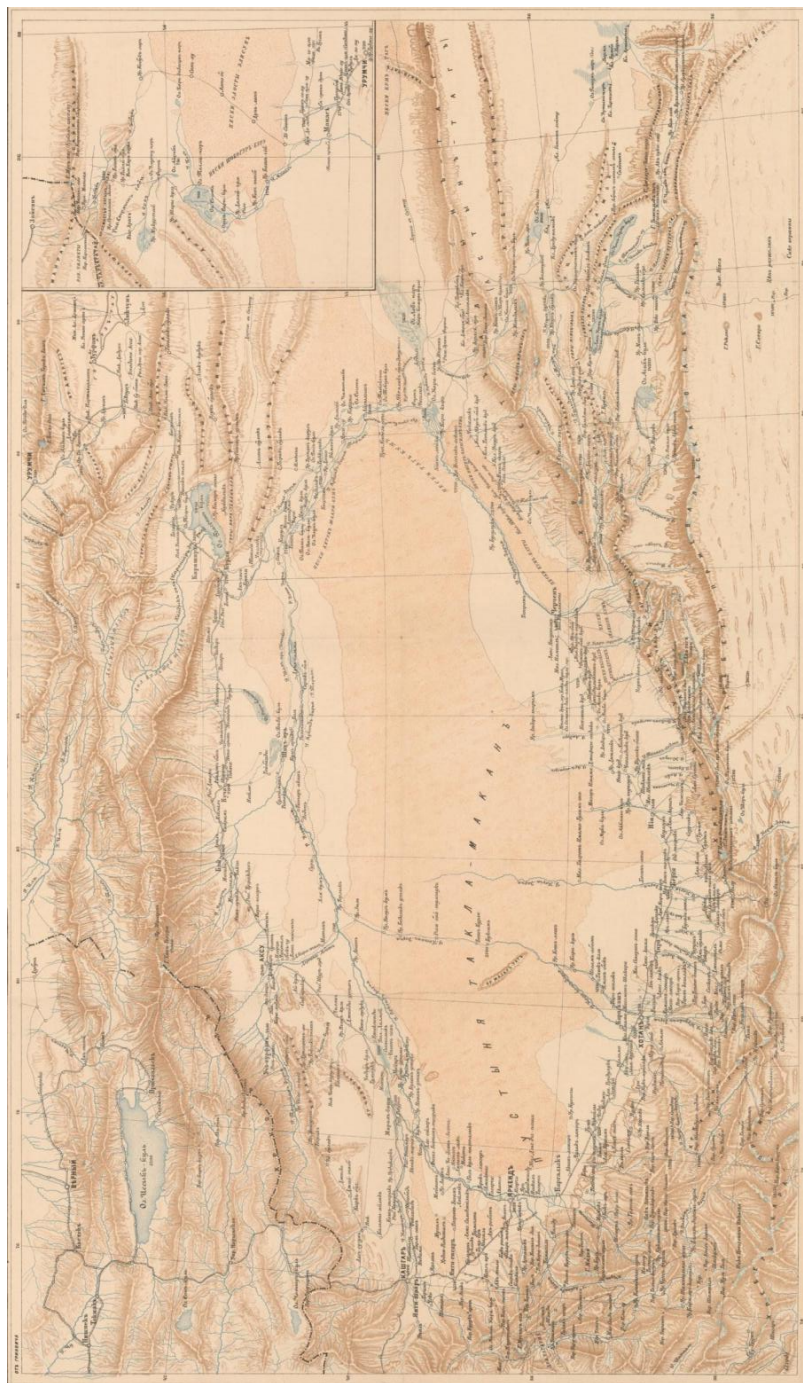
97. Hsu Immanuel (Hsu I.C.Y.). *The Ili crisis. A study of Sino-Russian Diplomacy 1871–1881*. Oxford. 1965. 230 p.
98. *The Cambridge History of China. Volume 11: Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2*. Edited by John K. Fairbank, Kwang-Ching Liu. Cambridge: Cambridge University Press. 1980. 754 p.
99. Noda J. *Reconsidering the Ili Crisis – The Ili Region under Russian Rule (1871–1881) // Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future / ed. by M. Watanabe, J. Kubota*. Kyoto: Research Institute for Humanity and Nature, 2010. P. 163–197.
100. Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge University Press, 2021. 641 p.
101. Millward, James A. *Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang*. Columbia University Press, 2021. 520 p.
102. Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia, and their disputed frontier*. New York: Routledge. 1985. 448 p.
103. Powell R.L. *The rise of Chinese military power: 1895–1912*. Princeton: New Jersey Princeton University press. 1955. 383 p.

Приложения.

Приложение 1. Карта Восточного Туркестана⁷⁹².

⁷⁹² Певцов М.В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М.: ГИГЛ. 1949.

Приложение 2. Карта Восточного Туркестана и северной окраины Тибетского нагорья ⁷⁹³.

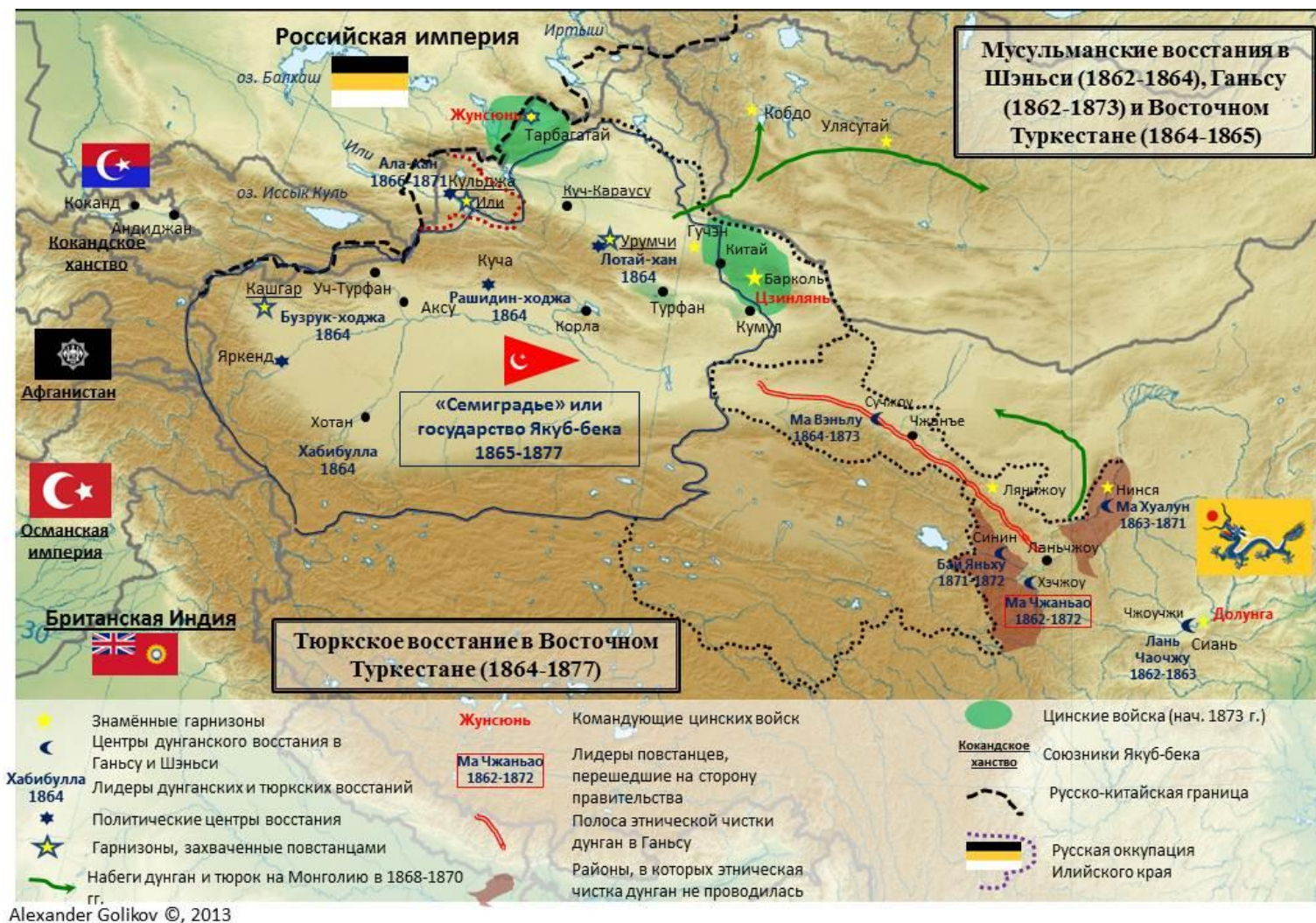
⁷⁹³ Карта восточного Туркестана и северной окраины Тибетского нагорья [Карты] / сост. по сведениям экспедиции М.В. Певцова в 1889–90 годах. - 1: 3 000 000, 30 км в 1 см. - [Б.м., 19...]. - 1 л.: многокрас.; 40x56 см.

Приложение 3. Восстания в Империи Цин в середине XIX века⁷⁹⁴.

⁷⁹⁴ Голиков А.П. История Цинской империи в Китае (XVII–XX вв.) в картах и таблицах. Часть 1. Карты // Ойкумена. Регионоведческие исследования [электронный ресурс] // <https://ojkum.ru/blog/projects/179-istoriya-tsinskoj-imperii-v-kitae-xvii-xx-vv-v-kartakh-i-tablitsakh-chast-1-karty.html> (Дата обращения 01.05.2024)

Приложение 4. Подавление восстания Якуб-бека⁷⁹⁵.

⁷⁹⁵ Голиков А.П. История Цинской империи в Китае (XVII–XX вв.) в картах и таблицах. Часть 2 Карт / Ойкумена Регионоведческие исследования [электронный ресурс] <https://ojkum.ru/blog/projects/14-qing-china-02-maps.html> (Дата обращения 01.05.2024)